

ВЕСМ

№7, 2016

Александр

Золотой свет. Худ. Сергей Давидович.

Талант. Худ. Сергей Давидович.

В СОВМЕСТНОМ ПРОЕКТЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Сергей Давидович.

Михаил Сотников.

Анатолий Петров.

Сергей Радук.

Василий Поляков.

Валерий Славук.

Василий Костюченко.

Николай Дундин.

Игорь Грищенко.

Андрей Бубенцов.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ...

**Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
Международное общественное объединение художников «Солнечный квадрат»
и издательство «Банк культурной информации» (соучредитель журнала «Веси»)
объединили свои усилия в целях воспитания гармонически развитой личности.**

После 10-го юбилейного пленэра молодых художников России, прошедшего в доме творчества Горячий Ключ летом 1991 года, и после распада СССР Сергей Радюк, Юрий Соломкин, Олег Тимофеев и Андрей Бубенцов выступили инициаторами создания товарищества художников, которое назвали «Солнечный квадрат». В 1996 году на очередном пленэре «Солнечного квадрата» в доме творчества им. Кардовского в Переславле-Залесском, подводя итоги выставки «Солнечный квадрат – 4» в ЦДХ, группа художников из 16 человек (Сергей Радюк и Юрий Соломкин – Вологда, Олег Тимофеев – Иваново, Андрей Бубенцов – Тамбов, Сергей Паршин, Евгений Кузнецов, Василий Поляков – Ставрополь, Лариса и Валерий Блохины – Краснодар, Федор Ястреб, Сергей Давидович, Николай Бущик, Василий Костюченко – Минск, Андрей Лоевский, Игорь Кислицин – Москва, Юрий Зотов – Нижний Тагил) учредили организацию и зарегистрировали ее в Министерстве Юстиции РФ как Международную общественную организацию художников (сокращенно МООХ) «Солнечный квадрат», впоследствии расширившуюся до 135 членов и более 300 кандидатов. Первым президентом «Солнечного квадрата» стал Сергей Радюк. А первые международные проекты прошли в Брюсселе (лето 1996 года), в Калькутте (сентябрь 1996 года) и в Сайгоне (зима 1997 года). С 1999 по 2002 год организацию возглавлял Константин Персидский (г. Химки) и в 1999, 2000 и 2001 годах в Люксембурге прошли еще три фестиваля искусств. Фестивали курировал Сергей Радюк и проходили они под патронатом Министерства культуры России и Министерства Культуры Люксембурга. До этого праздника современного искусства и фейерверка различных стилей живописи пленэры «Солнечного квадрата» переехали в Вологодскую область. Пилотный симпозиум в д. Дитятьево в 1995 году влюбил художников в старинный русский город Вологду. С 1997 года по настоящее время пленэры начинались в усадьбе Игоря Северянина, а после традиционного карнавала улетали за границу, пропагандируя российских и белорусских художников.

Франция, Люксембург, ЮАР, Вьетнам, Индия, Италия, Черногория, Египет, Германия, Беларусь, Испания, Бельгия, Голландия, Аргентина, Чили, Япония – вот далеко не полный список стран, где художники «Солнечного квадрата» за 25 лет светили своим квадратным солнцем. Если у солнца символы – круг и крест, то у Земли, безусловно, – квадрат, а там, где хоть ненадолго появлялись художники «Солнечной земли» люди становились хоть чуточку, но светлее.

Особенно памятным получились 1993 и 1994 гг. в Москве, когда Российский Союз Художников не проводил, как раньше, свои пленэры. А симпозиумы «Солнечного квадрата» стали единственными месяцами счастья, где художники, собираясь вместе, не думали о поиске средств

на оплату коммунальных услуг за мастерские. В 1995–1997 гг., в Вологде и Минске художники дарили свое Солнце уставшим от «чернухи 90-х» любителям прекрасного. Еще позже, в 1999–2001 гг., в Люксембурге, где бурные потоки «Горбачевской оттепели», несшие в Европу всё подряд как внешние воды, сменились ласковыми лучами «Солнечного квадрата».

В 2002 году художникам «Солнечного квадрата» стало ясно, что «оттепель» заканчивается, и пора приготовиться к суровым будням выживания. На очередном собрании художников было решено реорганизовать «Солнечный квадрат» из Международной общественной организации художников в Международное общественное объединение художников «Солнечный квадрат». Отказавшись от всякой финансовой деятельности и упразднив бухгалтерию и организационный аппарат, объединение художников продолжило свою работу сугубо в творческом направлении, а возглавил объединение с 2002 по 2005 годы Евгений Кузнецов из Ставрополя. Спустя три года президентом «Солнечного квадрата» вновь стал Сергей Радюк, и в результате его руководства «Солнечный квадрат» обрел финансового партнера – Фонд Содействия Развитию Изобразительного Искусства Сергея Радюка, взявшего на себя немногочисленные финансовые затраты «Солнечного квадрата» в этот период. Пропагандируя творчество художников «Солнечного квадрата», начинается выпуск альбомов по искусству из серии «Старое и Новое»: Сергей Радюк – 2005 год, Михаил Копьёв и Анатолий Кузнецов – 2007 год, Константин Персидский и Микола Бущик – 2008 год. В этом же году объединение вновь возглавил Константин Персидский, но тяжелая болезнь оборвала его творческую песню на полуслове. Несмотря на то, что «Солнечный квадрат» и ранее столкнулся с утратой своих товарищей (Игорь Соловьёв и Александр Саратовин) потеря Константина Персидского стала тяжелейшим испытанием для объединения. Позже, без времени ушел Федор Ястреб, а в 2016 году ушла Наталья Лаврентьева.

После смерти Константина Персидского «Квадратом» руководили Сергей Радюк, Василий Костюченко и Степан Сагайко. В 2011 году квадрат возглавил замечательный скульптор Степан Сагайко из Москвы. Под его руководством «Солнечный квадрат» отметил 20-летие. В 2013 году президентом вновь выбрали Сергея Радюка, а в 2016 году его переизбрали на новый срок.

Четверть века позади. Объединение омолаживается. Дети художников, их друзья и ученики пополняют ряды квадрата. И, если в первые 25 лет художники «Солнечного квадрата» не вычислили «квадратуру круга», как предполагал замечательный искусствовед Анатолий Кантор, то, может, в следующие 25 лет их дети решат эту задачу.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Советская, 96)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 855).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артемов	А.П.Мищенко (Тюмень)
Л.С.Богоявленский	Я.С.Недвиг
О.А.Бухаркина	(художественный редактор)
д.и.н. С.В.Голикова	к.и.н. Б.Б.Овчинникова
(Екатеринбург)	д.и.н. Д.А.Редин
В.Г.Дагуров (Москва)	(Екатеринбург)
к.и.н. А.С.Еремин (Ирбит)	С.И.Симонов
В.Н.Ермолаев (Тавда)	(Каменск-Уральский)
(зам. главного редактора)	Б.В.Соколов
д.и.н. В.В.Запарий	д.и.н. А.В.Сперанский
А.П.Комлев	(Екатеринбург)
к.и.н. С.А.Корепанова	доктор культурологии
д.и.н. Г.Е.Корнилов	С.Г.Фатыхов (Челябинск)
к.и.н. В.Н.Кузнецов	А.А.Федотов (Саратов)
Л.А.Ладейщикова	Ю.П.Чернавин (Ирбит)
к.т.н. Я.Л.Либерман	Е.И.Щупова
В.И.Липатников	Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)	(Екатеринбург)
В.В.Лютков (Челябинск)	
А.М.Марласов	Корректор номера
(Кисловодск)	Владимир Иванов

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 855
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора
и со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте
или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для
издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

12+

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке: (1) Картина Сергея Давидовича «Тайна».

Номер подписан в печать 13.09.2016 г.

Тираж 2700 экз.

Цена свободная.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С этого номера журнала начался совместный про-
ект Академии повышения квалификации и профес-
сиональной переподготовки работников образования,
«Весей» и Международного общественного объедине-
ния художников «Солнечный квадрат». И не случай-
но мы выбрали осенний сентябрьский номер, когда
начинается учебный год, когда тысячи школьников и
студентов идут за знаниями, чтобы познавать мир,
постигать тайны бытия, учиться необходимому и со-
прикасаться с прекрасным.

Каждый раз на страницах журнала мы будем
представлять работы нашего современника-худож-
ника, по-особому видящего действительность и спо-
собного поделиться с нами этим своим видением. Гля-
дя на картины, не надо быть профессионалом от жи-
вописи, докой художественных наук, можно просто
прикоснуться к ним сердцем и почувствовать душу
художника, энергию его работы и открыть через нее
новую грань мира, доселе неизвестную, непознанную.
И такое соприкосновение с живописью – это огром-
ная работа, как для кого-то постижение азбуки, цифр,
слов. Только для одних – проще, для других –
сложнее, потому что речь идет об образном видении
мира, испытываемых нами чувствах, рождаемых ас-
социациях. И совершив эту работу, мы учимся чув-
ствовать, представлять, видеть прекрасное, любо-
ваться им и транспонировать в будущее.

Каждая отозвавшаяся в нашей душе картина по-
зволяет приоткрыть самый таинственный из миров –
мир творчества. В нем нет правил, нет обыденности,
нет повседневности. В нем есть божественное прови-
дение, откровение, талант и восторг сопричастности
с непознанным.

Каждый номер журнала станет представлением
художника, приглашением на выставку, где можно
постоять перед картиной и за всеми ее тонко spletе-
ниями почувствовать не только мысль автора, но и ин-
тонацию, с которой он ее произнес.

Я надеюсь на успех нашего проекта и желаю вам,
читатели, новых ощущений и знаний от увиденного и
прочитанного.

*Александр Лукичев,
Президент Фонда Содействия Развитию
Изобразительного Искусства,
заместитель директора центра
проектно-внебюджетной деятельности
и развития связей с субъектами
РФ ФГАОУ ДПО АПК и ППРО.*

ВЕСИ

№ 7(123) 2016
сентябрь

Издается с 2002 года

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Четверть века спустя.....	1
<i>Владимир Усолец</i>	
О синтезе искусств: экскурс из Серебряного века – в наш XXI.....	4
<i>Екатерина Лесникова</i> Лики времени	
Сибирский десант.....	9
<i>Дмитрий Гаврилов</i> Лики времени	
В круговерти XX века.....	16
<i>Виктор Шульгин, Владимир Запарий</i> Лики времени	
История одного из Орденов Ленина.....	26
<i>Лудовико Ариосто (пер. Юрия Конецкого)</i> Переводы	
Неистовый Роланд.....	28
<i>Марта Шматова, Наталья Давидович</i> Мастерская	
Выставка живописи Сергея Давидовича.....	32
<i>Дмитрий Сивков</i> Литературная коллекция	
Вино из мухоморов, или Плебисцит о псилоцибине.....	34
<i>Владлен Козинец</i> Литературная коллекция	
Выбраковка.....	38
<i>Олег Кубинский</i> Литературная коллекция	
Ледяной памятник.....	46
<i>Иван Недвига</i> Литературная коллекция	
Алексей.....	50
Литературная коллекция	65–144

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2016 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте <http://www.ural-press.ru/>

Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

Сотрудничают с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru
В случае проблем: +7 (343) 379-05-02 (Владлена Бармина).

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

Журнал награжден почетными
знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при
финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым комму-
никациям.

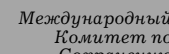
United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO centers and
associations

Издается под патронатом Всемир-
ной федерации ассоциаций, центров и клу-
бов ЮНЕСКО, Российской библиотечной
ассоциации и Российского представи-
тельства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

генеральный секретарь
Урало-Сибирской федерации
АЦК ЮНЕСКО, казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АБЕРИНА

аудитор Всемирной федерации
АЦК ЮНЕСКО
Данил Владимирович КУРАШОВ

президент
Российской библиотечной ассоциации,
заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
главный редактор «Областной газеты»
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

О СИНТЕЗЕ ИСКУССТВ: ЭКСКУРС ИЗ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА – В НАШ XXI

Владимир УСОЛЬЦЕВ

Доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры менеджмента и внешнеэкономической деятельности предприятия Уральского государственного технического университета, г. Екатеринбург.

Философы Серебряного века утверждали, что мир есть самообнаруживающееся творчество (Савельева, 2004). Особая роль в вечном проявлении творчества отводилась музыке, «ибо именно здесь нам открывается сверхвременное созерцание временной последовательности» (Трубецкой, 2000. С. 181). Сакральный смысл музыкального откровения заключается в том, что в звуках покой и мятежность включены в единый божественный комплекс, а вечный покой и вечное движение в космическом масштабе тождественны (Савельева, 2004).

Таинство произведений искусства современный философ Г.Г.Майоров (2009) комментирует, сопоставляя процессы творчества и познания: «Отличие творчества от познания состоит в том, что истинный художник (поэт, живописец, композитор и т.п.) не только ориентируется в своем творчестве на “вещь в себе”, но и сам творит ее, как бы вкладывая в создаваемое произведение часть своей души. Поэтому произведения великих художников оказываются столь же неисчерпаемыми для познания, как и все другие “вещи в себе”» (с. 118–119).

Ю.В.Линник (1995) предлагает широкое и довольно своеобразное понимание красоты: «Человеческому духу присущ эстетический максимализм: он жаждет красоты полной, абсолютной и безусловной – любое ее умаление или ущерб для него нетерпимы. Поиск такой идеальной красоты издревле связан с трансцендированием: не находя искомого в материальном мире, дух устремляется в запретные сферы. Там нет тления, нет энтропии. И поэтому там про-

цвело совершенство, которое так или иначе, но искажается при проекции на план воплощенного бытия. История эстетики теснейшим образом сопряжена с историей трансцендирования, – однако этот аспект ее развития еще ждет углубленных исследований» (с. 26).

С предложением Ю.В.Линника в принципе согласуется позиция Л.В.Жаравиной (2010): «...Эстетические законы следует искать в сфере трансцендентного, которое возвышается над имманентным и охватывает явления высшего порядка. ...К трансцендентным относится закон красоты, значение которого не отрицали даже марксисты, но о котором чаще всего вспоминают лишь на эмоциональном уровне, не придавая ему поисково-категориального статуса. Красота как осознанная интуиция неразрывно связана с понятиями добра и любви» (с. 84–85).

«Моцартовское начало, – пишет А.Н.Яковлев (2001), – самое светлое, самое ценное, что есть в человеке. Всё земное – от перворукотворного костра дикаря до компьютера, от колеса до космической станции – сделали люди моцартовского склада, таланты и интеллектуалы».

Один из глашатаев Серебряного века А.Блок в своих «Записных книжках» (1965) высказывал именно эту мысль: «Музыка потому самое совершенное из искусств, что она наиболее выражает и отражает замысел Зодчего. Ее нематериальные, бесконечно малые атомы – суть *вертящиеся* вокруг центра точки. Оттого каждый оркестровый момент есть изображение системы звездных систем – во всем ее мгновенном многообразии и течением. “Настоящего” в музыке нет,

она всего яснее доказывает, что настоящее *вообще* есть только условный термин для определения границы (несуществующей, фиктивной) между прошедшим и будущим. Музыкальный атом есть самый совершенный – и единственно реально существующий, ибо – творческий. Музыка творит мир. Она есть духовное тело мира...» (с. 150).

В VI веке до н.э. Пифагором было обнаружено, что структура музыкальной гаммы подчинена строгим числовым пропорциям. Пифагорейцы перенесли их на объяснение всех явлений природы, включая Космос. Согласно их воззрениям, все планеты вращаются по орбитам, соответствующим ступеням гаммы и издают при этом «музыку сфер». Ньютон, исследуя законы оптики, возможно, под влиянием этой «музыки сфер» разделил световой спектр по аналогии с музыкальной гаммой на семь цветов. Во Франции на основе аналогии «семь звуков гаммы – семь цветов радуги» Луи Кастель (1688–1757), по сути, предложил некое «новое искусство», «музыку для глаз», предполагающую прямое сопряжение звука и цвета, механистический перевод музыки в цвет на основе звуко-цветовой шкалы. Это предложение было подвергнуто бурной критике, и возражения были основаны, в частности, на том, что «музыка построена на смене тонов, воздействие же цветов основано на постоянстве» (цит. по: Галеев, 2002. С. 167). Об этом же писал М.В.Ломоносов (1952): «Цвета удивительно совмещаются с музы-

кой, но система музыкальных тонов произвольна, а краснота и т.д. постоянны» (с. 5). Затем немецкий писатель К.Эккартсгаузен, отказываясь от «спекулятивных физических аналогий» Л.Кастеля, заявляет, что «и цвета могут выражать чувство души». Элемент динамики в цветовую концепцию музыки внес итало-русский театральный художник П. ди Гонзага (1751–1831). Поскольку звуки действуют во времени, а цвета – в пространстве, он ввел понятие «пространственного ритма» и предложил разделить пространство так же, как делят время. Он увидел сходство с музыкой в фейерверке как светодинамическом явлении, как «музыке для глаз» (Галеев, 2002. С. 173).

На рубеже XIX и XX веков, в период Серебряного века культурной жизни России и умонастроения русского космизма, произошло сближение музыки и живописи, получили развитие световые средства, особенно в театре. Вдохновитель Серебряного века Вяч. И. Иванов писал: «В каждом произведении искусства, хотя бы пластического, есть скрытая музыка. И это не потому только, что ему необходимо присущи ритм и внутреннее движение; но сама душа искусства музыкальна. ...Чтобы произведение искусства оказывало полное эстетическое действие, должна чувствоваться эта непостижимость и неизмеримость его конечного смысла. Отсюда – устремление к неизреченному, составляющее душу и жизнь эстетического наслаждения: и эта воля, этот по-

рыв – музыка» (Иванов, 2007. С. 151–152).

К осознанию небывалых эстетических возможностей синтеза искусств пришел поэт Серебряного века В.Я.Брюсов (1873–1924): «Могут возникнуть новые искусства. Я мечтаю о таком искусстве для глаза, как звуковое для слуха, о переменных сочетаниях черт, красок и огней. Настроения будут запечатлены иными средствами, чем теперь» (с. 21).

Ярким феноменом синтеза искусств в XIX в. явилось творчество художника и композитора М.К.Чюрлениса и композитора А.Н.Скрябина. Музыкант, художник, поэт М.К.Чюрленис (при крещении Николай Константинович Чурлянис) явился подлинным новатором в искусстве и «пророком космического века». Идея синтеза искусств нашла у него едва ли не лучшее по сей день воплощение. Во всей мировой живописи произведения этого мастера занимают особое место. Лучшие его произведения волнуют именно своей «музыкальной живописью». «Живописная обработка элементов зрительного созерцания по принципу, заимствованному из музыки, – вот, по нашему мнению, его метод», – писал в 1914 году Вяч. И. Иванов в работе «Чюрлянис и проблема синтеза искусств» (Иванов, 2007. С. 476). И далее дает свое понимание синтеза искусств: «Проблема же синтеза искусств, творчески отвечающая внутренне обновленному соборному сознанию, есть задача далекая и преследующая единственную, но высочайшую для ху-

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949).

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924).

Александр Александрович Блок (1880–1921).

Микалоюс Константинас Чюрленис (1875–1911).

дожества цель, имя которой – Мистерия. Проблема этого синтеза есть вселенская проблема грядущей Мистерии» (с. 492).

Умение заглянуть в бесконечность пространства, вглубь веков характеризовали М.К.Чюрлёниса как художника чрезвычайно широкого и глубокого, далеко шагнувшего за узкий круг национального искусства. Как и М.А.Врубель, он был «одиноким в искусстве». М.К.Чюрлёнис разделяет участь многих великих талантов: слава опаздывает. Он умер, когда ему не исполнилось и 36 лет.

Творчество М.К.Чюрлёниса несет в себе эвристическое начало. Оно явилось отправной точкой в развитии космического миропонимания философа и поэта Ю.В.Линника (1995): «Космос литовского художника увлек меня еще в ранней юности. С изумлением разглядывая необычные картины, я впервые ощутил таинственную многоплановость бытия – за вещным здесь проступало духовное, за дольным сквозило горнее. Чюрлёнис многое предопределил в моем мироощущении. Та модель мира, которая потом мне открылась в текстах Платона, Флоренского, Лосева, поначалу означалась в картинах Чюрлёниса...» (с. 44).

Известный писатель прошлого века Ромен Роллан называл произведения М.К.Чюрлёниса «живописью больших пространств», а их

автора – «Христофором Колумбом» нового духовного континента. Ф.Я.Розинер (1974) видит в искусстве М.К.Чюрлёниса воплощение идеи связи миров, перехода из прошлого в будущее, путешествий во времени. Творческое воображение художника «позволяет нам шагать из века в век, из страны в страну, с одной планеты на другую, быть в одно и то же время во дне вчерашнем и во дне сегодняшнем. Таково и настоящее, большое искусство. Возникшее в прошлом, оно воплощает в себе и сегодняшний день, и уносит в будущее, конечно же, затем, чтобы будить чувство, мысль, воображение людей. Именно таково искусство Чюрлёниса» (с. 189).

В 1990-е гг. в Казани открыт музей светомузыки («поющей радуги»), у истоков создания которого стоял Б.М.Галеев (1940–2009). Особое место в экспозициях музея занимают материалы, связанные с творчеством М.К.Чюрлёниса и А.Н.Скрябина. При исследовании истории светомузыкального искусства их имена обычно ставят в один ряд. Считают, что если М.К.Чюрлёнис сделал первый шаг к светомузыке «со стороны живописи», то А.Н.Скрябин – «со стороны музыки» (Ванечкина, 1999).

Они первыми осознали глубокие связи света и звука в их трансцендентных измерениях, в их креативных – космогенетических –

функциях (Линник, 2008б), притом, что они практически не знали друг друга. Возможно, их вдохновляла лирика А.Блока (1980):

Всё – музыка и свет: нет счастья,
нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и
радость... (с. 48).

Александр Николаевич Скрябин – одна из ярчайших личностей русской и мировой музыкальной культуры. Он мечтал о создании такой музыкальной мистерии, с последним аккордом которой мир бы оказался действительно преображенным. Вот что пишет о нем современный теоретик искусства Б.М.Галеев (2002): «Его уникальная, универсальная “Мистерия”, мобилизуя средства всех искусств, причем в “соборном режиме” (участвуют все!), уже вообще переставала быть художественным произведением, выполняя функции некоего разового, феноменального “преобразователя” всего мира в новое состояние» (с. 470).

«Глубинная интуиция сакрального была присуща музыке композитора» (Яблонский, 2010). В своеобразной музыке А.Н.Скрябина отмечают импульсивность, тревожные поиски, не чуждые мистицизма. Эти «интуиция сакрального» и «мистицизм» светомузыки А.Н.Скрябина имеют реальные истоки, уходящие вглубь веков. В Стоун-

Александр Николаевич Скрябин (1871–1915). С таким простейшим «светоинструментом» он создавал новое синтетическое искусство (Ванечкина, 1999).

хендже 4 тыс. лет назад определенным сочетанием ритмики звуковых и световых волн достигалось сильное воздействие на резонирующий мозг людей. Частоте 7–13 Гц соответствует частота альфа-волн мозга, в результате человек входит в состояние измененного сознания, своеобразный транс.

«Смутные порывы и грезы Скрябина, – писал последователь «Общего дела» Н.Ф.Фёдорова А.К.Горский (2004), – могут быть всецело поняты и прояснены лишь на фоне учения Фёдорова. ...В грандиозных замыслах Скрябина ярко сказались миротворчески преобразовательная устремленность русского художественного гения. ...Идея “вселенской мистерии” для него осталась в тумане, формы ее осуществления рисовались то в трагическом, то в литургическом аспекте. ... Чем дальше, тем труднее ему становилось справляться с охватывающим его потоком образов. Справиться можно было лишь при достаточно четкой целевой установке, которую способна дать искусству религиозная осознанность, подобная той, какую мы имеем в “Философии общего дела”. ...Совершить в одиночку или небольшой группой дело гармонизации всей атмосферы планеты, не говоря уже о трансформации космической среды, – такая мечта не может нам не казаться безумием. ...Он хотел расширить на весь Космос то, что совершается в храме. Колокола, звучащие с неба, столбы кадильных фимиамов – всё это элементы храмового культа» (Горский, 2004. С. 587–588).

Проводя параллель между творчеством А.Н.Скрябина и Н.Ф.Фёдорова (1829–1903), Ю.В.Линник (2008а) отмечает у обоих антропокосмическое притяжение и желание бросить вызов смерти, пресечь ее. В «Мистерии» композитора человек «переступает порог релятивистского рубежа, выходя на новую Землю и под новые Небеса. Задача «Мистерии» по сути совпадает с задачей «Общего дела». Но берется еще шире, масштабнее... «Общее дело» антиэнтропийно, оно направлено на эволюционный подъем человечества. А.Н.Ск-

Б.М.Галеев и Ю.В.Линник на одной из казанских конференций «Свет и музыка» (Галеев, 2002).

рябин тоже придерживается некой абсолютной вертикали, задающей вектор восхождения... Понятие экстаза у А.Н.Скрябина – в определенном интерпретационном контексте – совпадает с понятием Преображения» (с. 8).

В «Поэме экстаза» Ю.В.Линник (2008а) дополняет эту характеристику композитора сонетом:

В другие хочет выйти измеренья
Великий Скрябин! Тесно здесь ему.
Что эти звуки? Только предваренья
Рывка за ту последнюю кромку...

Да высветят сполохи «Прометей»
Кромешный мрак! Художник станет
Богом –
И ты среди избыточных щедрот

Воздашь творцу, пред ним благоговей.
Земную жизнь представив лишь
прологом,
Симфония захватит, потрясет... (с. 4).

Проводя параллель между творчеством А.Н.Скрябина и К.Э.Циолковского, Ю.В.Линник (2008а), отмечает сходство их представлений о «психике» атома. По А.Н.Скрябину, «состояние атома варьирует от бессознательного до сознательного», причем уровень сознательности не является чем-то постоянным. Это перекликается с концепцией К.Э.Циолковского «о субъективной непрерывности сознания в судьбе каждого атома... но психологически реален только континуум сознательного бытия» (с. 7).

По-видимому, первым о неизбежности синтеза искусств заявил Рихард Вагнер (1813–1883) в своей концепции Gesamtkunstwerk – «всеискусства», «искусства будущего». Б.М.Галеев (2002) отмечает то общее, что связывает творчество Вагнера и Скрябина, – это «вера в преходящее значение отдельных искусств на пути к их обязательному синтезу» (с. 470).

В свои сочинения А.Н.Скрябин привлекает образы, связанные с огнем: в их названиях нередко упоминается огонь, пламя, свет и т.д. Это связано с его поисками объединения звука и света. В партитуру симфонической поэмы «Прометей» включена партия световой клавиатуры. А.Н.Скрябин стал первым в истории композиторов, использовавшим цветомузыку. А.Н.Скрябин вместе с другими композиторами-космистами, вышедшими из Серебряного века – С.В.Рахманиновым, А.Лядовым, Н.А.Римским-Корсаковым, И.Стравинским, Н.Я.Мясковским – утверждают общую образную антигезу: неистовый порыв и сковывающая сила молчания, небытия (Савельева, 2004).

Если об А.Н.Скрябине написано сравнительно много (Сабанеев, 1925; Галеев, 1969; Ванечкина, Галеев, 1981; Рубцова, 1989; Ванечкина, Галеев, 1995, 1998; Линник, 2008а), то о К.К.Сараджеве сведения довольно скудные. По-видимому, впервые информация о нем по-

явилась в небольшой книжечке А.И.Цветаевой и Н.К.Сараджева «Мастер волшебного звона (1988). «Прежде всего, – пишет О.Д.Куракина (1998), – у К.К.Сараджева был поразительнейший слух, он различал в октаве 1701 тон, 243 звучания в каждой ноте (центральная и в обе стороны от нее по 121 “бемолю” и 121 “диезу”, тогда как современная европейская теория музыки имеет дело максимум с 24 звуками в октаве), – абсолютный слух в полном смысле этого слова. Для него существовал огромный мир звуков, нам недоступный; о себе он говорил: «Я сознаю, что мое это умение есть, а также и будет очень долгое время, исключением».

Конечно, никакое фортепьяно не способно было выразить всего многообразия его слышания, и лишь один инструмент оказался подходящим для него – это церковный колокол, а потому был он «Звонарь московский», на колокольные «гармонизации» которого собирались все, кто хоть сколько-нибудь мог почувствовать, с какой заурядностью они имеют дело. О других людях он говорил, что они «звучания не слышат, но то впечатление, которое получается от его колокольных гармонизаций, они отличают, потому-то они и ходят слушать мою игру в церкви святого

Константин Константинович Сараджев (1900–1942). 1925 год.

Марона!» Сам он мог «слышать то-нальности окружающих» людей, предметов, комнаты, которым он тут же давал определение, так Марину Цветаеву он назвал «Ми семнадцать бемолей минор», и очень удивлялся, что другие этого не слышат». Анастасия Цветаева для К.К.Сараджева звучала как «Ми шестнадцать диезов мажор». Кроме того, он «видел» и различал цвета всех этих людей. Так, художник А.П.Васильев был для него «Редиез мажор оранжевого цвета» (Ванечкина, 2000).

«Более того, – продолжает далее О.Д.Куракина (1998), – Сараджев слышал звук данного цвета, и в одном эксперименте, проводимом с большим интервалом времени, дважды дал идентичные тональные описания цветовых лент. При сопоставлении его таблицы с цвето-тональными ассоциациями А.Н.Скрябина, Н.А.Римского-Корсакова, Б.В.Астафьева, обращает на себя внимание тот факт, что у всех троих присутствует какая-то произвольность, чистая субъективность ассоциаций, тогда как у Сараджева поражает полнота и научно-четкий стиль определений, ибо при неспособности различать, мы не можем ни опровергнуть, ни подтвердить его таблицу соответствий звука и цвета. ...Его музыкальное мировоззрение есть «музыкальный взгляд на абсолютно всё, что есть». Поэтому «тон» в колокольной музыке не есть просто определенный звук, а как бы живое огненное ядро звука, содержащее в себе безграничную массу, определенную, основную симфоническую картину, так называемую «тональную гармонизацию» (Куракина, 1998).

«Это было потрясающее зрелище, – пишут А.И.Цветаева и Н.К.Сараджев (1988). И приводят воспоминание Марии Гонты о впечатлении, производимом ни с чем несравнимым звоном К.К.Сараджева: «На фоне синевы выделялся летучий силуэт человека, без шапки, в длинной рубахе, державшего в руках веревочные вожжи ушедших в небо гигантских коней. Маленькие колокола неистово гремели, раскалывая небо жарким пла-

менем праздничного звона. Большой колокол – как гром, средние – как шум лесов, а самые маленькие – как фортиссимо птиц. Оживший голос природы! Стихии заговорили! Это музыка сфер! Вселенская – теперь бы сказали – космическая!» А Свешников вспоминал: «Звон его совершенно не был похож на обычный церковный звон. Уникальный музыкант! Многие русские композиторы пытались имитировать колокольный звон, но Сараджев заставил звучать колокола совершенно необычным звуком, мягким, гармоничным, создав совершенно новое их звучание».

К.К.Сараджев сделал нотную запись 317 звуковых спектров наиболее крупных колоколов всех московских церквей, монастырей и соборов. Он мечтал о создании Московской концертной звонницы, которая будет предназначена для исполнения музыкального, а не церковного звона. К.К.Сараджев понимал, что его искусство – уже не церковный звон: «Это грех так звонить, ...Господь накажет меня за такой звон». Он скончался в Москве в 1942 году в бедности и болезни.

(Окончание на стр. 54).

В

СИБИРСКИЙ ДЕСАНТ*

(О ЛЮДЯХ, ПОСВЯТИВШИХ ЖИЗНЬ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМУ КИНО УРАЛА)

ИСТОКИ

Екатерина ЛЕСНИКОВА

Член Союза
кинематографистов России.
г. Екатеринбург.

Сибирский «Голливуд»

«Не стоит удивляться, но Новосибирск и кино – почти ровесники, – писал новосибирский сценарист и историк кино Виктор Алексеевич Ватолин. – Город всего тремя годами старше своего кинематографа. Город-выскочка и тут опередил своих именитых соседей – губернские города Томск, Красноярск, Иркутск». В своей книге «Кино в Сибири. Люди. События. Факты. 1896–2012», он пишет: «А ведь в том, что Новосибирск стал заметным кинематографическим очагом России, своей кинодокументалистикой даже вкусив европейской известности, есть совсем не маленький вклад Федота Фаддеевича Махотина – самобытного человека, талантливого предпринимателя, рьяного ревнителя культуры и просвещения, первого городского кинооператора, словом – кинематографиста, как он сам себя называл. Одного из зачинателей этой славной профессии в Сибири».

Знаковыми фигурами, первопроходцами новосибирского кино были Яков Задорожный, Михаил Мордохович и Александр Литвинов. Яков Задорожный наладил в городе профессиональное производство картин. С 1 ноября 1926 года начало работу созданное его усилиями смешанное кинематографическое акционерное общество «Киносибирь» – первая за Уралом киностудия, открытие которой для сибирских властей было смелым шагом. Понимая, что успех в таком деле невозможен без опытных специалистов, власти пошли на риск. К работе в «Киносибири» даже на ключевые посты были допущены люди, прошлое которых, по тем временам, было безупречно. Два

основных отдела – коммерческий и производственный – доверены были дореволюционным «спецам»: омскому киноладельцу Абраму Каплуну и столичному прокатчику Якову Задорожному, отбывающему в Новосибирске административную ссылку. Григорий Михайлович Гребёнкин, отдавший новосибирскому кинематографу почти 60 лет жизни, так вспоминал об этом времени: «Новосибирск не мог миновать ни один осужденный, приговоренный отбывать наказание в наших краях. Списки их обязательно попадали к Заковскому. Просматривая их, он по нашей просьбе всегда обращал внимание на киношников. Потом по своим каналам чаще всего Задорожный выяснял, что он из себя представляет как профессионал. Если оказывался специалистом ценным, а прегрешения его не были велики, то мы его брали к себе». В результате в Новосибирске оказались столичные специалисты и самое новейшее зарубежное кинооборудование. Через полтора года на заработанные деньги была отстроена собственная киностудия – первая в Сибири. За три неполных года на ней было создано порядка 40 научно-популярных и художественных фильмов и выпуски кинохроники «Сибирь на экране».

На смену «Дитю НЭПА» пришла киностудия научно-популярных фильмов «Сибтехфильм», созданная в 1929 году. На собрании коллектива представитель из Москвы изложил новый курс: работа фабрики сосредоточивается в основном на производстве культурфильмов, в связи с чем выпуск художественных фильмов прекращается. Главенствующее место теперь будет отведено научно-попу-

Главы из новой книги.

* Продолжение. Начало в № 6, 2016.

лярным, технико-пропагандистским и инструктивно-учебным фильмам. В 1930 г. на площадях и оборудовании кинофабрики «Совкино» была образована Западно-Сибирская база «Союзкинохроника» и начался выпуск киножурнала «Сибирь на экране». В 1936 г. база была реорганизована в Новосибирскую студию хроникально-документальных фильмов. Подчинялась Главному управлению по производству хроникально-документальных фильмов Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Студия «Сибтехфильм» занималась производством научно-популярных и учебных фильмов. Ведущие темы – индустрия Сибири: «Разработка руд», «Производство меди», «Борьба с сорняками» и т.д. Для Сибири это было судьбоносное время: шла перестройка жизни села, национальных окраин, вооружение новой, не знакомой раньше техникой и технологиями. Росли промышленные гиганты: Кузбасс, Сибкомбайнстрой, Барнаульский меланжевый комбинат. Для них нужны были кадры. Люди приходили из деревень малограмотными или вовсе неграмотными. А после окончания земляных или строительных работ им предстояло встать к станкам и механизмам, управлять сложными технологическими процессами. Поэтому вся продукция киностудии мигом расходилась по городам и весям. Предвоенные, военные и послевоенные годы новосибирского кинематографа связаны с именами Михаила Мордоховича и Александра Литвинова. Михаил Мордохович возглавил студию «Сибтехфильм», а творческим лидером этой киностудии стал режиссер Александр Литвинов. Благодаря их таланту и энтузиазму, уже через несколько лет киностудия стала одной из самых успешных и стабильных в стране. Крепкая репутация студии и редкостный материал для съемок, предоставляемый жизнью и природой края, влекли кинематографистов. Сюда охотно ехали молодые выпускники института кинематографии: операторы Жилин, Самуцевич, Придорогин; режиссеры Соколов, Григорьев, и опытные режиссеры Варшавер, Гофман-

Згода, Гайдунь, Сахновский. Перед войной сложился солидный коллектив, отдельные члены которого вскоре получили широкую известность. Росли объемы производства: в плане на 1941 год – 49 фильмов, четверть их – полнометражные.

«Сибтехфильм» был весьма заметен в мире кино страны. Но самым продуктивным для новосибирского кинематографа стало время Великой Отечественной войны, когда «Сибтехфильм» превратился в единственную значительную тыловую кинобазу России, стоящую на удобном и прямом пути. Ведущие киностудии страны эвакуировали за Урал. Кинодокументалисты из Москвы, Ленинграда, Киева разместили в Новосибирске. В Новосибирск прибыли административный состав Комитета по делам кинематографии при Совмине СССР и Всесоюзный кинофонд. Отсюда управлялся кинематограф Союза. В.А.Ватолин: «Во время Великой Отечественной войны Новосибирск превратился в военную киностолицу страны. Именно здесь делается основная масса необходимых фронту фильмов. К нам эвакуируется большая часть «Мостехфильма» – крупнейшей студии научно-популярных фильмов, часть техники и людей «Союзкинохроники», перемещается оборудование Московской кинокопировальной фабрики. Это оборудование было срочно развернуто на площадках кинопроката в Новосибирскую кинокопировальную фабрику. Большую часть копий оскароносного фильма «Разгром немецких войск под Москвой» изготовили здесь. Сюда приходили отснятые материалы с фронтов, из них монтировался «Союзкиножурнал». 11 февраля 1943 года Комитет по делам кинематографии принял решение о передаче части производственной базы киностудии «Мосфильм» в Новосибирске на студию «Сибтехфильм». «Сибтехфильм» становится главной базой производства фильмов для нужд воюющей армии: «Как устроить землянку», «Умей стрелять метко», «Пистолет-пулемет», «Разведка и преодоление заграждений в наступательном бою», «Противотанковое ружье», «Стреляй мет-

ко», «Форсирование рек», «Умей оказывать первую помощь», «Стрельба на рикошетах», «Подготовка самолета к боевому вылету», «Бомбометание с пикирования», «Борьба с вражескими минами», «Восстановление линий связи», «Продовольственное снабжение батальона-роты». Около двух сотен фильмов-лекций, фильмов-инструкций ушли за годы войны из Новосибирска на фронт. Не случайно ряд их создателей награждены боевыми орденами. По меркам военного времени «Сибтехфильм» находился в относительно благополучном положении, обладая стабильным кадровым составом и собственной материально-технической базой: проявочной, копировальной и звукозаписывающей техникой. К помощи «Сибтехфильма» прибегали другие студии, не имеющие такой базы. На ее территории располагалась Новосибирская студия кинохроники, большинство кинооператоров которой были на фронте, и в 1944 году сюжеты для киножурнала «Сибирь на экране» снимали операторы студии «Сибтехфильм». Военная тематика фильмов соседствовала с мирной. Новосибирские кинематографисты создавали не только заказные научно-популярные и учебные фильмы, но и общезрательные ленты публицистического звучания. По мере приближения Победы всё больше снималось картин мирного содержания. В 1945 году из планов студии исчезли картины военной тематики. Их место заняли фильмы, отражающие переход страны к мирной жизни: в 1946 году фильм «Жизнь растений», снятый на студии «Сибтехфильм», в Венеции получил золотую медаль. Фрагменты фильмов: «Сибирь – фронту», «Сибиряки-добровольцы» и «Сибирь Советская» до сих пор цитируются на центральном экране. Из военного времени кинематограф Новосибирска вышел заметно окрепшим и возмужавшим. «Сибтехфильм» – один из лидеров студий страны своего профиля: его фильмы «Сибирь в дни войны», «Повесть о жизни растений», «Преображенная земля», «Повесть о коне золотом» получают высокую оценку. Казалось, впе-

реди – лишь новые высоты... Но триумф сибирского кино был недолгим. В 1948 году приказом министра культуры СССР на базе Свердловской киностудии художественных фильмов решено было создать студию научно-популярных фильмов. Приказом из Москвы здание «Сибтехфильма» было передано кинокопировальной фабрике, а большинство специалистов и оборудование переведены на Урал для укрепления созданной в годы войны Свердловской киностудии. Это почти до основания оголило кинопроизводство Новосибирска: из трехсот профессионалов «Сибтехфильма» в Новосибирске остались только двадцать. Но то, что стало трагедией для кинематографа Сибири, обернулось большим приобретением для уральского кино.

Кино за Урал-камнем

Кинематограф с момента своего зарождения не был обделен вниманием в культурной и общественной жизни Урала.

Киновед Н.Б.Кириллова: «Кино для уральцев было окном в мир, новым средством познания реальности, наконец, новым аттракционным, ничуть не уступающим цирковому искусству, а в чем-то и превосходящим его». Одним из родоначальников уральского кино считается предприниматель, фотограф и первый уральский кинооператор Вениамин Метенков. В 20-е годы на Урале начинает формироваться своя киносеть.

Профессиональный фотограф Е.М.Бирюков: «В 1927 году в Свердловске организовал «Общество кинематографистов-любителей» (при магазине акционерного общества «Совкино», здесь работал тогда В.Л.Метенков). Но оно смогло заняться лишь пропагандой новых советских фильмов. Для их показа вскоре построили и два новых кинотеатра: «Сталь» на ВИЗе (1931) и «Темп» на Уралмаше (1932). Производство же кино требовало государственного размаха. И по инициативе П.М.Быкова, уполномоченного Госкино по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, было принято решение о создании

студии «Пролеткино» («Пролетарское кино»). Удалось собрать лишь небольшую группу специалистов, и дело ограничилось единственным киножурналом – о трудовых буднях «Урала» (1928 год). В 30-е годы в Свердловске появилось отделение «Совкинохроники».

На местном материале начинают сниматься отдельные документальные сюжеты. Но настоящий большой кинематограф на Урале возник лишь с рождением Свердловской киностудии.

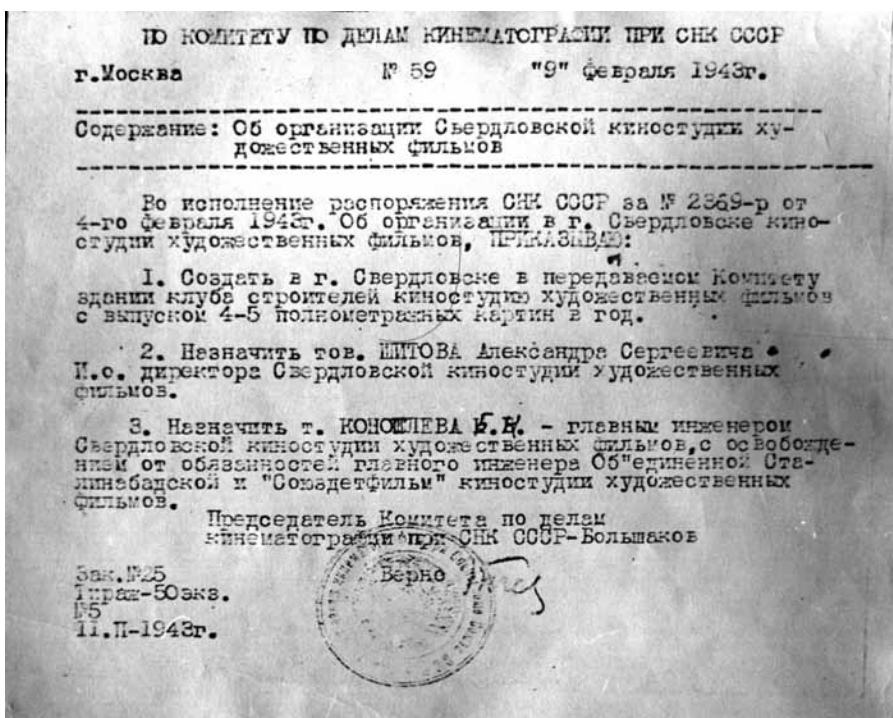
Свердловская киностудия по значимости в СССР шла сразу после «Мосфильма», «Ленфильма» и киностудии имени Горького. Она была главной студией РСФСР. К тому же, это была единственная во всей стране студия, где создавались фильмы всех жанров и направлений: учебные, научно-популярные, хроникально-документальные, анимационные и художественные. Множество корпунктов, разбросанных по уральскому региону, выдавали на гора свежие новости из всех уголков Урала. В разные годы здесь выходили киножурналы под названиями: «Сталинский Урал», «Советский Урал», «Большой Урал», «Кинолетопись Урала». Производился дубляж журнала на языки народов Урала, и жители всех его городов и весей были в курсе главных новостей промышленного производства, об-

щественной жизни, науки и техники, образования, здравоохранения, искусства и культуры.

Здесь снимались фильмы на материале республик Союза, не имевших своих киностудий. Сюда после окончания ВГИКа стекались национальные кадры из этих республик. Поэтому киностудия по сути была киностудией народов России. Многие ее фильмы, такие как «Трембита», «Угрюм-река», «Приваловские миллионы», «Сильные духом», «Перед рассветом», «Безымянная звезда», «Ты есть», были любимы зрителями. В Москве, Ленинграде, Киеве или Риге, можно было порой услышать от местных жителей: «Вы из Свердловска? – Знаем-знаем фильмы вашей киностудии. Очень хорошие фильмы снимают!» Фильмы эти и поныне не сходят с телеэкранов. Удивительно само начало пути Свердловской киностудии, учрежденной в очень тяжелое для страны время. Создавали киностудию в военные годы по приказу «Об организации в г. Свердловске киностудии художественных фильмов» от 9 февраля 1943 г. Организатор кинопроизводства Б.Е.Зеличенко: «Начнем наш разговор о Свердловской киностудии небольшой цитатой из газеты «Литература и искусство» за 1 января 1942 года. Александр Фадеев писал в своей статье: «Сохраняя

Карточка на здание Клуба строителей из фототеки государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В.Щусева.

Приказ «Об организации Свердловской киностудии художественных фильмов».

кадры искусства, правительство эвакуировало в глубокие районы страны лучшие наши театры, киностудии, столичные организации писателей, художников, композиторов... Война не вечна. Враг будет разбит. Придет время, когда мы будем строить нашу жизнь дальше... Работники искусств должны все свои знания и таланты, весь жар сердца своего отдать делу победы над врагом». В глубоком тылу тогда работало несколько студий художественных фильмов,

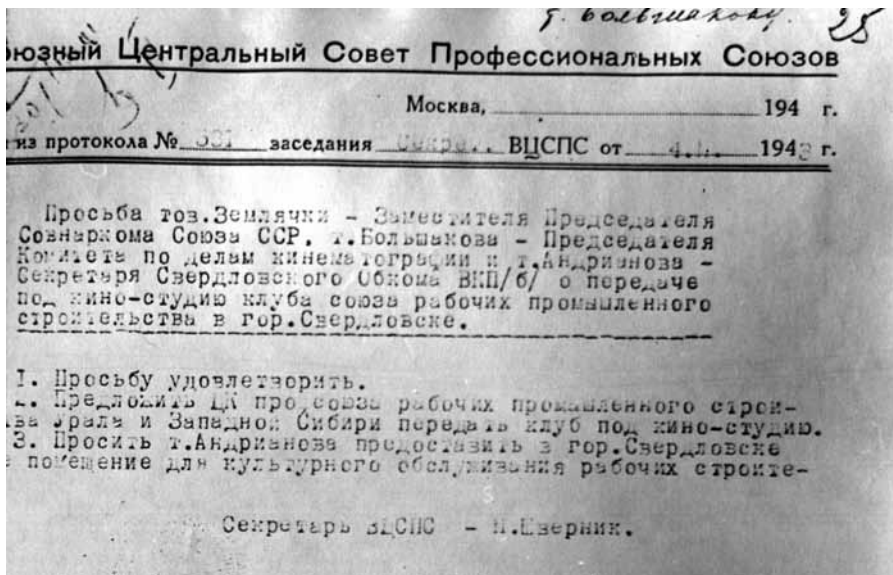
а «столицей» советской кинематографии стала Алма-Ата.

Летом этого же 1942 года правительство страны приняло решение об организации на Урале кинофабрики. Прошло еще несколько месяцев, и в Свердловске появился председатель Всесоюзного комитета по кинематографии Иван Григорьевич Большаков. Бывший заместитель председателя исполкома Свердловского горсовета П.Г.Панов рассказывал мне: «Вместе с Большаковым мы объездили почти

все дворцы культуры и клубы. И когда побывали в клубе строителей на улице Ленина, решили: быть здесь киностудии. И это было в декабре 1942 года.

Сначала в клубе строителей им выделили две комнаты на первом этаже. Им – это первой пятерке, приступившей к работе с 17 марта 1943 года, когда был издан приказ № 1 о начале существования Свердловской киностудии художественных фильмов. Вот их фамилии: директор студии А.С.Шитов, главный инженер строительства А.Н.Никитин, главный бухгалтер (фамилия неизвестна), сторож Н.Карпов (дядя Коля) и Н.А.Никитина – техник-сметчик. Когда клуб был, наконец, освобожден, началось внутреннее строительство... На месте зала и фойе выросли два павильона. Одновременно создавались цехи. Здесь появились первые специалисты, начала прибывать аппаратура... В Свердловске месяцами жили кинематографисты со всех эвакуированных студий: одесситы, киевляне, ленинградцы... Был издан приказ о запуске в производство первого художественного фильма и начались съемки». Подвиги в тылу совершали не только труженики военных заводов и фабрик – своим творчеством и напряженной, ответственной работой поддерживали боевой дух и веру в Победу кинематографисты. В годы Великой Отечественной войны здесь собралось множество талантливых и одержимых любовью к кино людей из самых разных уголков огромной страны.

Первым художественным руководителем новоиспеченной студии стал талантливый режиссер А.В.Ивановский. Он же был и режиссером-постановщиком первого фильма Свердловской киностудии. Еще гремела война и до Победы было далеко, а здесь шли съемки искрометной «Сильвы» – музыкальной комедии по мотивам оперетты венгерского композитора Имре Кальмана. В воспоминаниях режиссера Ярополка Леонидовича Лапшина, пришедшего на студию после окончания ВГИКа в конце 1944 года, ярко передана атмосфера военного Свердловска и киностудии в первые годы ее существо-

Выписка о передаче здания Клуба строителей под Свердловскую киностудию.

вания: «Свердловск произвел на меня тягостное впечатление. Осенняя погода. Бедно одетые люди. Мрачный, неуютный какой-то город с дребезжащим трамваем, на котором я доехал до студии и впервые вошел в двери этого большого странного немножко, конструктивистского здания. Первое, что меня удивило и сразу ослепило, – студия вся светилась. Я был поражен обилием света и музыки. Снималась «Сильва». Снимали повсюду – в павильоне, на лестнице, используя холл второго этажа, словом, где только можно, – везде шли съемки. Во-вторых, это конечно музыка, которая лилась отовсюду. Великолепная музыка Кальмана. И все на студии ходили, напевали, насвистывали эти мелодии бессмертные.

Ходили нарядно одетые люди. Звучала неповторимая музыка. Съемки шли под фонограмму. Всё было празднично и интересно. Среди этих разодетых мужчин и женщин промелькнули несколько шинелей учащих ремесленного училища. Это были девушки – молоденькие и хорошенькие, которые параллельно со съемками работали над приведением помещения студии в пригодное для работы состояние: что-то оформляли, перестраивали и в то же время учились». И всего через год, в 1944 году в Свердловске был снят первый уральский фильм. «Сильву» смотрели в тылу и на фронте. Прекрасная музыка, искрометный юмор, зажигательная игра актеров согревали сердца, вселяли надежду на скорое возвращение к мирной жизни, помогали выжить в трудное время. Фильм имел большой успех, его посмотрели десятки миллионов зрителей. Картину показывали и за рубежом, в том числе на родине автора, в Будапеште. Имре Кальман, узнав об этом, писал из Нью-Йорка: «Я горжусь и радуюсь тому, что советское киноискусство принесло нам в Будапешт – город, тяжело пострадавший от фашистской оккупации и войны, – мою скромную оперетту...»

Этот фильм на многие годы стал визитной карточкой Свердловской киностудии. Я.Л.Лапшин: «Студия уже тогда рассматривалась в перспективе надолго, потому что на

ней работала большая колония выпускников института кинематографии – те, кого я знал с института, которые раньше меня его закончили. Здесь были молодые режиссеры, ассистенты, которые потом стали работать в Ленинграде режиссерами. Здесь были художники – три человека, здесь были два ассистента оператора. Короче говоря, – молодежная группа, которая как-то скрашивала трудный быт.

...Надо сказать, что жизнь была суровая, но это как-то всё уходило в сторону, потому что чувствовалось приближение Победы и у людей была огромная надежда на светлое будущее... Были субботники в трофейных немецких мундирах – в них ездили на разгрузку угля для отопления студии. Студия была новой, работники – молодыми и недостаточно опытными, но атмосфера была хорошая».

В эти трудные годы на Свердловской киностудии был снят еще ряд игровых фильмов. Среди них наиболее известны художественные фильмы: «Алмазы» (режиссер И.Правов совместно с А.Олениным), «Страницы жизни» (режиссер А.Мачерет совместно с Б.Барнетом (1948). Страна жила ожиданием будущей мирной жизни. Еще в 1944 году ЦК КПСС принял постановление, в котором указывалось, что пропаганда естественно-научных знаний приобретает осо-

бо важное значение в деле подъема культурного уровня широких слоев трудящихся, преодоления пережитков бескультурья и пред-рассудков.

Основным содержанием научно-просветительной пропаганды должно было стать материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники и культуры. Это указание партии определило программу развития и усиления роли научно-популярного кинематографа в жизни общества. В послевоенное время пропаганда научных знаний была необходима, ведь нужно было в краткие сроки восстановить разрушенное войной народное хозяйство.

После войны научно-популярная кинематография превратилась в мощную отрасль советского кинематографа. Партия и правительство уделяли большое внимание ее развитию. Интенсивно и ритмично работали Московская, Ленинградская, Киевская студии научных фильмов. Усиление влияния науки на жизнь общества, всё большее вовлечение трудящихся в борьбу за научно-технический прогресс предъявляли высокие требования к научно-популярному кино. Первоочередной задачей стало массовое производство фильмов для широкого зрителя. А на Свердловской киностудии наступило зати-

Свердловская киностудия.

Перекресток пр. Ленина с ул. Луначарского
напротив Свердловской киностудии. Свердловск, 1950-е гг.

шье. В стране начался так называемый «период малокартинья». В 1948 году производство игровых лент на студии прекратилось. Молодая кинофабрика не смогла в полной мере реализовать свой потенциал. Многие творческие работники, находившиеся в Свердловске в эвакуации, разъехались по домам. Опустились павильоны. Проставляли кинотехнологические мощности.

На этом фоне вполне рациональным выглядело решение перепрофилировать студию для производства хроникально-документальных и научно-популярных фильмов. Создание творческого коллектива – дело долгое и кропотливое. Проще было перевести сюда коллектив готовый. В Новосибирске их было два, а «Сибтехфильм» вполне соответствовал новым задачам и уральским мощностям. В 1948 году для укрепления молодой студии в Свердловск прибыло более ста опытных творческих работников с лучшей аппаратурой – настоящей сибирский десант. Технический состав «Сибтехфильма» остался в Новосибирске. Он был необходим для работы на копировальной фабрике. Ехали семьями: с малыми детьми и стариками, с немудреным скарбом. Тревожно было: «Как-то всё сложится на новом месте?» Я.Л.Лапшин: «Бывали тяжелые дни... Но студия все-таки смогла устроить общежитие для сотрудников и студентов. Был такой знаменитый дом на улице Ма-

лышева, в котором многие из нас провели долгие годы. С точки зрения сегодняшнего дня, это была типичная трущоба, да, и это было здание, находящееся в полуразрушенном состоянии. Оно было перегородено на небольшие клетушки с легкими стенками. Здесь жили и приехавшие из Новосибирска работники кино, и наши люди, и студенты тоже...»

В 1951 году в коллектив влилась и Свердловская студия кинохроники. С 1948 по 1956 год киностудия выпускала только документальные, научно-популярные и учебные фильмы. Местным киношникам, вкусившим магии игрового кино, нелегко было смириться с «понижением статуса» киностудии. Я.Л.Лапшин: «На студии в этот период снимались многочисленные картины, как правило, короткие и на конкретную тему, заказанную либо Министерством, или каким-либо другим заказчиком: фильмы о металлургии, сельском хозяйстве и так далее – вплоть до военных фильмов о новом виде оружия, или о том, как с ним надо обращаться. У нас в шутку называли эти фильмы «болты в томате». Приезжие были, в основном, профессионалами, знающими и любящими свое дело. Но в плане производства многого надо было перестраивать и создавать заново. Студия была еще плохо оснащена, не хватало специалистов. Для производства научно-популярных фильмов требовалось оперативно создавать соответству-

ющую творческую и техническую базу. Заведовать производственным отделом было поручено Галине Михайловне Тургеневой – опытному руководителю и производственнику. Имело значение и то, что Галина Михайловна была мультипликатором. Кадры работников мультцеха были в основном новосибирскими. И для Тургеневой представлялось очень важным сохранить цех технической мультипликации, ведь профессионализм и творческий поиск мультипликаторов во многом определял успех будущего научно-популярного фильма».

Тематика фильмов послевоенного времени отвечала задачам мирного строительства. Главное внимание уделялось проблемам развития народного хозяйства и науки, вопросам пропаганды материалистического мировоззрения. Накопленный при производстве игровых фильмов положительный опыт, имевшаяся материально-техническая база, безусловно, сыграли свою положительную роль в развитии свердловского неигрового кино. По результатам 1949 года из 39 научно-популярных и учебных картин уральского производства 26 фильмов были приняты Министерством кинематографии СССР с оценкой «отлично» и 13 – с оценкой «хорошо». По итогам следующего года это соотношение оказалось еще более впечатляющим: из 41 фильма 32 получили максимальную отметку, и 9 были оценены на «хорошо».

Страна восстанавливалась после военной разрухи. И в 1956 году производство художественных фильмов на Свердловской киностудии возобновилось. Но и на этом фоне не померкли значимость и достижения кино учебного и научно-популярного. Многие из уральских фильмов вошли в золотой фонд отечественного научного кинематографа. Листая страницы истории Свердловской киностудии, как не вспомнить добрым словом тех, кто находился у ее истоков и вложил немало сил, энергии и любви в ее становление и развитие! Неоценима в этом и роль участников «сибирского десанта». Благодаря энтузиазму и творческому отно-

шению к своему делу признанных мастеров-сибиряков, на Свердловской киностудии было воспитано целое поколение талантливых кинематографистов, которые продолжили дело своих учителей. Зерна, брошенные ими в благодатную почву, дали обильные всходы. Благодаря им, на студии зародились и получили дальнейшее развитие многие кинематографические жанры и тематические направления, такие как этнографическое кино, научно-популярная кинопублицистика, художественная мультипликация. Среди новосибирцев был целый ряд мастеров с богатой творческой биографией, имеющих большой вес в научно-популярном кинематографе. Самым известным из них был режиссер с мировым именем Александр Аркадьевич Литвинов, создавший в 20-е годы знаменитые этнографические ленты «Лесные люди» и «По дебрям Уссурийского края». Яков Григорьевич Задорожный – знаковая фигура для новосибирского кино – был не только талантливым режиссером, но и великолепным организатором, наладившим в Новосибирске кинопроизводство, создателем киностудии «Киносибирь». Уже на середине была его работа над картиной «Соперники», начатая им на «Сибтехфильме», но законченная уже на Свердловской киностудии. Впервые в истории кино за Уралом эта лента принесла своим создателям самую большую награду советского кино – Сталинскую премию, а уральскому научно-популярному кино – первый успех. Леонид Иванович Рымаренко и Вера Елисеевна Волянская – будущие зачинатели научной кинопублицистики, основатели уральской школы научно-популярного кино. Кто-то из них на Свердловской киностудии задержался недолго. Так, Яков Задорожный в 1954 году уехал в Москву. Но в большинстве своем они связали свою жизнь со Свердловском, посвятив ее делу уральского научно-популярного кино.

В «звездном круге» Екатеринбургского Дома кино почетное место занимают звезды Александра Литвинова, Веры Волянской и Леонида Рымаренко. Велик их вклад,

но это не значит, что они одни творили историю уральского кино. Среди приехавших было множество людей, без которых уже невозможно представить Свердловскую киностудию. Достаточно перечислить имена режиссеров: Галины Михайловны Тургеневой, Аллы Владиславовны Меницкой, Родиона Гавриловича Куркина, Александра Ивановича Плоцкого, Василия Константиновича Григорьева, Сергея Ильича Рапопорта, Бориса Соломоновича Дуберштейна, Марка Давыдовича Гофмана-Згоды; операторов Анатолия Александровича Сухомлинова, Хаима Абовича Лобера, Степана Павловича Киселя, Александра Степановича Телятникова, Бориса Анатольевича Жилина – и это далеко не полный перечень... Особое место среди них занимает руководитель редакции научно-популярного кино Лидия Павловна Плоцкая, ведь именно на ее плечи легли все многотрудные редакционно-сценарные заботы. Вклад каждого различен по значимости и тематической направленности. Кто-то дал мощный импульс возникновению и развитию новых направлений и жанров, впоследствии принесших Свердловской киностудии славу и даже мировую известность. А.А.Литвинов – основоположник жанра отечественного этнографического кино – проложил дорогу развитию этого направления в Уральском кинематографе. Л.И.Рымаренко и В.Е.Волянская оставили глубокий след в развитии жанра публицистики в

научно-популярном кино, Г.М.Тургенева, стала одним из первопроходцев в жанре мультипликационного кино. Л.П.Плоцкая – руководитель редакции научно-популярных фильмов, при непосредственном участии которой было снято множество лучших фильмов, – долгие годы определяла редакционную политику. Уже в 60-е годы приехал из Новосибирска на Свердловскую студию кинодраматург А.В.Розин – автор сценариев многих научно-популярных, документальных и мультипликационных фильмов. На посту замдиректора Свердловской киностудии по сценарным вопросам оно определял сценарную политику киностудии. Все они – признанные корифеи уральского кино.

Но были среди участников «сибирского десанта» и монтажеры, ассистенты, администраторы, директора картин. Будучи подлинными мастерами своего дела, они внесли свою посильную лепту в последующие славные достижения Свердловской киностудии. Уже через несколько лет слава об уральском научно-популярном кино перешагнула пределы Урала, а фильмы получили заслуженное признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Не о каждом из этих достойных людей сохранились документальные свидетельства, воспоминания друзей и коллег, но все они, безусловно, заслуживают того, чтобы их имена не канули в безвестность.

(Продолжение следует).

Перекресток пр. Ленина с ул. Луначарского.

В КРУГОВЕРТИ XX ВЕКА*

Автобиографическая повесть

Дмитрий ГАВРИЛОВ

Доктор исторических наук,
профессор.
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
В 1951 окончил исторический
факультет Свердловского
государственного
педагогического института.
Преподавал в пединститутах
Шадринска, Липецка,
Ульяновска.
С 1981 г. – работает
в УНЦ АН СССР.
Главный научный сотрудник
Института истории
и археологии УрО РАН.
Лауреат премии
им. В.Н.Татищева
и В.И.Геннина,
премии УрО РАН
им. П.И.Рычкова.
г. Екатеринбург.

ГЛАВА 5. СУД

*Когда ввели в «народный суд»,
Народу я не видел.
Судье – простор, а прокурор
Тотчас меня обидел.
В. Высоцкий.
Формулировка.*

Дело явно близилось к концу. Отец был в недоумении. Очную ставку – с кем? Что они хотят доказать? Какие у них есть «неопровержимые доказательства», на которые следователи ссылались на допросах?

На следующий день его снова вызвали на допрос. В комнате сидели все три следователя, еще какие-то люди. Среди них отец увидел парня из соседнего села – активного комсомольца Ильку, который нередко бывал и в их деревне. Председатель следственной комиссии предложил Ильке:

– Расскажи, что ты видел на Михайловской мельнице 17 мая прошлого года.

Илька вышел вперед и громко, уверенно, видимо излагал это уже не один раз, стал рассказывать:

– По заданию ОГПУ я следил за членами Сикиязского подпольного контрреволюционного кружка. В прошлом году мне стало известно, что члены кружка собираются 17 мая провести на Михайловской мельнице тайное совещание. Я уехал туда заранее и спрятался в кустах. Когда все они собрались и начали совещание, я сел у открытого окна и слышал все их разговоры. Там были тот, этот, этот и т.д. И Василий Гаврилов.

– Постой, Илька! – закричал отец. – Как я мог быть там, если тогда всю весну, два месяца, лежал в больнице?!

Илька растерялся и смутился. Он сказал:

– Я вспомнил. Василий тогда действительно болел, там его не было.

Председатель следственной комиссии вскочил и закричал (вместо мягкого, елейного у него появился громогласный голос):

– Мерзавец! Ты лжешь нам, подлец.

Но парень оказался честным и не из пугливых. Он громко и уверенно заявил:

– Я ошибся. Гаврилова Василия на совещании не было.

Что тут началось! Шок! Рушилось главное, основное, «неопровержимое доказательство», которым постоянно оперировали следователи. Председатель следственной комиссии разразился отборной бранью, топал ногами, кричал на Ильку:

– Ты подвел органы госбезопасности! Провалил операцию! Тебя самого мы посадим за решетку! Убирайся отсюда!

Илька ушел. Председатель следственной комиссии раздавал растерявшимся подчиненным распоряжения:

– Позвоните в больницу, узнайте, был ли там Гаврилов? Пошлите туда нарочных, пусть проверят больничную документацию, опросят медицинский персонал, свидетелей! Срочно!! Немедленно!!!

Но всем было ясно, что всё это пустое дело. Было очевидно, что комсомолец говорил правду. Гнев председателя следственной комиссии обрушился и на отца:

– Почему на следствии ты не сказал, что 17 мая был в больнице?

Отец ответил:

– Меня об этом никто не спрашивал.

Разъяренный председатель следственной комиссии от злости

* Продолжение. Начало в № 6, 2016.

бегал по комнате из угла в угол. Арестованного поспешно увели в камеру.

На завтра отца доставили в суд. Судила «Тройка»: за столом сидели председатель следственной комиссии, секретарь райкома партии и прокурор Алексей Степанович Маврин. Тут же находились следователи, которые допрашивали его, сотрудники милиции, неизвестные ему люди, конвоиры.

Маврина отец хорошо знал. Когда бабушка-вдова жила одна с двумя дочерьми-подростками – Александрой и Анной, и в семье не было рабочих-мужчин, отец Маврина весной за определенную плату пахал ее земельный надел. Позже сам Алексей Степанович Маврин, тогда еще подросток, подрядился вспахать ее земельный надел, но вспахал плохо, халтурно, и бабушка всенародно ругала и стыдила его за недобросовестную работу. Потом Алексей Степанович где-то учился и теперь сидел за столом, решая судьбы людей.

Председательствовал почетный чекист. Он кратко зачитал вины отца, которому инкриминировались эксплуатация наемного труда, антисоветская и антиколхозная агитация, противодействие колхозному строительству. После этого он дал слово своим следователям, заявив, что они подробнее доложат о преступлениях подсудимого.

Первым выступил следователь-громилла, сквернослов и матерщинник. Он заявил:

– Я тщательно проверил все обвинения, выдвинутые против Гаврилова, сам побывал в его деревне. Все обвинения, выставленные против него в справке, подготовленной сельсоветом и правлением колхоза, их полуграмотными руководителями под чью-то диктовку, оказались ложными. Следствие не нашло доказательств его принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку. Я предлагаю дело Гаврилова закрыть за отсутствием состава преступления, а его самого освободить из-под стражи.

Выступление следователя поразило отца. Он, наверное, меньше бы удивился, если бы в этот момент

разразился гром небесный, а молния разнесла всё здание судилища.

Второй следователь был краток:

– Я согласен с предложением коллеги. Данные об участии Гаврилова в контрреволюционном кружке не подтвердились. Смирный и тихий мужик. Отец большого семейства, пятеро малолетних детей. За что и зачем сажать его в тюрьму?

Доклады следователей возмутили председателя «Тройки». Он вскочил с места и размахивая руками стал кричать:

– Тихий и смирный мужик! Забыли, что творило кулачье, эти «смирные и тихие» мужики? В 1918 г. мой брат с продотрядом уехал в деревню, крестьяне, «смирные и тихие мужички», встретили их хлебом-солью, а затем напоили пьяными и ночью всех перебили. Нельзя терять революционную бдительность!

– Андрей Сергеевич! – обратился к нему первый следователь. – Если в 1918 г. у тебя убили брата, ты готов пол-России отправить в тюрьму. Я знакомился с делом об этом продотряде. Они собрали продразверстку и на радостях устроили пьянку. Перепились, стали гоняться за бабами и девками. Мужики собрались и их перебили. Они бесплатно забрали у крестьян хлеб, стали безобразничать, и вы хотели, чтобы крестьяне любили и миловали этих продотрядовцев? Нельзя много лет жить одной злобой и ненавистью!

Почетный чекист сник. Было понятно, что заседание суда пошло не так, как он рассчитывал и планировал. Он понимал, что обвинения Гаврилова в принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку полностью и безнадежно провалились, исправить тут что-либо было уже невозможно. Однако он был опытный, выдавший виды иезуит, и не хотел признать свой провал.

В его распоряжении были грозные документы – директива ОГПУ № 775 от 18 января 1930 г. о массовых выселениях кулацко-белогвардейского элемента и директива ОГПУ от 15 марта 1931 г. о про-

ведении с мая по сентябрь 1931 г. массовой операции по «полной очистке» местностей от кулацко-белогвардейского элемента. Кроме того, по рассматриваемому делу у него в запасе была сохранена, не обнаруживаемая до времени, мина, которую он в нужный момент приведет в действие.

Он приказал подсудимому:

– Гаврилов, выйди в коридор.

О том, что происходило на заседании «Тройки» в отсутствие отца, он узнал позднее, вернувшись из ссылки, от присутствовавших на заседании очевидцев.

Председатель «Тройки» произнес гневную речь:

– ПП ОГПУ поручило комиссии особенно тщательно подвергнуть массовой, полной очистке от кулацко-белогвардейского элемента местности, в которых в 1918 г. произошли антисоветские кулацко-белогвардейские восстания. Летом 1918 г. в Месягутово и Сикиязе кулаки подняли мятеж, который послужил сигналом к мятежам в соседних местностях. Разрослось большое восстание, которое подавить не удалось. При отступлении белых в Сибирь летом 1919 г. часть мятежников, безусловно, осталась в своей местности, замаскировалась и исподтишка вредила советской власти. Я готовил операцию по ликвидации Сикиязского нелегального кружка. Мы выявили и обезвредили кружок, но нет уверенности, что у него не остались корни.

Наша задача, задача коммунистов-большевиков, – как можно лучше выполнить директивы ОГПУ и приказ наркома, вычислить полностью, до основания, кулацко-белогвардейские элементы. Гаврилов – явный враг, контрреволюционно настроенный человек. Он не помог революционному следствию, водил нас за нос две недели, не подписал ни одного протокола, для разоблачения его нам пришлось засветить своего тайного агента, но и тут он сумел отвертеться.

Есть точные, достоверные сведения, что его отец Гаврилов Василий Дмитриевич был расстрелян красногвардейским отрядом в

1918 г. Подсудимый, несомненно, будет мстить за своего отца. Оставлять его на свободе нельзя. Я предлагаю выслать его с семьей в отдаленные районы вместе с группой подготовленных к ссылке кулацко-белогвардейских элементов.

Почетный чекист убедительно показал, кто тут хозяин. Но он не смог переубедить несогласных. Непокладистый первый следователь спросил:

– У вас есть данные, какой красногвардейский отряд, когда, при каких обстоятельствах расстрелял отца Гаврилова, за что, какие ему предъявлялись обвинения?

– Таких данных у меня нет, – нехотя, скрепя сердце, ответил председатель «Тройки».

– Считаю, что сведения о расстреле отца Гаврилова неясные, недостаточные, – заявил непокладистый следователь. – Летом 1918 г. было немало красногвардейских отрядов, действовавших самостоятельно, занимавшихся самообеспечением, расстреливавших всех, кто в чем-либо противодействовал им. Порядок навести в 1919 г., когда сформировали регулярные части, со строгой дисциплиной, организованным снабжением. Перешедших на нашу сторону беляков и пленных сортировали, даже белых офицеров огульно не стали расстреливать, с каждым разбирались отдельно. Теперь мирное время, а мы без проверки фактов собираемся осуждать человека только за то, что его отец 13 лет назад, в гражданскую войну, кем-то и неизвестно за что был расстрелян.

Председатель «Тройки» был непоколебим и непреклонен:

– У нас нет времени, чтобы расследовать события 1918 г. Я убежден: Гаврилов – социально опасный элемент, он подлежит выселению в отдаленные районы. Алексей Петрович, ты препятствуешь работе нашей комиссии, мешаешь по-революционному, на высоком уровне провести операцию. По возвращении в управление я поставлю вопрос о вынесении тебе партийного взыскания.

– А я поставлю вопрос об отправке тебя на пенсию, – париро-

вал на это его непокладистый следователь.

Председатель «Тройки» побелел, потом покраснел. Вмешался секретарь райкома партии:

– Товарищи чекисты, не надо препираться! Между собой разберетесь у себя дома. Надо решать судьбу подсудимого. Установлено: он не состоял в контрреволюционном кружке. Я смотрел акт о сдаче Гавриловым колхозного склада, ревизоры не обнаружили ни недостатка, ни излишков. По району уже почти десяток колхозных кладовщиков посадили в тюрьму за воровство и растраты, мы двух коммунистов за такие дела исключили из партии.

Председатель колхоза заверил меня, что ревизировать склад были посланы самые грамотные, самые принципиальные люди. А что это значит? Гаврилов – человек честный, добросовестный. Я не услышал против него никаких серьезных доводов. Я против ссылки Гаврилова и его семьи.

Председатель «Тройки» был непоколебим:

– Я настаиваю на ссылке Гаврилова.

Он обратился к прокурору:

– Алексей Степанович, а ты как считаешь, что делать с Гавриловым?

– Выселить надо, – сказал молчавший до тех пор прокурор. – Теща у него злобная. Ее надо повесить на первой осине.

Почетный чекист поморщился:

– Причем здесь теща? Я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Гаврилова и его семью выселить из местности, прошу поднять руки. Я и прокурор – за, а секретарь райкома?

– Я против.

– По большинству голосов, – заключил почетный чекист, – проходит высказанное предложение. «Тройка» постановляет: Гаврилова с семьей как социально опасный элемент выселить в отдаленную местность.

Секретарь райкома заявил:

– Я против такого решения. Напишу особое мнение.

– Пишите. Это ничего не изменит, – сказал главный чекист.

Он не скрывал своего торжества и распорядился:

– Введите подсудимого.

Когда ввели Гаврилова, он объявил:

– Гаврилов Василий Васильевич, решением особой комиссии ты приговариваешься к ссылке с семьей в отдаленные местности. Приговор понятен?

– Понятен. Отпустите домой – подготовить семью к ссылке.

Председатель судебной «Тройки» удивился его наивности:

– Ишь чего захотел. Отпустите его, и он сбежит. Потом ищи ветра в поле. О семье позаботятся другие. Тебя отправят этапом на железнодорожную станцию в общей колонне, с группой подготовленных к ссылке кулацко-белогвардейских элементов.

Неизвестно, написал ли секретарь райкома партии свое особое мнение, а если написал – неизвестно, сыграло ли в дальнейшем оно какое-либо значение в судьбе Гаврилова и его семьи.

Двенадцать сикиязцев, арестованные по обвинению в принадлежности к подпольному контрреволюционному кружку и подписавшие признательные показания, были приговорены каждый к десяти годам заключения и навсегда исчезли из деревни. Парень из Сикиязца, за воровство отбывавший в заключении в лагерях три года, рассказывал, что он встретил их на Беломорканале. Они были заняты на земляных работах, держались вместе. Дальнейшая их судьба неизвестна, в деревне никто из них больше не появлялся.

До сих пор достоверно неизвестно, существовал ли в Сикиязе подпольный контрреволюционный кружок, или он был искусственно создан фантазией и стараниями чекистов.

Комсомолец Ильяка исчез из деревни и больше никто о нем ничего не слышал. Может, он смылся, спасаясь от мести чекистов, затерялся на просторах необъятной Родины. Может, уехал куда-нибудь в город и предпочитал не поддерживать связь с земляками. Может, ОГПУ направило его работать на них в какой-нибудь новый район,

возможно даже сменив ему фамилию и имя. Его дальнейшая судьба осталась неизвестной.

ГЛАВА 6. ПРЕДКИ

*Поведаю теперь я свету...
Дела давно минувших дней
Преданья старины глубокой.*
А.С.Пушкин.
Руслан и Людмила.

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*
А. С. Пушкин.
Два чувства дивно близки нам.

Для того, чтобы понять, когда и как в предгорьях Урала появился мятежный район, населенный людьми, «напитанными духом своеволия и неповиновения начальству», почему в этой местности в 1918 г. разразилось Сикиязско-Месягутовское антисоветское крестьянское восстание («Сикиязско-Месягутовская Вандея»), почему семья Гавриловых в 1931 г. оказалась в Сибири, необходимо вернуться на два с половиной столетия назад, в середину XVII в.

На окраине Великой Евро-Азиатской Степи, на ее северном выступе, в Приуралье, простиралась расположенная в долине реки Айт так называемая Месягутовская лесостепь. Заселение русскими этой отдаленной, глухой, непаханной местности, по которой столетиями передвигались десятки кочевых народов – от скифов и печенегов до башкир, – было во многом обязано церковным реформам 1653–1658 гг. «крепкостоятельного пастыря» православной веры патриарха Никона, его попыткам, поддержанным царем Алексеем Михайловичем и правительственными властями, унифицировать церковную службу, исправить богослужебные книги и церковные обряды по греческим образцам, централизовать церковную организацию, усилить власть патриарха.

Церковные реформы Никона встретили сопротивление у значительной части населения и части духовенства, «ревнителей древнего благочестия». Произошел раскол верующих на два противоположных

лагеря, защитники «старой веры» – староверы, получили название раскольников. Яростное и жестокое преследование неистовым патриархом Никоном, «яко зверь рыкающим», противников его реформ, вызвало волну массовых переселений на Север и в восточные районы страны населения, спасавшегося от религиозных преследований и феодально-крепостнического гнета.

В 1750 г. на вотчинных землях башкир Тарнаклинской волости Сибирской дороги по договору о припуске государственными крестьянами, переселенцами-раскольниками, были основаны в излучине реки Ай деревня Месягутово и в десяти верстах от нее, на небольшой речке Сикияз – деревня Сикияз. В 1788 г. на берегу озера переселенцами-раскольниками была основана деревня Озеро. По договору 1798 г. переселившиеся крестьяне купили землю у башкир-вотчинников и стали ее собственниками. Земля находилась в общинной собственности, распределялась по ревизским душам.

Дима Гаврилов (выделен) в пионерском лагере. 1938.

Деревня Сикияз располагалась по прямой линии вдоль дороги, шедшей на Месягутово. Деревня Озеро раскинулась полукругом возле озера, образуя дугу, обеими своими концами приближавшуюся к деревне Сикияз. Озеро, находившееся между Сикиязом и деревней Озеро, по неизвестным причинам, в давние времена высохло и превратилось в большое сухое и полусухое болото, заросшее кустарниками.

В описываемое время даже самые пожилые старожилы не помнили, когда это болото было озером, но деревня по-прежнему называлась Озером, хотя никакого озера при ней с незапамятных времен не было. Сикиязцы, пришедшие раньше, заняли и распахали обширную равнину с черноземными почвами. Озерские, зажатые между озером и высокими каменистыми холмами, окружавшими его, страдали от малоземелья.

Правительственные власти относились к раскольникам с недоверием как людям упрямым и неподатливым, подозрительным. В 1834–1835 гг. на Урале и в Западной Сибири произошли массовые волнения государственных крестьян, поводом для которых послужили ужесточение сбора недоимок, распоряжение властей о строительстве запасных хлебных магазинов. Распространились слухи о переводе государственных крестьян в удельное ведомство, о «продаже их помещику Медведеву», о насильственном крещении мусульман.

9 июля 1835 г. в Месягутово на мирской сходке было объявлено предписание о постройке за счет общества хлебных запасных магазинов. Собравшиеся заявили, что магазины строить не согласны, так как указ «не сам царь подписал», «общество продано помещику Медведеву», поэтому они решили «в удел не идти», а если приедет исправник, они встретят его «грудью шеренгою» и будут стоять один за другого. Прибывший в село земский исправник не смог уговорить крестьян прекратить волнения. 11 июля на площади в Месягутово собралась толпа около двух тысяч государственных русских крестьян, баш-

кир и тептярей из близлежащих деревень. Бунтовщики окружили квартиру исправника, вытащили из нее исправника и избили его, отобрали у него бумаги и вещи, а затем три дня держали его под арестом и обещали повесить.

Волнение было подавлено генерал-губернатором В.А.Перовским, прибывшим с войсками. Бунтовщики были подвергнуты экзекуции – массовой порке. Двенадцать крестьян, признанных предводителями волнений, «в ножных железзах» были отправлены в губернский тюремный замок, а после следствия и суда сосланы в Сибирь или отданы в солдаты.

После отмены в 1861 г. крепостного права местность оставалась чисто земледельческой. На Южном Урале стали осваиваться и распахиваться новые земли. В эти годы в этих местах появился Дмитрий Гаврилов, бывший крепостной крестьянин Тамбовской губернии, направившийся в Сибирь за поисками счастья и лучшей жизни. До Сибири он не добрался, а застрял в городе Кунгуре. Он был грамотным и расторопным, несколько лет служил приказчиком у какого-то купца, а скопив денег, решил заняться хлебопашеством и двинулся на юг, на плодородные приуральские земли. Здесь он зацепился в деревне Озеро, а вскоре и женился на местной девушке-сиротке, обзавелся домом и хозяйством.

Несмотря на то, что общество, ввиду малоземелья, не принимало «чужака» в свой состав, благодаря своему трудолюбию пришелец хорошо вел свое хозяйство, семья жила счастливо, у них родились двое детей – мальчик и девочка. Однако однажды ночью в дом проникли разбойники и зарезали хозяйку и его жену. Малолетние дети – мальчик Вася и его сестренка, обмлевшие от страха, сидели на печи и видели жуткую расправу над их родителями. Но разбойники их не тронули. Они в поисках денег перерыли весь дом, но ничего не нашли.

Осиротевших детей взял себе на воспитание местный богатый крестьянин Евстигней Стругов. Он воспитал их как своих родных детей, а когда они повзрослели, вы-

дал девушку замуж, а Василия Дмитриевича женил и помог ему построить дом и обзавестись хозяйством. Василий Дмитриевич всю жизнь считал Евстигнея Стругова своим отцом и всегда относился к нему с большим уважением, по всем делам советовался с ним.

У Василия Дмитриевича появилась большая, трудолюбивая семья. Он женился три раза, от первой жены Агриппины остались четверо сыновей – Алексей, Николай, Василий, Петр и дочь Наталья, от второй жены Марии – дочь Прасковья, от третьей жены Евдокии – дочь Александра, сыновья Павел и Иван. Василий Дмитриевич три раза просил сельское общество принять его в свои члены, но каждый раз получал отказ. После третьего отказа, что соответствовало тогдашнему законодательству, решением земского начальника, вопреки мнения общества, он был зачислен в его члены и получил право на получение земельного надела. Но и после этого он в деревне считался «чужаком», неуютным, нежелательным лицом.

В пореформенный период земледелие в крае сделало успехи. На тучных черноземных почвах крестьяне получали с десятины по двести пудов хлеба, что было обычным явлением. Появились конные молотилки и веялки, позднее – жатки и сноповязалки. Развивалась торговля. Крестьяне излишки хлеба продавали на ярмарках или везли продавать на уральские заводы. В Сикиязе богатые или благополучные крестьяне обзавелись хорошими большими деревянными домами из толстого строевого леса с шестью-восемью окнами на улице. В деревне Озеро, где население жило бедно, преобладали небольшие дома из более тонкого леса с четырьмя-пятью или даже только с тремя окнами на улицу.

Месягутово, находившееся на пересечении сухопутных и речных путей, разрослось в большое торговое село, чему во многом способствовал построенный в середине XIX в. большой каменный мост через реку Ай. В центре села появились большие каменные дома купцов, построены каменная церковь,

ГЛАВА 7. СИКИЯЗСКО- МЕСЯГУТОВСКАЯ ВАНДЕЯ *

*Велик был и страшен год
по Рождестве Христовом 1918.*

М.А.Булгаков.
Белая гвардия.

*Нет большего бедствия,
чем гражданская война.*

Цицерон. Речи.

торговые лавки, проводились ярмарки. В 1907 г. в Месягутово было возведено большое красивое двухэтажное кирпичное здание женской прогимназии.

В 1912 г. Василий Дмитриевич женил своего сына Василия Васильевича на старшей дочери вдовы-одинокы Прасковьи Лазаревны Кузиковой (Лужковой) Александре Степановне. Василий Васильевич возглавил дом и хозяйство тещи и своей молодой жены, которое находилось в полном расстройстве и упадке. Дружная молодая семья энергично взялась за работу, приводя хозяйственные дела в порядок, у них родилось две дочери.

Спокойной, счастливой жизни помешали Первая мировая война и революция 1917 года. На «германской войне» погибли два старших брата Василия Васильевича, сам он в 1916 г. был мобилизован в армию и вернулся домой только в 1922 г. Его родная и сводные сестры были выданы замуж в другие деревни, подросшие младшие сводные братья после революции разъехались по разным городам.

В начале 1917 г. в деревню пришла потрясающая весть: свергнут царь. Батюшка в церкви предал анафеме богохульников, посягнувших на помазанника божьего, священную особу государя императора, но через две недели объявил, что всякая власть от бога и призвал принимать присягу Временному правительству. Население было сбито с толку этими переменами.

Летом 1917 г. в Месягутово был создан Совет крестьянских депутатов, возглавлявшийся правыми эсерами. По деревням разъезжали ораторы, которые на митингах призывали довести войну до победного конца и сдавать деньги на помощь раненым и больным воинам. Но успеха они не имели. Население не хотело отзываться на эти горячие призывы, да и отзываться было некому: после многих мобилизаций деревня осталась без мужчин, дома оставались одни старики, женщины, дети и подростки. Хозяйства, оставшиеся без мужских рабочих рук, приходили в упадок.

Поздней осенью 1917 г. пришли известия о новой революции в Петрограде. В деревне появились демобилизованные солдаты, многие из них, кроме шинелей и армейских котелков, захватили с собой винтовки. Они принесли весть о декретах о мире, о земле, об образовании рабоче-крестьянского правительства во главе с В.И. Лениным, взволновавшие страну до самых отдаленных и глухих уголков.

Состоятельные люди и Месягутовский Совет крестьянских депутатов, возглавляемый правым эсером Силоговым и секретарем Приваловой, выступили против установления Советской власти. Их активно поддерживали церковники, утверждавшие, что большевики отрицают религию и бога. Распространялись слухи, что большевики будут отбирать у людей всё имущество. Башкиры-собственники соседних волостей по призывам мулл не стали пускать русских крестьян за дровами, рубили у них дровни, сбрую, уводили лошадей.

23 декабря 1917 г. в Месягутово с помощью большевиков-фронтовиков была создана большевистская организация, в нее записалось 29 человек. В конце января 1918 г. большинство в волостном Совете заняли коммунисты-большевики. Правые эсеры во главе с Сиговым «с большой злобой и скандалом вынуждены были уйти от власти». Председателем Совета был избран большевик Игнатий Усов, ранее работавший столяром в Томске, член партии большевиков с 1905 г. В волости установилась Советская

власть. Провели обложение кулаков, у одного из кулаков реквизировали дом. Была создана красная гвардия из 20 человек, но только четверо из них были постоянными.

Проводились реквизиции хлеба. Однако попытки реквизировать хлеб в других волостях успеха не имели. Реквизиционный отряд, направившийся в северные волости, был изгнан из Дувана и Тастубы вооружившимися крестьянами, произошла их перестрелка с отрядом. Коммунисты Месягутово жаловались на отсутствие пропагандистской литературы. В селе создавалась организация левых эсеров, которая действовала в союзе с большевиками. Коммунисты повели борьбу за осуществление декрета о земле. Мирным путем через увещания удалось убедить башкир соседних волостей признать их вотчинные земли и леса национализированными и передать их в распоряжение земельных комитетов.

В Сикиязе создателями большевистской организации были учитель школы Дмитрий Маркович Араловец и его жена, заведывавшая земской библиотекой, Валентина Ивановна. Вся семья была революционной. Их старшие сыновья – Аркадий и Викторин, учились в уездном городе Златоусте: Аркадий – в техническом училище, Викторин только что окончил гимназию. Аркадий, член РСДРП(б) с 1915 г., был командиром красногвардейского отряда, первым в городе советским комиссаром почты и телеграфа. Викторин вступил в РСДРП(б) весной 1918 г., был членом земельной управы, членом Месягутовского волостного Совета и уездного исполкома. В Сикиязе была создана ячейка коммунистов-большевиков, в которую записалось 40 человек, 20 из них вошли в красногвардейский отряд, штаб которого помещался в школе. В штабе круглосуточно дежурила вооруженная охрана.

20 марта 1918 г. в селе Месягутово состоялся уездный съезд Со-

* Вандея – департамент во Франции, в котором во время Великой Французской революции конца XVIII в., в 1793–1795 гг., происходило крупное крестьянское контрреволюционное роялистское восстание, с трудом подавленное революционным правительством. Имя «Вандея» стало нарицательным для обозначения контрреволюционных крестьянских восстаний.

ветов крестьянских депутатов. Съезд принял решение о переходе всей власти к Советам. 30 марта – 1 апреля 1918 г. в Месягутово на совместном заседании двух Советов – уездного Совета крестьянских депутатов и уездного Совета рабочих и солдатских депутатов – произошло их слияние. Был избран Исполком объединенного Златоустовского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в который вошло 15 большевиков и 15 левых эсеров.

В Сикиязе средства для содержания штаба и вооруженного отряда добывались путем контрибуций и конфискации. За контрибуциями последовали конфискации, обыски и изъятие в пользу штаба вещей и продовольствия. Они затронули очень небольшую, наиболее зажиточную, но очень влиятельную в деревнях часть населения.

Население, издавна напитанное «духом своеволия», не могло сразу привыкнуть к новым, «революционным» методам управления. Крутые меры местных революционных властей пришлись не по нраву свободолюбивому населению. Реквизиции, контрибуции и конфискации не способствовали установлению добрых, мирных отношений новых властей с населением, особенно с его богатой верхушкой и духовенством. Они обострили классовую борьбу в деревне, накалили социальную обстановку.

Но контрреволюционные силы в стране были разрозненны, не объединены. Начавшийся в конце мая 1918 г. чехословацкий вооруженный мятеж послужил сигналом для открытого выступления против Советской власти всех контрреволюционных сил, получивших мощную материальную, политическую и военную поддержку иностранных держав и интервентов. Чехословацкий мятеж стал сигналом для развертывания в стране широкомасштабной гражданской войны.

Известия о чехословацком мятеже, захвате чехословаками вместе с белогвардейцами крупных городов, повсеместных антисоветских восстаниях активизировали контрреволюционные силы в Си-

киязе и Месягутово. Поводом для выступлений против Советской власти послужила объявленная мобилизация на чехословацкий фронт.

Вместо поддержки населением этого абсолютно не подготовленного слабыми и не авторитетными местными властями мероприятия, на собраниях, устроенных по поводу мобилизации, торговцы, кулаки и солдаты-фронтовики призвали к свержению Советской власти и разоружению коммунистов.

Первыми против Советской власти выступили контрреволюционеры в Сикиязе. В ночь на 13 июня 1918 г. толпа, вооруженная винтовками, охотничьими ружьями, револьверами, самодельными железными пиками, окружила сикиязский штаб. В 12 часов ночи один из повстанцев, подползший к штабу, бросил в окно бомбу, но она ударилась в оконную раму и отлетела обратно. Раздался взрыв, выбивший окна в школе и смертельно ранивший бомбометателя. Находившиеся в штабе коммунисты открыли огонь из винтовок по окружившим штаб повстанцам.

Перестрелка между обороняющимися штаб коммунистами и окружившими его повстанцами продолжалась всю ночь. Вторая бомба, более удачно брошенная мятежниками, ранила трех человек. Засевшие за домами и за заборами повстанцы со всех сторон обстреливали штаб. Были убиты руководитель сикиязского боевого отряда Т.И.Брагин, комиссар отряда К.Ф.Осокин. Убедившись, что они окружены превосходящими силами, сикиязский коммунистический отряд решил отступить на Месягутово.

На рассвете, когда огонь повстанцев ослаб, они прорвали кольцо окружения и бросились бежать в Месягутово. Их отход прикрывали оставшиеся в штабе Дмитрий Маркович Араловец и красногвардеец-башкир Мурза, которые продолжали вести из штаба огонь по осаждавшим школу повстанцам. Оба они были убиты ворвавшимися в штаб мятежниками.

Разгромив сикиязский штаб и захватив там оружие, повстанцы

двинулись на Месягутово. Сформированный в Месягутово боевой коммунистический отряд был малочисленным и не мог оказать повстанцам сопротивления. Месягутовские и прибежавшие к ним сикиязские коммунисты забаррикадировались в двухэтажном каменном здании женской прогимназии, сообщив в уездный центр по телефону о начавшемся в Месягутово и Сикиязе кулацком мятеже.

Здание женской прогимназии было окружено и блокировано повстанцами. На предложение сложить оружие и сдаться коммунисты ответили отказом. Они надеялись на помощь, которая должна была прийти из уездного центра. Но в здании прогимназии не было запасов продовольствия, не было запасов воды, у них на исходе были патроны. Повстанцы, окружившие прогимназию, из-за окружавших домов и из-за заборов простреливали всю местность вокруг прогимназии, не позволяя осажденным выходить из нее и доставлять им продовольствие и воду.

Осада месягутовской прогимназии продолжалась четыре дня. На пятый день один из осажденных, по-видимому, свихнувшийся психически, открыл беспорядочную стрельбу и застрелил случайно находившуюся на улице восьмилетнюю девочку. Это убийство вызвало ярость повстанцев, и они бросились на штурм прогимназии. Осажденные не оказали какого-либо сопротивления. Все они, истощенные отсутствием пищи и воды, лежали в бессознательном или полубессознательном состоянии на полу.

Измученных, еле державшихся на ногах коммунистов выводили из прогимназии и зверски избивали, били прикладами, кололи штыками и пиками, увечили до неузнаваемости, а затем убивали. Около прогимназии была вырыта большая яма, в которую сбросили трупы замученных коммунистов. очевидцы сообщали, что некоторые брошенные в ямы подавали признаки жизни, но и их засыпали землей вместе с убитыми. Были убиты председатель волостного Совета И.Усов, его брат Д.Усов, член уездного исполкома и земель-

ной коллегии Викторин Араловец, К.Усынин, Д.Комаров, М.Бочнев и другие большевики, беспартийные активисты.

В Месягутово и Сикиязе развернулся беспощадный и беспредельный белый террор. Началась охота на коммунистов, их родственников, сочувствующих коммунистам и Советской власти, просто оклеветанных соседями. Шли жестокие расправы над ними, аресты и убийства. Состоятельные люди объявляли денежное вознаграждение тем, кто укажет на коммунистов. За коммунистами охотились, как за дикими зверями.

Арестованных заточали в душные, залитые дегтем и керосином подвалы, не давали воды и пищи, выводили на допросы и пытки. Среди заключенных в подвалы были девушки-гимназистки, стоявшие на стороне Советской власти. По советским данным, в селах Месягутово и Сикияз за 12 дней было замучено около 300–400 человек. Мятеж перекинулся на соседние близкие и даже более дальние русские деревни – Дуван, Тастубу и другие, везде сопровождался зверскими убийствами коммунистов.

Златоустовским Советом на подавление Месягутовско-Сикиязского мятежа был послан снятый с фронта отряд с пулеметом и артиллерийским оружием. Он двинулся по тракту Златоуст-Месягутово. 23 июня отряд подошел к Месягутово. С высокого плоскогорья, подходившего к Месягутово, уже были видны излуцина реки Ай, большое село с его церковью, мост через реку Ай.

Повстанцы в Месягутово знали о движении карательного отряда и подготовились к его встрече. Перед Месягутово тракт поднимается по очень крутой горе Дубовой, заросшей лиственным лесом. Обороной Месягутово руководил прапорщик Верзаков. Влево от тракта, параллельно ему, на Дубовой были отрыты в полный профиль и замаскированы окопы, которые при приближении красного отряда заняли повстанцы, имевшие огнестрельное оружие.

Подойдя к Месягутово, отряд выслал вперед конную разведку.

Всадники проскакали по тракту, не заметив укрытую в окопах засаду, проехали через мост и углубились в село, не встретив сопротивления. Считая дорогу безопасной, основное ядро красного отряда, состоявшее из телег с пулеметом и пеших солдат с красными лентами на груди и фуражках, двинулось вперед и начало спускаться по горе вниз к селу Месягутово.

Когда отряд прошел уже большую часть горы, а его хвост с трехдюймовым оружием находился еще на вершине плоскогорья, недисциплинированные повстанцы, не дожидаясь условленного сигнала, открыли по колонне беспорядочный винтовочно-ружейный огонь. Не ожидавшие нападения красногвардейцы растерялись, стали прятаться за телегами, отряд остановился. Видя, что от их стрельбы многие красные падали убитыми и ранеными, одушевившиеся повстанцы вылезли из окопов и бросились в атаку. Первые их ряды достигли тракта и вступили в рукопашную схватку с красными, пытались захватить стоявший на телеге пулемет.

Но в этот момент счастье боевое изменило повстанцам. Артиллеристы, увидев с горы начавшееся сражение, открыли по повстанцам огонь. Первые два разорвавшиеся снаряда остановили атаку повстанцев, к тому же одним из них был убит руководивший повстанцами прапорщик Верзаков. Среди повстанцев началась паника, они толпой, многие побросав винтовки и ружья, бросились бежать к селу, одни пробегали по мосту, другие бросались в реку и переплывали ее. Бежав с Дубовой, повстанцы-боевики не задерживались в селе, а продолжали бежать дальше. Вступивший в Месягутово победителем сражения на Дубовой отряд красногвардейцев не нашел в нем мужчин. Все мужчины в возрасте от 16 до 50–60 лет, вместе с повстанцами, бежали из села.

Красный отряд, совершивший большой тяжелый переход и понесший потери убитыми и ранеными, не преследовал убежавших. Вступив в село, красные узнали,

что они опоздали – коммунисты, осажденные в прогимназии, на вырчку которых они шли, уже погибли. Заточенные в подвалы в Месягутово и Сикиязе коммунисты, их родственники, сочувствующие коммунистам и Советской власти, в том числе девушки-гимназистки, избежавшие расправы, были освобождены. Были торжественно перезахоронены коммунисты – жертвы белого террора.

Красный отряд, занявший Месягутово, выполнил свою задачу, занял центр мятежного района, но сам оказался в тяжелом положении. Вся местность вокруг была охвачена мятежом, на подавление которого у него не было сил. Ввиду ухудшившегося положения на чехословацком фронте, часть отряда была отозвана обратно и ушла из Месягутово. Бежавшие из села повстанцы, хорошо знавшие местность и расположение отряда, ближайшей ночью вернулись в село и истребили весь отряд. Сдавшиеся в плен красногвардейцы, которым обещали сохранить жизнь, были расстреляны.

Несмотря на тяжелое положение самого Златоуста, с трех сторон окруженного чехами и белогвардейцами, уездный Совет, узнавший о гибели занявшего Месягутово красногвардейского отряда, не терял надежды подавить антисоветский крестьянский мятеж в уезде. В городе срочно стал формироваться новый красный отряд, в который, кроме заводских рабочих, вступило немало деклассированных и уголовных элементов. Среди них имелись уроженцы Месягутово, Сикиязы и деревни Озеро, хорошо знавшие свою местность.

В большом секрете был разработан новый план подавления Месягутовско-Сикиязского мятежа. Учитывая неудачу похода первого отряда, второй отряд должен был двигаться не по тракту Златоуст-Месягутово, через охваченные мятежом местности, а параллельно ему по местности, население которой сочувственно относилось к Советской власти. Затем, перевалив через горную гряду, отряд должен был выйти в тыл мятежного райо-

на и неожиданным ударом захватить Месягутово, разгромить центр мятежников, подавить антисоветский мятеж в уезде, вернуть под власть Советов эту территорию.

Никто в отряде, кроме его руководителей, не знал о маршруте и конечной цели похода. Отряд погрузился в эшелон в Златоусте и для маскировки выехал от мятежного района в противоположном направлении – на запад. Доехав до станции Кропачёво, отряд выгрузился и, забрав у населения подводы, по проселочным дорогам двинулся на север. Пройдя около сотни километров, он резко повернул на восток, по труднопроходимой горнолесистой местности пересек горную гряду, вышел на равнину и занял деревню Аркаул.

Отряд оказался в тылу повстанческого района, в 25 верстах от Месягутово. Но люди и кони были измучены тяжелым походом, лошади избили ноги и не могли идти. Руководители отряда решили переманить лошадей, взять у населения новые подводы и нанести внезапный удар по Месягутово. Руководители отряда считали, что они уже вступили на территорию мятежников и пора начинать «зачистку» территории от контрреволюционеров.

Весть о том, что из Златоуста направляется картельный отряд, достигла Месягутово, Сикияз, деревню Озеро. Но о пути движения отряда никто ничего не знал. Население было в панике, предчувствуя суровую расправу. Большинство крестьян не одобряло контрреволюционеров, чинивших зверские расправы над коммунистами. Престарелый Евстигней Стругов, давно отошедший от дел, предложил Василию Дмитриевичу Гаврилову уехать к знакомому пасечнику в лес за Аркаулом и там переждать смутное время.

Василий Дмитриевич согласился и ночью, взяв в качестве кучера племянника, они выехали из деревни и на рассвете подъехали к Аркаулу. Из придорожной канавы поднялись трое вооруженных людей, которые перегородили им путь и стали спрашивать: кто они, куда и зачем едут? Евстигней Стругов

сказал, что едут на пасеку за медом, а на вопрос, что за подросток везет их, ответил, что это его работник, чем спас ему жизнь. (Через три дня он привезет домой трупы Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича).

Этот мирный разговор прервал один из преградивших дорогу, оказавшийся уроженцем этих мест. Он признал Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича и закричал:

– Это же богатеи из нашего села. В штаб их! В штаб!!

Евстигней Стругов и Василий Дмитриевича высадили из тарантаса, повели в центр села на площадь, на которой уже гудела толпа народа.

Руководители красного отряда, занявшего Аркаул, объявили о проведении сельского схода. Когда на площади собралась большая толпа, они отделили от нее всех обутых в сапоги, к которым присоединили Евстигнея Стругова и Василия Дмитриевича Гаврилова. Остальная часть толпы была оттеснена в сторону, им было приказано расходиться по домам и ждать дальнейших распоряжений отряда.

Выделенных из толпы людей, обутых в сапоги – наглядное и убедительное доказательство принадлежности к буржуазии, – поставили у стены большого сарая, пулеметчик снял со стоявшего на телеге пулемета чехол. Последовала команда:

– По врагам революции, эксплуататорам трудового народа – огонь!

Затарахтел пулемет, пулеметная очередь резанула по стоявшим у стены сарая людям. Убитые падали на землю, раненые метались по сторонам, раздались дикие, отчаянные крики, но пулеметчик снова и снова поливал их свинцом, не жалея патронов. Через несколько минут всё было окончено. Перед сараем лежала куча из нескольких десятков убитых и раненых людей. Несколько палачей-добровольцев ходили между ними и из наганов достреливали раненых. Первая задача – очистка местности от кулаков-мироедов и богатеев – отрядом начала выполняться успешно.

С осуществлением второй задачи – взять подводы для продолжения похода, возникли трудности. Население не хотело отдавать лошадей. Не действовали ни угрозы, ни уговоры, ни посулы. Крестьяне ссылались на отсутствие лошадей, говорили, что они у них далеко в поле и т.п. Не помогали и угрозы расстрелов, немедленно приводившиеся в исполнение.

Двое верховых, подъехав к дому, стучали по воротам, вызывая хозяина. Не слезая с лошадей, именно революции они требовали от вышедшего за ворота крестьянина лошадей для отряда. Когда тот не соглашался дать лошадей, они снимали с плеча винтовки и разговор принимал более резкий характер. Когда и это не действовало, выслушав ругательства в свой адрес и твердый отказ дать лошадей, они расстреливали хозяина дома и ехали дальше. Плач, рыдания, крики, стоны и вой жены и родственников, сбегавшихся к убитому хозяину, должны были служить уроком другим несознательным и непокорным.

Несмотря на чрезвычайные меры, отряду только к вечеру удалось собрать необходимое количество лошадей для продолжения похода. Они не знали, что в это время, по тропам, известным только жителям деревни, минуя заставы, выставленные красным отрядом, ужаснувшиеся расстрелом всадники уже мчались в соседние деревни, предупреждая о приближении карателей и рассказывая о диком аркаульском расстреле. Весть о массовом расстреле крестьян красным отрядом в Аркауле мгновенно разносилась по окрестным селам.

Ночью красный отряд выступил из Аркаула, чтобы нанести внезапный удар по Месягутово. На рассвете они проезжали через деревню Озеро. Мать, вышедшая доить корову, видела проезжавший отряд. Ехали они бесшумно, молча, никто не кричал, не говорил, не курил. На каждой телеге сидели по три человека с каждой стороны, на них не было ни красных лент, ни красных повязок, в руках они держали наготове винтовки, постав-

ленные между колен. Впереди отряда ехала группа вооруженных всадников.

Однако внезапного нападения на Месягутово не получилось. Когда отряд вступил в село, оказалось, что мужчин в возрасте от 16 до 50–60 лет в селе не было, все они скрылись до прихода карательного отряда. Командование отряда было в растерянности. Среди личного состава отряда, утомленного тяжелым походом, началось разложение. Красногвардейцы не повиновались командирам, ходили по домам, требовали от оставшихся в селе женщин продуктов и самогона, началось сплошное пьянство. Выставленные на ночь караулы были беспробудно пьяны.

Мужчины, скрывшиеся из села, ночью вернулись обратно, началось массовое убийство красногвардейцев. Всю ночь в селе то там, то тут велась стрельба. Командир отряда Габов, увидев, что отряд попал в засаду, застрелился. К утру весь красный карательный отряд был уничтожен, сдавшиеся в плен заключены в подвалы, а затем расстреляны.

По данным оперативного отдела Уральского окружного военного комиссариата и разведывательного отдела штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, в районе Красноуфимск – Нижние Серьги – Нязепетровск – Месягутово – Куса, в рядах повстанцев действовало в начале июля 1918 г. около пяти тысяч человек. 30 июня 1918 г. город Златоуст был оставлен красными войсками. Повстанцы соединились с наступавшими чехами и белогвардейцами, вся территория уезда оказалась под властью белогвардейских правительств.

Новые власти принимали энергичные меры для очищения района от «коммунистической заразы». Шел оголтелый белый террор. Действовали «демократические» суды, которые доставленных коммунистов, членов их семей, сочувствующих советской власти осуждали на большие сроки каторжных работ. Осужденных из Месягутово и других, близких и дальних деревень, отправляли по тракту на Златоуст.

Но никого из них дальше горы Дубовой не вели. Здесь их встречали каратели, возглавляемые братьями Павлом и Александром Першинными, и убивали.

Деревня Озеро не принимала участия в мятеже. Во время этих событий в ней в течение нескольких месяцев укрывалась и избежала расправы мать семьи революционеров Валентина Ивановна Араловец со своими детьми, которая затем была преправлена в Златоуст, где у нее имелись знакомые и находились две старшие дочери.

Начало 1919-го года прошло без больших потрясений. Летом 1919 г. началось повальное бегство белых. Однажды вечером по деревне Озеро рысью, не останавливаясь, промчались три телеги, нагруженные ящиками, вещами и людьми. На следующий день в полдень в деревню вступил отряд Красной Армии. Одна из телег, на которой ехали красноармейцы, одетые в зеленую защитную форму, в фуражках с красными звездами, остановилась у дома, возле которого стояла бабушка. Молодой красноармеец, спрыгнул с телеги, взял канистру и с ней направился к бабушке, попросив у нее разрешение набрать колодезной воды.

Он стал спрашивать бабушку, не видела ли она вчера убежавших через деревню белых деятелей. Бабушка сказала, что видела три проезжавших подводы, возницы которых нахлестывали лошадей, на них сидели бородатые люди в шляпах, в очках и стеклах с веревочками, к груди они прижимали кожаные сумки. Красноармеец рассмеялся:

– Это портфели, пенсне. Удирали «демократические» правители. Далеко не уйдут. Мы их догоним.

Он взял канистру, вскочил на телегу и крикнул:

– Поехали. Ребята, запевай нашу, красноармейскую:

Вдаль идем, забыв тревогу,
Вдаль без остановки.
Расчищайте ж путь-дорогу,
Красные винтовки.

Мировая и гражданская войны обескровили деревню. Из мужчин, ушедших как с красными, так и с

Дима Гаврилов – ученик 7-го класса.
1940.

белыми, домой почти никто не вернулся.

Доканали деревню неурожаем и страшный голод 1921 г. Есть было нечего, люди ели траву, свирепствовал тиф. Нечем было кормить скот, зимой ему скормили все соломенные крыши. У матери в голодный год умерли две малолетние дочери, до конца своих дней она вспоминала их со слезами на глазах. Отец, возвратившийся домой в 1922 г., застал в хозяйстве у семьи чудом сохранившуюся исхудавшую, еле стоящую на ногах лошаденку.

В возрожденной деревне без больших потрясений прошла коллективизация. В 1930 г. почти все односельчане сразу вступили в организовавшийся колхоз «Сеятель». Противодействия почти никакого не было. Кулаков в деревне найти оказалось трудным делом, были раскулачены только одна или две семьи, у которых отобрали дома, а проживавшие в них жители уехали куда-то. В 1931 г. «очистка местности от кулацко-белогвардейского элемента» деревню Озеро не обошла.

(Продолжение следует)

**Виктор ШУЛЬГИН,
Владимир ЗАПАРЬИЙ**

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗ ОРДЕНОВ ЛЕНИНА

ровыми военными. Молодежь ответила: «Есть!» – так Д.П.Старков становится инженером технической части танковой бригады.

Интересно, что он, пройдя боевые действия в 1938 г. на озере Хасан, а затем Финскую войну и Великую Отечественную, имея девять правительственных наград, не знал, что за бои под Хасаном был награжден Орденом Ленина.

Его история очень необычна. Поэтому о ней хотелось бы рассказать его собственными словами.

Вот что пишет он в Главное Политическое Управление Советской Армии от 7 сентября 1965 года.

Из рапорта инженера-подполковника запаса Старкова Д.П.:

«...Поскольку я в РВК обращаюсь впервые, и там меня никто не знает, вполне естественно: прежде чем хлопотать обо мне, военком решил проверить, что я за человек и стоит ли хлопотать обо мне. С этой очевидной целью он стал знакомиться с хранящимся в РВК моим личным делом.

Так совершенно случайно мне стало известно об одной давнишней записи в моем личном деле (свыше двадцати пяти лет назад!) о том, что за боевые подвиги, проявленные в боях в районе озера Хасан, я был представлен Командованием (маршалом Советского Союза товарищем В.К.Блюхером) к высшей правительственной награде – Орденом Ленина.

Действительно такой случай имел место, и маршал В.К.Блюхер в свое время говорил мне об этом. После реабилитации В.К.Блюхера я не обращался никуда по этому вопросу только лишь потому, что не хотел быть голословным, так как не предполагал, что запись об этом могла где-то сохраниться. Я даже не говорил об этом с сыном В.К.Блюхера – В.В.Блюхером, с которым знаком и поныне, чтобы не показаться перед ним в ложном свете».

Дальше он описывает само событие, которое произошло в период Хасанских событий, когда он временно исполнял обязанности в связи с внезапным арестом накануне событий по-

мощника командира второй танковой бригады бригадного инженера И.И.Михалькевича. Будучи помощником по технике танковой группы, назначенной из второй танковой бригады для боевых действий в район озера Хасан из гор. Никольск-Уссурийска, где и дислоцировалась эта бригада.

Местность с нашей стороны к озеру Хасан была труднопроходимой для танков. Командир группы полковник А.А.Панфилов, назначенный временно исполняющим обязанности командира бригады вместо внезапно арестованного накануне событий командира бригады полковника В.Г.Буркова, ушедший на сутки вперед с двумя батальонами, не смог пройти к Хасану из-за сильно заболоченной местности.

Когда в районе болот появился командарм, спешивший на выручку погранвойскам с пехотной дивизией, командир бригады так и доложил маршалу о создавшейся обстановке и о невозможности провести танки к Хасану из-за заболоченной местности.

Через сутки, как это было запланировано боевым расписанием, к болотам подошел Старков со вторым эшелоном – средства материально-технического обеспечения боя, где он обнаружил танки первого эшелона, которые стояли на месте, а некоторые завязли в болоте. Командир бригады сообщил ему о своем разговоре с маршалом и о том, что маршал принял решение обойтись без танков, предприняв наступление пехотными частями без поддержки танков.

В связи с создавшейся обстановкой у Старкова возникла идея решения появившейся проблемы. По соседству с позициями танковой бригады был колхоз «РВС». Он договорился с руководством колхоза о разрешении бойцам сломать все их хозяйственные и надворные постройки – сараи, бани, конюшни и т.п., чтобы загатить топь, с условием, что когда закончатся бои, то бригада построит им новые.

Узнав о такой просьбе, колхозники, из патриотических побуждений, не только согласились, но и сами активно помогали бойцам гатить болото, раска-

Всё больше времени отделяет нас от боев на озере Хасан (29 июля – 11 августа 1938 года). Уже фактически ушли из жизни все участники этих событий. Остались их воспоминания и память о них.

Одним из участников боев на озере Хасан был Дмитрий Петрович Старков. Он родился в поселке Сысерть Екатеринбургского уезда Пермской губернии (ныне г. Сысерть Свердловской области) 12 сентября 1915 года.

С 1930 по 1935 г. проходил обучение на механико-сборочном факультете Уральского филиала центрального заочного механико-машиностроительного института города Свердловска, с октября 1935 по ноябрь 1937 г. работал сменным инженером Уральского завода тяжелого машиностроения им. С.Орджоникидзе. В ноябре 1937 г. Дмитрий Петрович был призван в ряды Красной Армии. Службу проходил в городе Ворошилове (ранее и ныне – г. Уссурийск).

В письмах к матери, которая после гибели отца работала в детском приюте, он пишет, в частности, как снимают портреты старых командиров и заменяют их новыми. Потом сообщил, что призывникам, имеющим высшее образование, было предложено стать кад-

тывая для этой цели по бревнам свои постройки.

«Таким образом, благодаря только этой мере, мы сумели танки провести в район боевых действий.

Маршал пожелал меня видеть. В разговоре со мной он отменил мое решение построить колхозу постройки силами бригады.

«Вся Армия будет строить колхозу постройки, – сказал командарм, – и, не дожидаясь, когда закончатся бои».

Тут же была дана соответствующая команда строительным частям Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии.

С тех пор, по долгу службы, мне приходилось часто встречаться с маршалом. В моей техчасти всё время находились два подростка – старший сын маршала Всеволод и сын Начальника Главного Политического Управления Советской Армии Л.М.Мехлиса – Леонид. Этих подростков отцы взяли с собой на Хасан, т.к. жена маршала ожидала ребенка, а жена Мехлиса, Елизавета Михайловна, была вместе с мужем, и детей оставить было не на кого.

После окончания боев маршал лично представил меня к ордену Ленина.

Через несколько дней после успешного разгрома врага, маршал был срочно вызван в Москву, все предполагали – для доклада в Кремле о замечательно проведенных боевых действиях. Но вскоре пришло горестное известие – через три дня после отъезда маршала мы получили распоряжение: снять все портреты маршала В.К.Блюхера и маршала А.И.Егорова. Всем всё стало ясно. Старкова вызвали в Особый отдел (контрразведка) и с пристрастием стали допрашивать, за что его враг народа Блюхер представил к высшей правительственной награде.

Дело повернули так, что я вроде как оказался пособником врагов народа. Мне говорили – вот ты восхвалял врага народа, песни писал про врага народа, а враг народа тебя за это представил к ордену. В особом отделе мне дали понять, что ордена мне не увидеть как своих ушей. И сейчас, спустя двадцать семь лет, я удивлен, как могла, при тогдашних тяжелых для меня обстоятельствах, сохраниться в моем личном деле запись о представлении меня к Ордену Ленина. Очевидно на мое счастье – кто-то где-то не досмотрел!»

Старкову было предъявлено ложное обвинение. На самом деле было так: в феврале 1938 г. действительно в печати появилась его «Песня о Блюхере», но это было за полгода до Хасанских событий. И обстоятельства появления песни были следующие. В начале 1938 г.

на Дальний Восток приехал руководитель ансамбля песни и пляски Советской Армии композитор А.В.Александров.

Он объявил конкурс на текст песни о Блюхере. Многие дальневосточные поэты, в их числе и Старков, приняли участие в конкурсе. Он тогда пробовал свои силы в поэзии, и его стихи печатались во многих газетах и журналах. «И кто знает, если бы не эта роковая для меня песня о Блюхере, может быть я бы до сих пор продолжал работать в поэзии. Мой текст понравился композитору, прошел по конкурсу, был принят и опубликован почти во всех газетах Советского Союза».

Автору трудно хвалить свой текст, но в защиту его мы можем сказать следующее. Перед Великой Отечественной войной в июне 1941 года, т.е. спустя более трех лет с момента выхода в свет «Песни о Блюхере» появилась в печати «Песня о Тимошенко», автор ее – крупный советский поэт А.А.Прокофьев.

Старков пишет:

«У меня в феврале 1938 года в «Песне о Блюхере»:

Мы всегда готовы к бою.
Если вновь войны удар –
Пусть ведет нас за собою
Легендарный командарм!

У А.А.Прокофьева в июне 1941 года в «Песне о Тимошенко»:

Мы всегда готовы к бою.
Если вновь войны удар –
Пусть ведет нас за собою
Наш народный комиссар!

Автор пишет, что «в период написания песни мне В.К.Блюхера видеть не доводилось, и лично с ним я не был знаком, а знал его, как и многие, только по книгам, по рассказам, по легендам. Близко я с В.К.Блюхером познакомился только на Хасане и в силу своего временного служебного положения. Так что предъявленное мне тогда обвинение в преднамеренном восхвалении врагов народа является ложным – мои стихи о Блюхере и представление меня к ордену никакой связи не имеют».

В письме прилагались фотооттиски опубликованных им в различных газетах и журналах того времени материалов – очерки, рассказы, статьи – о Хасанских событиях.

Дальше высказывалась просьба. «Прошу Вас запросить от Первомайского райвоенкомата г. Москвы мое личное дело на предмет реализации представления Маршала Советского Союза В.К.Блюхера о награждении

меня Орденом Ленина за боевые подвиги в боях у озера Хасан...»

Следует сказать, что это не единственный эпизод в его богатой боевой биографии. Д.П.Старков не только непосредственный участник боев с японцами, но и корреспондент, аналитик. 12 сентября 1938 г. в газете «Тревога» опубликована его статья «Эвакуация танков с поля боя». 14 сентября того же года выходит публикация «Из опыта танковых боев в районе озера Хасан» в газете «На защиту Родины!» (г. Уссурийск). Рассказ «Танкисты» от 20 сентября в газете «Коммунар» повествует об одном из боев, где отличились экипажи Букатова, Винокурова, Казакова, Кускова и других Первой Отдельной Краснознаменной Армии. Более десяти статей о боях на озере Хасан публикует Д.П.Старков в газетах за первые полгода. В 1939 г. появляются его журнальные публикации. К годовщине боев выходит его радиопередача на Ленинградском радио (Ленинградский Облрадиокомитет, 8 августа 1939 г.).

Бои на озере Хасан (1938 г.), участие в боях на Финском фронте (1939–1940 гг.), активное участие в оборонительных боях под Ленинградом (1941 г.) и Москвой (1942 г.), организация ремонта и эвакуации подбитых в боях танков на Сталинградском фронте (1942–1943 гг.) во время Великой Отечественной войны – сопровождалась ранениями, контузиями. С февраля 1943 г. Дмитрий Петрович откомандирован в Управление Командующего Бронетанковыми войсками Уральского Военного Округа (г. Свердловск). Таким образом, беспокойная военная служба бросала уральца Д.П.Старкова с запада на восток и обратно по всей территории Советского Союза.

По словам внука Д.П.Старкова (Алексея Герасимова) орден Ленина Дмитрий Петрович получил, но носить его не стал, а передал в музей Сталинградской обороны. Ведь во время обороны Сталинграда Д.П.Старков обеспечивал эвакуацию подбитых танков. Волга была в огне, и промедление погружки танка на баржу было недопустимо. Приходилось восстанавливать танки, если позволяла ситуация, и в самом Сталинграде.

В

НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД*

Лудовико АРИОСТО
(1474–1533)

Перевод с итальянского
академика поэзии
Юрия КОНЕЦКОГО
(25.05.1947 – 04.03.2014)

Гравюра Г.Доре.

Публикация
Любови Ладейщиковой.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Удачи старопрежними веками
Сопровождали витязей везучих...
Судьба благоприятными руками
В пещерах темных, и лесах дремучих
Им отдавала то, что знатоками
Ценимо днесь, да мало кто получит,
Какое бы ни проявил раченье,
Освобождая дам из заточенья...

Как я сказал уже, увидел въяве
Красавицу Роланд в большом унынье,
И ждал, когда она ему объявит
Свою судьбу, столь бедственную ныне.
Как выпал ей при благородном нраве
Ужасный жребий в каменной пустыне.
Поведала она свои невзгоды,
И вторили ей камерные своды.

Она сказала: «Знаю, добрый рыцарь,
Что будет мне за речь мою расплата —
Все донесет вот эта дьяволица
Тому, кому принадлежит палата.
Но пред тобой не стану я таиться,
Пусть это смертью будет мне чревато —
Мне потерять свободу было в тягость,
А потому, жду смертный день, как радость.

Я — Изабелла, дочь была я
Владыки галисийского престола.
Я говорю: была, затем, что злая
Судьба мне мать отныне... Произвола
Тоски и скорби цепи налагая,
Мне бог Любви, чья так опасна школа,
Сулил и страсть, и нежности туманы,
А посылал измены и обманы.

Я во дворце росла в счастливой доле,
Имела прелесть, честь, богатство, имя,
А вот теперь — убога, в скудной доле,
И мой удел страшен невыносимо.
Не ведаю, мне мучиться доколе,
Но прошлое во мне живет незримо,
Узнай и ты, как все со мною случилось, —
Твоя мне, рыцарь, благовторна жалость...

Отец мой праздник объявил в Байонне,
Прошло двенадцать месяцев с той встречи,
Но помню я, как храбрецы и кони
Съезжались в нашу землю издалече.
Вдруг в панцире, а добрый конь — в попоне,
Явился рыцарь: доблестные плечи
Сильнейшего в турнирах исполина...
Так я влюбилась в славного Зербина.

Сын короля шотландского в потехе
Ристалищной был опытен и крепок,
Противников он щелкал, как орехи,
И вышибал из седел напоследок.
Мне были по душе его успехи —
Полет стрелы Амура был так меток,
Что обжигали душу мне вначале
Любовные восторги без печали.

Был красотою доблестной намного
Зербин прекрасней рыцарей турнира,
От сердца к сердцу пролегла дорога,
Так, верно, было от начала мира...

Душа моя пылала от восторга,
Пронзила и его Любви рапира,
И если даже было расставанье,
То продолжалось наших душ пыланье.

Но вот и завершился праздник ратный,
В Шотландию Зербин уплыл с победой,
Лишь любящим тоска моя понятна —
И ты, о том, добрейший рыцарь, сведай.
И пусть свершил Зербин свой путь обратный, —
Со мной был связан мысленно беседой,
И не было преград его желанью,
К нему бы я сбегала быстрой ланью.

И как бы ни любили мы без меры,
Путей законных для влюбленных нету —
Ведь был Зербин адепт Христовой веры,
А мой отец был верен Магомету.
Мы сочиняли разные химеры,
И вот одна, похожа на комету,
Мелькнула, что увозом тайным вскоре
Меня возьмет Зербин к себе за море.

На берегу был сад, где я гуляла,
Ежевечерне ожидая парус,
И часто наше счастье представляла:
Любовней вряд ли где отыщешь пару.
Святая Марта нас благословляла,
Ее была я благодарна дару.
Случайно вскоре, — рыцарь, будь судьбою! —
Я вижу море с присланной ладьею...

Но встречи миг мне был и мил, и горек.
Вотще желала я обнять Зербина —
Ладью привел Бискайский граф Одорик.
Старик-отец в Париж отправил сына
На боевую помощь, как католик,
Повергнуть Агманта-сарацина.
Одорик же приплыл с наказом друга,
Украсть меня для бранного супруга.

Был срок условлен для такого шагу.
Дружинники на веслах незаметно
Вверх по реке прошли, явив отвагу,
Затем, что было слуг у нас — несметно.
Я вышла в сад, как думала: ко благу,
Но счастье так бывает безответно!
Я знать не знала, что Одорик службу
Сослужит честно, но порушит дружбу.

Меня он выкрал из родного сада,
И не успели всполошиться слуги,
Как я была в ладье смоленной рада
Плыть в дальний край, любимому в супруги.
От похищенья не спасла ограда
С охраной вместе... На бойцах — кольчуги,
А слуги были с голыми руками
И только вслед махали кулаками.

Едва прошли мы Монгию, как слева
Нам в борт ударил дикий ветер с моря,
И утрашали нас его напевы,
И море вал подняло, ветру вторя,
Нас поглотить в свое стараясь чрево...
Тут ветер с суши навалился вскоре,
Борта ладьи схватил с налету цепко,
И закрутило нас, как будто щепку.

* Продолжение. Начало в № 1–2, 10 (2012), 8, 10 (2013), 1, 3, 4, 9 (2014), 2, 6 (2015), 1, 2 (2016).

От парусов — лохмотья, сбиты мачты,
И снасти ни одной не встретишь целой.
О, шторм-громила, нравом так горяч ты!
Корабль несешь на скалы пред Роцеллой,
Шторм бессердечный, вестник неудач ты,
Безвинных жертв палач поднаторелый!
Корабль летит стрелы быстрее вдвое,
Что пущена туюго тетивою...

Несется судно к беспощадным скалам,
Одорик, видя близкое крушенье,
Спускает челн туда, где вал за валом,
И пену гонит штормовое рвенье.
Нам угрожает смерть своим оскалом,
Но вот Одорик, подгадав мгновенье,
Ладейный челн захватывает с бою,
Беря меня и двух друзей с собою.

Канат мечом отсек он... И проклятья
Неслись нам вслед и леденили душу,
Но челн сквозь шторм пробился без изъятья,
И нас валами вынесло на сушу.
Ладью взял шторм в смертельные объятья,
Об острую скалу ее обрушив,
И как орех расколотое днище,
Всех повлекло в подводное кладбище.

Погибла в бурю храбрая дружина,
И вместе в ней, в своем свирепом рвенье
Все поглотила жадная пучина:
И платья, и нарядные каменья,
Все, что надеть мечтала для Зербина.
Уйдя от места страшного крушенья,
Мы, одолев лесное бездорожье,
Большой горы увидели подножье.

Любовь подобна лютому тирану,
Она и вероломна, и коварна,
Я доверяла ей, — теперь не стану, —
Ведь даже дружба в ней неблагоприятна!
Когда в лесу мы выбрали поляну,
Где пыл туман, как будто дым алтарный,
В Одорике, явив свою безмерность,
Порывы страсти задушили верность.

Еще во время плаванья, до бури,
Моя краса его очаровала,
Глаза, что были голубей лазури;
Но я о том, плывая в ладье, не знала,
А он молчал, густые брови хмурия.
И вот в укромном месте, после шквала,
Решился навсегда разрушить дружбу,
Предать того, кем послан был на службу.

Мешал ему Альмоний, удостоен
Наследника шотландского приязни —
Зербин сказал: «Вот совершенный воин», —
Одорик вручая без боязни.
«Мой друг Альмоний, буду беспокоен
Я, зная, что достоин лютой казни,
Коль не достанем нашей даме лошадь,
Чтоб не вступала пешею на площадь...»

Поверив слову ложному всецело,
Когда Одорик вздумал тешить беса,
Альмоний путь направил свой в Роцеллу —
Макушки крыш мелькали из-за леса.
И он не ведал подлого прицела...
Второй наш спутник, честен без подмеса,
Как храбрый воин многим был известен,
В бою свиреп, но в чистой дружбе честен.

Короб, так звали воина второго,
Был баском из испанского Бильбао,
Воспитанник Одорикова крова,
Служил ему вернее волкодава.
Когда же услышал измены слово,
В сообщники зовущее, то право,
Вначале не поверил гнусной вести,
Храня обет достоинства и чести.

Затем, кипя, как в чаше свежий пенник,
Он, полон негодующего гнева,
В лицо злодею прокричал: «Изменник,
Принадлежит Зербину эта дева!»

Но, выхватив клинок, напал мошенник,
Стал им махать направо и налево,
Сталь стучала о сталь... От поединка
Сбежала я, куда вела тропинка.

Летели искры от клинков свирепо,
Одорик был искусен в деле брани,
И бросил наземь замертво Короба,
И поспешил за мною, как в дурмане.
Казалось, страсть его взлетела в небо,
Где крылья припасла ему заране...
Передо мной он преклонил колени,
Чтоб приняла мольбы его и пени.

Но я решилась умереть скорее,
Чем отвечать на пени и угрозы,
И обжигала страсть его, не грея,
А только холодила, как в морозы.
Тогда он напролом пошел, зверея,
Меня взять силой, как срывают розы,
Его увещевала я Зербиним,
Но он схватил меня рывком единым.

Я в сотни раз была его слабее,
Порой казалось, что мы оба бредим —
Он все меня жаднее и грубее
Сжимал изголодавшимся медведем...

Я храбро отбивалась, не робея, —
(В глухом лесу не постучись соседям), —
Ему я щeki исполосовала,
Но «Помогите!» все-таки вскричала.

Тут на мое сомнительное счастье,
Услышав зов, толпа явилась люду,
(Ведь корабли тут разбивались часто),
Валы на берег выносили груды
Всего, что страшной избежало пасти.
Мое спасенье припишу я чуду.
И тут же бросив натиск свой, бискаец
В бега стремглав ударился, как заяц.

Так выручена я из лап злодея,
Избавлена пришельцами от муки,
Но оказалась вдруг в другой беде я,
Попав толпе в безжалостные руки.
Они, моей свободой владея,
В бесчестной связке круговой поруки,
Хотя мое и видели бессилье,
Не совершили надо мной насилие.

Со мной так поступили эти рожи
Не потому, что в них проснулась совесть,
А чтоб меня потом продать дороже,
Лишь о своем прибытке беспокоясь.
А я была напугана до дрожи.
Теперь же, стать рабынею готовясь,
Узнала, что по дьявольскому плану,
Хотят меня продать в Левант султану».

Так рассказала нежная девица,
Но прерывались ангельские речи
То вздохом, чтоб опять возобновиться,
То тязким стоном, слышным издали.
Внимал ее печалю храбрый рыцарь,
И становилось бедной деве легче...
Но вдруг в пещеру с саблями и пикой,
Разбойники ввалились бандой дикой

Вослед за одноглазым атаманом,
Чей злобный глаз смотрел чернo и косо,
И уцелел назло ужасным ранам
Через лицо, от челюсти до носа...
И крикнул атаман своим мужланам,
Что подчинялись воле кровососа:
«Орлы такие в нашем крае редки,
Не ставили силко, а птичка — в сетке!»

И графу: «Мне тебя и не хватало!
Бывают и у рыцарей огрехи,
И то, что опустил свое забрало,
Составит ли кому большой помехи?
И пусть они из крепкого металла,
Я тут же заберу твои доспехи,
Да и отменный плащ мне будет впору,
Так что скидай стальной камзол без спору!»

И в латах распрямив тугие плечи,
Граф усмехнулся мрачным небылицам:
«Что ж, я продам оружие, только нечем,
Тебе, пожалуй, будет расплатиться!»
И тут он разом из горячей печи
Хватает головню, а та дымится,
И размахнулся ей, как жнут колосья,
И засадил злодею в переносье.

От жара тут же вспыхнув справа, слева,
Сгорели брови у мерзавца сразу,
И он от боли зашатался слепо,
Навек лишась единственного глаза,
Душой ослепшей мир князя свирепо,
Не взяв обол, он, словно по приказу,
Уже спешит в Хироновы владения,
Пасть тенью на кровавые ступени.

Широкий стол стоял среди пещеры,
В две пяди толщи, срублен неумело,
Здесь сиживали все, кто на галеры
Достойны быть отправлены за дело.
И рыцарь, гневом обуян без меры,
Хватает стол и в сброд кидает смело,
И от его могучего удара
Избавиться сложней, чем от кошмара.

Тому досталось в грудь, другому — в брюхо,
Тот силится башку поднять рывками,
Остались, коль он им не вышиб духа,
Увечные ногами и руками.
Кто уцелел — метнулись легче пуха
Бежать... Так со скалы скатившись, камень
Собою давит выводок змеиный,
Сплетенный меж собой в клубок единый.

На солнце согревались после ночи,
Теперь одни — с разбитыми хребтами,
Мертвы другие гады среди прочих,
Лежащих с перебитыми хвостами.
Другие уползают вдоль обочин
В траве погузе скрыться за кустами...
Вот так была разбита эта банда,
Не ведая, что встретила Роланда.

Лишь семеро злодеев уцелело
По точному Турпинову подсчету,
Из тех, кто врассыпную мчался смело,
К спасенью шкуры поимев заботу.
Роланд решил всех наказать за дело,
Не дав сбежать бандитам-живоглотам:
Ловил у выхода теленных ципляток,
И приговор орла был мудр и краток.

Разбойников, которым он за спину
Ладони завернул, стянув веревкой,
Он выволол наружу под рябину,
И рубит ветки ей с оттяжкой ловкой.
И в сеть воронам каждого детину
Подвешивает страшною обновкой
На сучьях, как крючком, поддев под челюсть,
Чтоб никому не прыгнуть с тех качелей...

А подлая разбойничья старуха,
Наперсница бандитской этой скверны,
Рвя космы на себе, завыла глухо,
И зарыдала, словно дух пещерный,
В которой смерть повсюду и разруха.
Потом в чашобу продралась сквозь терны,
И вышла к пойме, где река струится.
А ей навстречу — неизвестный рыцарь.

О рыцаре — потом. В пещере дева
Печально сидя около камина:
«Скажи, меня не бросишь?» — то и дело
В тревоге вопрошала паладина.
Он утешал красавицу умело:
«Еще обнимешь своего Зербина!»
Едва завидев алуу Аврору,
Покинули они и грот, и гору.

Так, избавляясь от былой тревоги,
Они пустились в путь обыкновенный,
В один из дней узрев, как по дороге
Среди толпы шагает рыцарь пленный.
Все расскажу о нем в иные сроки,
Ну а пока о нашей драгоценной
Великопленной дочери Амона,
О Брадаманте, по уши влюбленной.

Правительницей жители имели,
Ту, что печаль о милом не отринув,
В своем стояла солнечном Марселе,
В доспехах выходя на сарацинов.
От Роны и до Альпов, как хотели,
Те грабили страну с проворством джинов,
Но мудрый вождь она и храбрый ратник —
Побит был ею не один стервятник!

Ни у кого над временем нет власти,
Незнание наше замещает вера.
И предвкушая жар любовной страсти,
Ждет Брадаманта своего Руджьера,
Но в страхе от придуманных несчастий,
Порой в слезах хоронит кавалера...
Вдруг та предстала, чье спасло колючко
От злой Алцины девичье сердечко.

Увидев, что волшебница Мелисса,
Из дальних стран одна прийдя обратно,
Не отыскала странника-Улисса,
Враз подкосились ноги девы ратной.

Но фея, раздвигая губ кулисы,
Подходит к ней с улыбкою приятной,
Снимая страха тяжкие оковы
Бодрящим взором вестника благого.

«Не надо бы тебе впадать в унынье, —
Ей говорит, — он жив, и мыслит здраво.
Любви же верен, но он узник ныне,
Твой вечный враг пленил его неправо.
А коли весть моя горшей полныи,
Любовь тебе на жизнь, а не в забаву,
Садись в седло, скачи за мной карьером,
И вкусишь счастье со своим Руджьером!»

Тут все она поведала, что знала,
Про колдовские миражи и ковы,
Которых сотворил Атлант немало,
Перережаясь в черные покровы.
Так Брадаманта пленницей предстала,
А удалой Руджьер, услышав зовы,
Скакал спасать ее от великана,
И во дворце стал пленником обмана.

Немало дам и рыцарей, напрасно
Ища друг друга, бродят в стенах замка,
И от невстречи мучаются ужасно,
(Их стен волшебных крепко держит рамка),
Об участи родных вздыхают страстно,
Как по тигрице — тигр, по тигру — самка...
В тот замок добровольно входит каждый,
Кто поиски наполнил страстной жаждой.

«И как придешь ты, — наставляла фея, —
К покоям, где и люди, и химеры,
То сразу же увидишь чародея,
Что ждет тебя в обличии Руджьера.
И, дело с наваждением имея,
Не верь тому, коль злобно, как пантера,
Теснить Руджьера станет злая сила, —
Приманка это, чтоб ты боль вкусила.

Чтоб тоже ты не миновала плена,
Тебя нарочно вводят в заблужденье:
На помощь ты рванешься непременно,
Но не забудь о предостереженьи!
Иди с мечом вперед, добычей тлена
Пусть станет тот, чей облик и движенья
Напоминают милого Руджьера, —
Все это черной магии афера!

И не Руджьер умрет, а тот, кто чары
Навел на многих, лик сменив притворно.
Ты ж удстой его смертельной кары,
Чтоб никогда не делал зла повторно.
Меча пусть будут твердыми удары!
Ты колдуна должна убить, бесспорно,
Что так с Руджьером схож; нет, не устану
Тебе я повторять: “Не верь обману!”»

Вот рыцарем уже глядится бравым
Красавица, чей меч блестит и латы,
И за Мелиссой вслед спешит к дубравам,
И кажется, что кони их крылаты.
Известная крутым и честным нравом,
Спешит достичь волшебные палаты,
И фея скачет с храброй непоседой,
Путь украшая доброю беседой.

И повторяет вновь и вновь девице,
Спешащей ко дворцу, где арестанты,
Каким героям предстоит родиться
В Руджьеровой семье от Брадаманты.
Прямых потомков княжеские лица
Живописует, как любовь — ваганты,
Провидя взором времени ступени,
И смену волн грядущих поколений.

«Хранительница, — ей не без причины,
Сказала дева, — будучи в потемках
Моих с Руджьером, только ли мужчины
Начнут блистать во временных потемках?
О женщинах поведай без кручины,
Достойных дамах, расскажи о том, как
Они прекрасны будут, ободри же!»
Провидицы ответ приводим ниже:

«Красивы будут дамы и прелестны,
И матерями станут государей
И мощных королей, и мне известно —
Опорой будут не в одной Ферраре.
Их добродетель явит повсеместно
Пример любви великой в брачной паре:
Мужи с оружием побеждают в битвах,
А счастье женщин — в детях и молитвах.

О тех я повторить могу хоть дважды,
Кто роду твоему составит славу,
Но как я перечислить их ни жажду, —
Их будет сотни на одну державу.
И твой задор заложен будет в каждой,
Любой гордиться можешь ты по праву.
Но что же ты у Мерлина смолчала?
Могла б воочью видеть всех с начала.

Из твоего возвышенного рода
Взойдет и та, больших искусств подруга,
В которой превзошла себя Природа,
Дав ей красу, и мудрость, и супруга.
То Изабелла, ясность небосвода
В ее душе живет как прелесть юга,
Немало ей отпущено таланта
В краю, что носит имя вещей Манто.

Не раз в горячем споре побеждала
Она супруга своего к тому же,
Примерами, где женщины немало
В боях и в жизни помогали мужу.
И если скажет он, как шел на галла,
Италию храня в жару и стужу,
И отстоял спокойствие Европы, —
Она припомнит славу Пенелопы.

И я тебе везу, как некий кормчий,
Хотя дорога эта далека мне,
Все, что однажды Мерлин напорочил.
Вещая глухо через полый камень.
Ты в будущее вглядывайся зорче,
Смотри же, как твой род живет веками,
Как Изабелле, всех людей радеть,
Бог даровал любовь и добродетель.

Ее сестрою будет Беатриса,
Блаженная и именем, и сутью,
Прелестней роз, стройнее кипариса,
Известны ей все счастья перепутья.
Ей князь-супруг прекраснее Париса
Достанется, знай, не солгу и тут я.
Когда ж она свои окончит годы,
То на страну обрушатся невзгоды.

Все имена Висконти, Сфорца, Мора,
При ней смогли прослыть грозой света,
От южных стран до скифского простора,
От Индии до входа в Море это.
Но муж-вдовец утратит царство скоро,
Когда не будет жизнь женой согрета
И разумом ее необычайным,
Что было умным, станет лишь случайным.

Задолго до нее другие жены
С достоинством носили это имя.
В Паннонии одна из них короны
Сподобилась... Другая между ними
Отринула земных страстей препону,
В Авзонии живя в суровой схиме,
К святым причислив ликом, кардиналы
Ее навеки занесли в анналы.

Я умолчу о прочих знатных дамах,
Их было много жен и христианок,
Хвалебных слов они достойны самых,
Прекрасней всех меж прочих итальянок.
В грядущее гляжу, и вижу там их —
Лукреций, Анджелик, Констанций, Бланок,
Что воцарятся в виллах белоснежных,
Став матерями ребятишек нежных.

Я расскажу тебе о милых женах,
Что славу твоему составят роду,
От внуков и от правнуков рожденных,
И нарожавших множество народу.

Как радуют они мужей законных,
Поведал мудрый Мерлин сквозь колоду
Не для того ль, чтоб я была готова
Вслух повторить от слова и до слова!?

Гордись, мой друг, Рикардой молодою,
Ведь ей одной воспитаны два сына,
Когда осталась с юных лет вдовою.
Немилостива к ней была судьбина.
И сыновья под роковой звездой
Из царства были изгнаны безвинно,
Пока отмщеньем за судьбы напасти
Не наступил конец неправой власти.

Не умолчу о королеве славной,
От корня арагонского навеки —
Нет в мудрости и тихости ей равной,
Ее хвалили б римляне и греки.
Судьба была ей чашею задравной,
С нее пошли, как от истока реки,
Все те, кому над колыбелью пела:
Альфонс, и Ипполит, и Изабелла.

Так знай, что это будет Леонора,
Привоем на стволе твоем гогучем.
Я о второй ее невестке скоро
Скажу, как о приемнице везучей:
Лукреция из рода Борджий взором
Прелестна и чиста, не сыщешь тучи,
Чтоб честь ее затмить и добродетель —
То мне поведал Мерлин, как свидетель.

Как олово пред золотом и медью,
Как перед розой полевые маки,
Как ива перед вишней в многоцветьи,
Как пред алмазом страз — лишь тень во мраке,
Там всякая красавица столетия
Заране уподобится кривляке
Перед красой ее и превосходством,
Умом и достохвальным благородством.

И все ее достоинства в наследство,
Что непременно в ней почтутся нами,
Подхвачены воспитанными с детства
По царски благородными сынами.
Затем и Геркулес не знает бедства,
И прочие сыны, что временами
Облачены, кто в мантию, кто в латы —
Князья, военачальники, прелаты.

Смолчу ли я, припомнив о Ренате,
Красавице, француженке-невестке,
Что в королевской рождена палате,
Ее сравнить во всей Бретани не с кем.
И мать ее была из высшей знати —
Такие лица просятся на фрески.
Так жар огня с водой весенней льдины
Смогли в Ренате слиться воедино.

Про Альду из Саксонии не стану
Рассказывать; о Каталонской Бланке
Смолчу, и о графине из Челано,
Чарующей прелестнице-южанке.
О Липпе из Болоньи, без изьяну
Красавице и истой христианке,
И о других не стану, ведь на деле
Начни про всех — не кончишь на неделе».

Так, раскрывая в будущее двери,
Поведала Мелисса о грядущем,
Напомнив Брадаманте о потере
И о дворце волшебном в тайной пуще,
И о плененном рыцаре Руджьевере,
Которого похитил карлик злющий.
Но тут вещунья прекратила речи —
С волхвом всесильным ей опасны встречи.

И снова повторив свои наказы,
Вдруг растворилась фея, как туманы,
Сказав еще раз: «Бойся, как заразы,
Волшебника бесчестные обманы».
Тут Брадаманта видит в оба глаза,
Как на тропе два мощных великана
Теснят Руджьевера, словно серп жнет колос,
И он уже от гибели на волос.

Наездница, его увидев беды,
Стоящего у смерти на пороге,
Забыв наказы, для его победы
На выручку рванула без дороги,
Готовая скакать хоть до Толедо.
Вдруг на нее обрушились тревоги:
Что, если фея, невзлюбив Руджьевера,
Его убить решила, как Мегера?

Задумалась: «Меня сомненье гложет,
И все оно короче и короче:
Второго же Руджьевера быть не может,
Коль так, пускай мои ослепнут очи!
Не верю я, что это лик похожий.
За что меня волшебница морочит,
Ведь я того, кто храбро бьется рядом,
Почую сердцем, и увижу взглядом».

Вот так она сама с собою спорит.
Вдруг слышит, он зовет на помощь криком,
И поспешила, враз коня прищипорив,
На выручку в смятении великом.
И видит, что ему погигнуть морочу,
Руджьеверу, а не схожему с ним ликом,
Не ведая, что эти два гиганта
Ее торопят во дворец Атланта.

Чуть за порог вбежала без испуга,
Как оказалась вмиг в волшебном зале,
В хоромине, где ищут все друг друга,
Глаза им, видно, крепко завязали.
По воле заколдованного круга
Ее слепые поиски терзали,
Хотя Руджьевера видела средь зала,
Но, даже говоря с ним, не узнала.

Пусть вас печаль не гложет, как мурена,
Про участь Брадаманты... Честь по чести
Клянусь вам: в срок из колдовского плена
Я вызволю ее с Руджьевером вместе.
Живее вкус, коль яствам перемена,
Закончим свой рассказ мы о невесте.
И сказ, разнообразнее по духу,
Начну, и он едва ль наскучит слуху.

Я тку большую ткань замысловато,
И много для нее мне надо нитей...
О том, что маврам не помогут латы,
Вы благосклонно весть мою примите.
Царь Аграмант, ревнитель газавата,
Сам при оружьи и при полной свите,
Устроил смотр войскам, кто предан вере,
И кто понес немалые потери.

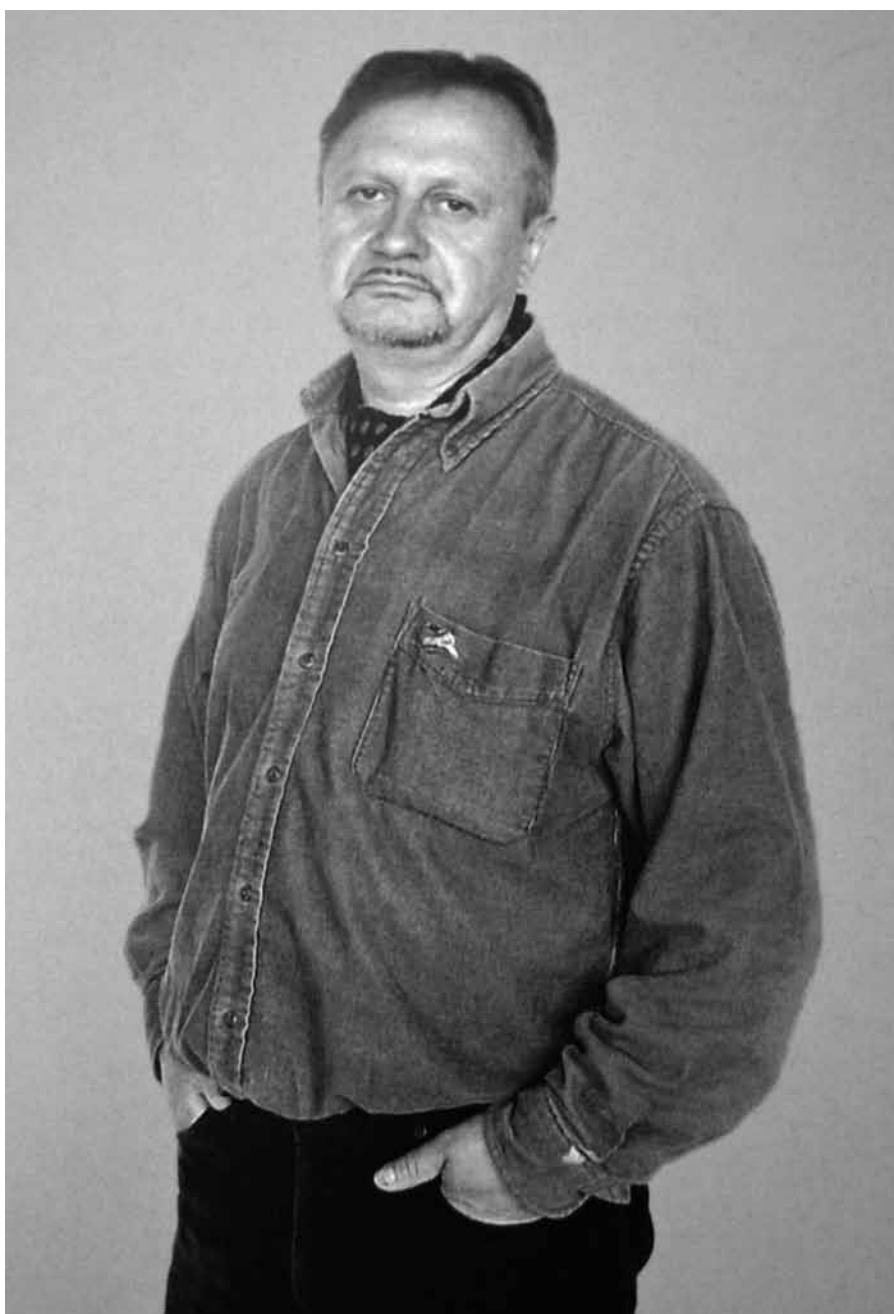
Пришли на смотр джигиты и солдаты,
Умытые кровавыми дождями,
На многих были кованые латы,
Пробитые клинками, как гвоздями.
Но были те бойцы не виноваты
Перед царем и лавшими вождами:
Порядок чтят при сильном воеводе,
А не при безначалье и разброде.

Царь Аграмант стремительных посланцев
Отправил в путь, одним желаньем движим,
Чтоб короли прислали новобранцев,
Взамен полков, разбитых под Парижем:
Ливийцев, эфиопов, и испанцев.
Монарх, он дорожил своим престижем
И сарацинской верою суровой...
Тут я окончу песнь, и ждите новой.

B

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ СЕРГЕЯ ДАВИДОВИЧА

Марта ШМАТОВА,
Наталья ДАВИДОВИЧ

В манере, которая напоминает сновидение, Сергей Давидович отображает метафизическую природу образов и явлений – вне времени и реального пространства. Работая в технике масляной живописи, как будто легкими касания-

ми, стремясь к неуловимости физического воздействия на холст, художник будто представляет перед зрителем духовную жизнь и реальность, приглашает в мир возвышенности и христианского романтизма.

Пробуждение.

Ассоль.

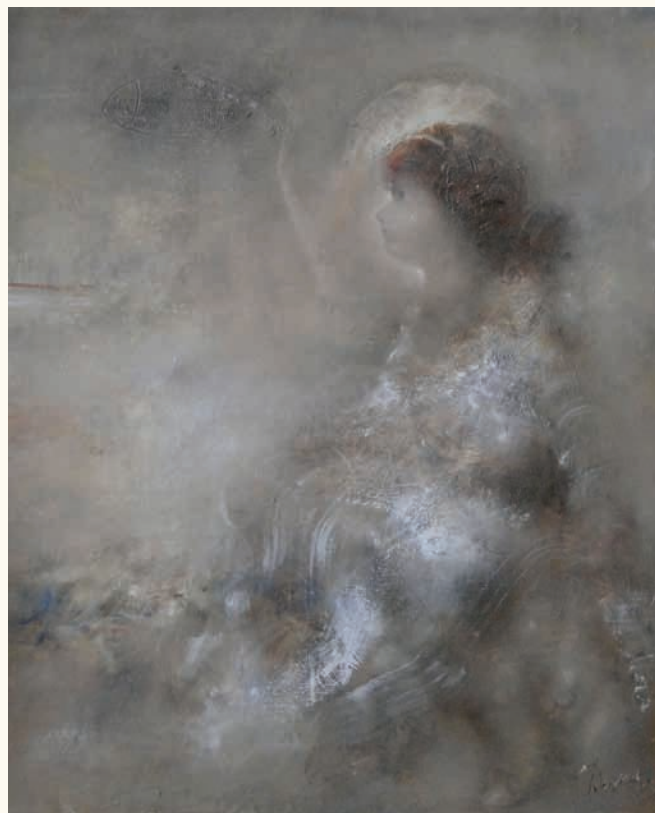

Церковь в Сынковичах.

Мотылек.

Ангел рисующий.

Утро на Мазурах.

Недремлющее око.

Метод его работы требует высокого мастерства, тончайше-виртуозного движения руки, придающей произведению ощущение импрессионистической свежести, живописности *all'prima*, предполагая, тем не менее, огромную концентрацию творческой энергии.

«Проходя по Дольнему и прикасаясь к Горнему миру, я всего лишь прохожий, восторженный и вдохновлённый!» – Сергей Давидович.

Яркий талант сочетается в нем со скромностью, возвышенный дух – с добросовестнейшим трудом. Всё это, соединенное воедино, находится в постоянном противоборстве, неустойчивом равновесии беспокойства, характерного для сути любого истинного художника.

Неоромантическое мироощущение обеспечивает Сергею Давидовичу постоянный источник вдохновения. Образный круг его произведений достаточно широк: это Мадонна с Младенцем, ангелы, Святые, сюжеты из Евангелия, мир детей и прекрасных дам...

Постоянная работа с натуры позволила создать большую серию «НЮ». Художник, подобно символистам начала XX века, не разграничивает тело и душу. В его произведениях эти категории взаимосвязаны и взаимопроникновенны. Его деликатность, и одновременно великолепная точность взгляда позволили создать лирический мир, тонко играющий ассоциациями и состояниями.

Произведения художника варьируются от тонко разработанной, почти монохромной гаммы, где образы и предметы будто растворяются в световоздушной среде, придавая им фантастичность и ирреальность, до открыто насыщенной колористической палитры сложных светотеневых пятен, создавая живописную материю, адекватную его чувственному ритму. Этот визуальный эффект интригует и эмоционально заряжает зрителя, уводя его из будничной монотонности в сияющий мир тайных фантазий художника, его мгновенных озарений и неразгаданных снов.

Работы Сергея Давидовича пронизаны душевной гармонией, любованием цветом, самой жизнью. Профессионалов и публику восхищает утонченная красота созданных им образов, их необычная одухотворенность. В этом удивительном сочетании абстрактного и реального и заключается особая магия стиля Сергея Давидовича, где подлинность и вымысел, женское начало и вечность находятся в постоянном и сложном взаимодействии.

Он неустанно ищет красоту, прикасаясь к ней снова и снова...

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ДАВИДОВИЧ

Родился в 1959 году. Живет и работает в Минске (Республика Беларусь).

Окончил Белорусскую Государственную Академию искусств, отделение станковой живописи. Член союза художников Беларуси, председатель секции живописи белорусского союза художников, член международного объединения художников «Солнечный квадрат».

С 1999 г. преподает рисунок и живопись студентам кафедры художественного-педагогического образования факультета эстетического образования Белорусского государственного Педагогического Университета имени Максима Танка, г. Минск, Республика Беларусь.

Принял участие более чем в 150 выставках, среди которых следует отметить: «Экспо 1999 г.» (г. Лиссабон, Португалия), «Экспо 2000 г.» (г. Ганновер, Германия), «Восток – Запад» 2006 г. (г. Утрехт, Нидерланды), «Арт-Манеж» (г. Москва, Россия 2000 г., 2007 г.), г. Селестат, г. Бенфельд (Франция, 1996 г.), г. Москва (Россия 1996 г., 1999 г., 2002 г.), г. Череповец (Россия 1997 г., 1998 г.), г. Минск (Беларусь, ежегодно с 1984 по 2015 гг.), национальная галерея (г. Кранах, Германия, 2008 г.) и др.

Участник и куратор республиканских выставок «Лабиринт» 2014, 2015 гг. г. Минск (Республика Беларусь).

Участник международных живописных симпозиумов и вернисажей в г. Ланцуд, г. Яблонка, г. Бжешив, г. Ольштын (Польша) с 2009–2015 гг.

Участник выставки по итогам международного «Шагаловского пленера» в г. Витебске в 2016 г.

Работы находятся в государственных и частных коллекциях Беларуси, России, Польши, Германии, Франции, Голландии, США.

ВИНО ИЗ МУХОМОРОВ, ИЛИ ПЛЕБИСЦИТ О ПСИЛОЦИБИНЕ

Дмитрий СИВКОВ

Обозреватель районной газеты «Шалинский вестник» и собкор «Областной газеты».

В журналистику пришел в 40 лет.

«Жизненные университеты»: учащийся СГПТУ,

старшина I статьи ВМФ,

курсант военного училища,

заорг РК ВЛКСМ,

тренер ДЮСШ,

матрос рыболовецкого траулера,

камнерез,

электромонтажник на стройке,

не минула и стезя

индивидуального

предпринимательства.

Окончил

факультет журналистики

УрФУ.

Пятый день рабочей недели уже после обеда стал невозможным. Вид клавиатуры вызывал отвращение, а кофе – изжогу. Хотелось уподобиться последней болезнетворной бактерии, что в панике покинула кабинет, гонимая стойким чесночно-луковым запахом, источаемым коллегой за соседним столом. Да к тому же «день истины» для нашего еженедельника наступал во вторник, что, естественно, никоим образом не стимулировало какую-либо деятельность.

В надежде как-то исправить положение я потянулся к пульту дистанционного управления. С засветившегося телевизионного экрана полилась история о встрече Людмилы Зыкиной, певицы № 1 Советского Союза, воспевающей то немного, что было по-настоящему близко его гражданам, с легендарной ливерпульской четверкой в каком-то американском кабаке. Народу стравливали наспех (и на смех) сотворенную легенду о том, как прима даже стала прототипом «Люси в небесах с алмазами». Ну конечно, лишь монументальность рязанской бабы могла сподвигнуть Леннона обратиться к кэрролловскому символизму при написании текста Lucy In The Sky With Diamonds! И «мармеладные небеса», и «калейдоскопические глаза» – это всё о ней! Данный бред не тянул хоть на маломальское соответствие действительности даже при условии, что явление ПОЛДЖОНДЖОРДЖРИНГО действительно колесило по свету отнюдь не с карамелькой за щекой, ведь первые буквы в словах Lucy, Sky и Diamonds составляют

недвусмысленную аббревиатуру ЛСД.

ЛСД – диэтиламид d-лизергиновой кислоты. Самый известный психоделик, юридически классифицируется как наркотик. Данное вещество используется в качестве инструмента в различных трансцендентальных практиках, таких как медитация, психонавтика или в запрещенной законом (но легальной в прошлом) психоделической психотерапии.

Коллеги из центральных СМИ никогда не отличались уважительным отношением к тем, кто подсел на их общепит. Еще не хватало, чтобы выходные были испорчены несварением этой галиматъи! Пульт полетел в открытый верхний ящик стола. Задвинув его, я словно захлопнул крышку гроба, где упокоилась обида на всех тех, кто считал себя вправе делать из меня идиота.

Самое время было задуматься над тем, чему в этот вечер отдать предпочтение: пиву с вяленным лебцом или несколькими партиями в волейбол. Рука потянулась к затылку, но тут раздался телефонный звонок, и дилемма перестала смущать мое сознание, терзаемое необходимостью вести здоровый образ жизни. Поступило предложение от небольшой, но сплоченной тусовки к неформальному общению части коллектива городской библиотеки посетить их после закрытия. Чтобы соответствовать неформальности, я было заикнулся о предварительном посещении винно-водочного отдела, но получил вполне определенный ответ, делающий все движения бессмысленными: «У нас всё есть!»

И действительно было: на столике рядом со стеллажом, где с солидностью расположились тома четвертого издания «Большой Советской Энциклопедии», кроме тривиальных закусок из разряда открыть – нарезать, были сервированы экспонаты выставки «Дары природы». На эту ярмарку тщеславия каждую осень местные хозяйки и дачницы приносят не только то, что сумел родить скудный уральский глинозем, но и заготовки, незамысловатые, но по-сельски сытные и дёркие. Обрато ничего не забирается, что дает повод работникам культуры несколько разнообразить свой досуг.

В качестве консолидирующего начала выступала трехлитровая банка, нависшая над всем этим натюрмортом, словно Килимаджаро, лишившаяся ледниковых форм рельефа. Для придания сходства с полотнами Хейсума не хватало лишь какого-нибудь вычурного гербария и полдюжины назойливых пчел. Впрочем, содержимое банки, цветом напоминавшее турмалин и именовавшееся настойкой, отвлекало от созерцания, и поэтому с лирической частью было покончено достаточно быстро. Хмельной напиток с журчанием потек в фарфоровые чашки, командированные сюда из домашних сервизов, и потому отличающиеся формой, объемом и раскраской. После первого же глотка захотелось узнать поподробней об авторе шедевра. Вкус был не похож ни на один из когда-либо пробуемых напитков. Запах вообще трудно было описать, а в послевкусии улавливались тона меда, облепихи и чаги.

Однако как ни старались, кроме того, что дарительницу звали Елизавета Сергеевна, ничего более конкретного вспомнить не смогли. Да вспоминать-то, как выяснилось, было особо нечего. Какая-то дачница, недавно лишь торговавшая домишко на краю нашего городка, больше напоминающего большую деревню, она не стремилась близко сойтись с

кем-либо ни из числа подобных себе, ни местных жителей. Да и пожила-то с пару месяцев, не больше, пропадая в основном в лесу, откуда возвращалась с лукошком грибов и холщевым мешком. Женщины, под разными предложениями навещавшие не слишком общительную соседку, часто заставляли ее за увязыванием пучков различных трав, которыми, как утверждали очевидцы, был завешен весь чердак дома.

Когда было объявлено о скором открытии выставки «Дары природы», травница принесла трехлитровую банку с настойкой и, как бы отвечая на слегка недоуменный взгляд курирующего это мероприятие работника библиотеки, заявила:

– А это не на стеллажи. Эти дары вашей природы вкусите себе.

С тем и убыла. А вскоре ее, вместе со всеми гербариями и банками заготовок, увезла приехавшая из города «Газель». Свидетельницы отъезда отметили, что шофер вел себя с женщиной подобострастно и явно заискивающее – величал «госпожа Элизабет».

Я еще раз склонил банку над каждой из чашек и предложил тост за госпожу Элизабет, что скрывается в миру под паспортными данными некой Елизаветы Сергеевны. Народ с готовностью откликнулся.

Кривозеркалье надвинулось, когда я потянулся за сыром – показалось, что этим занимаются лишь пальцы. Кисть оставалась на месте, а большой и указательный неестественно вытянулись и стали жить своей жизнью: переворачивать пластинки сыра, как страницы книги.

Нет уж, такое чтение не для меня! Чтобы как-то отвлечься от наплывающих наваждений, я отошел к окну, занимавшему большую часть стены. Знакомый вид на железнодорожные пути, до которых было метров двести, предстал в искаженном виде: до него было буквально рукой подать.

Так, словно к глазам поднесли восьмикратный армейский бинокль. Справа, со стороны Перми, приближался товарный поезд, чья скорость на подходе к станции стала заметно снижаться. По ступенькам, ведущим от водокачки к путям, быстрым, легким шагом с изящной и скромной грацией спустилась женщина, одетая так, словно актриса из пьесы Александра Островского, после спектакля выбежала на улицу, минуя гризмерку. Остановившись у самых рельс, она стала пристально вглядываться в надвигающийся состав. Я на какое-то время отвел взгляд от ее миловидного лица, на котором блестели «казавшиеся темными от густых ресниц серые глаза», а когда посмотрел вновь, то увидел, как Аня (откуда я мог знать ее имя?) большим и указательным пальцами сдавливает нос, словно пытаюсь высморкаться, но при этом втягивает воздух в себя. Когда она отняла изящную руку от лица, на окаймляющем верхнюю губу пушке можно было разглядеть крупинки белого порошка, от одного вида которых мои десны стали деревенеть, словно от укола новокаина в кабинете стоматолога.

Когда первый вагон товарняка поравнялся с кокаинеткой, она суетливо стала дергивать с руки красный мешочек. Избавившись от него, женщина бегло перекрестилась и нырнула между колесными парами второго вагона. Мне даже показалось, что в какой-то момент суицидальная особа передумала и попыталась подняться, «но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило на спину». Я резко отвернулся от окна, словно выполняя строевую команду «кру-у-гом!» Прямо передо мной оказался портрет графа Толстого. Лев Николаевич сурово свел свои косматые нечесанные брови, извлек из-под штыковолопатообразной бороды увесистый кукиш и погрозил им так выразительно, что показалось, классик заколачивает им воображаемые гвозди.

Мне, в первый раз столкнувшись с чем-то необъяснимым и весьма неясным, оставалось лишь позавидовать человеку, большую часть жизни прожившему в Ясной Поляне. Уже без всякой надежды на прояснение я еще раз склонил банку с напитком над фарфоровыми жерлами...

Псилоцибин – психоделик; фосфорилированное производное псилоцина; алколоид из семейства триптаминов, содержащийся в грибах родов *Psilocybe* (на территории России произрастает *Psilocybe semilanceata*), также в мухоморах, которые помимо этого содержат и мощные яды, что может привести к блокировке дыхания, коллапсу и смерти. Потребление различных типов этих грибов с целью ощутить галлюцинации или необычные переживания известно во многих странах; эти грибы часто наделялись волшебными и религиозными свойствами.

Желание прийти в себя было столь велико, что его порыв стал развеивать сумрак сознания. Я обнаружил себя возбужденно блуждающим в лобковых зарослях. Правда, в отличие от заплывавшего в тайге грибника, этот процесс не вызывал у меня панического психоза и желания как можно быстрее достигнуть определенности. И вот когда показалось, что мелькнувший в дебрях просвет имеет перспективу разрастись до размеров среднерусской равнины, омытой половодьем оргазма, потенция вдруг спорхнула робким воробушком. Впрочем, было отчего. Едва не отдавив мне нос, мимо прогромычала «карета из чистого золота с сияющими, как звезды, гербами». Как и положено, с кучером на облучке, лакеями и форейторами, на головах последних красовались маленькие золотые короны. Моя «птаха» пригнздилась в одну из них и вскоре скрылась вместе со всем этим цирком из виду. Мне было не до зависти – она выбрала

компанию, которой в темном лесу было суждено полечь под ножами разбойников, возглавляемых стахрой с длинной жесткой бородой, умудрившейся когда-то, в перерыве между грабежами, родить под стать себе ублюдочную дочурку. Оставалось надеяться на то, что мое либидо не застрянет в домашнем зоопарке у малолетней разбойницы. А то ищи его свищи потом...

Эффекты псилоцибина сравнимы с непродолжительным ЛСД-трипом с незначительными отличиями (в любительских кругах в действии псилоцибина субъективно отмечается повышенная по сравнению с ЛСД эмоциональность и бóльшая «естественность» ощущений, а также, иногда, «сакральность» полученных переживаний). Действие псилоцибина продолжается приблизительно 4–7 часов. Действие психоделиков уникально тем, что, в отличие от большинства других психоактивных веществ, например, опиатов или стимуляторов, они не гарантируют достижения заранее известного состояния ума, а вызывают смещение центра сознания – привычного мышления и восприятия, давая возможность испытывать переживания, обычно недоступные в неизменном, ординарном состоянии. Психоделический опыт заключается в переживании данных неординарных форм сознания, схожих с трансом, медитацией или сновидениями.

Что-то мне подсказало, что сегодня надеяться на лучшее в этом адресе мне больше не приходится. Кое-как найдя объяснения случившемуся, я откланялся и, споткнувшись о порог, шагнул в слабоосвещенный подъезд, терпко пропахший кошачьей мочой. Тут же родились под стать запаху строки:

Подъезд пропах котОм или кОтом,
Сюда вернусь потОм или пОтом...

В эту ночь (если бы кому вздумалось так бездарно убивать время) довольно долго можно было наблюдать мужчину, марширующего по центральной улице, повторяющего строки, родившиеся под действием аммиачно-спертого воздуха. Положенные на мотив строевой армейской песни, они придавали ему новые силы и, как ни странно, нетерпение положить что-нибудь на алтарь Отечества.

Под утро я всё же добрался до постели и, утомленный маршированием, заснул, едва голова коснулась подушки. Но сон мой не был, как можно бы было ожидать, мертвецким. Сновидение отличалось четкостью картинки и эффектом присутствия, так, словно бы Оле-Луколке раскрыл свой зонтик с картинками. Проснувшись, я смог вспомнить его в мельчайших деталях, как фильм сразу же после киносеанса.

«РОЖДЕНИЕ НАПИТКА»

Она набрала полный пакет мухоморов, выбирая при этом нерезелье со шляпками-зонтиками, а молодые, чем-то похожие на гранаты-лимонки, и, придя домой, спустилась с ним в погреб. Вывалила из пакета содержимое, и во тьме погреба от образовавшейся кучки поднялось холодное фосфорическое сияние, напоминающее огонек конфорки газовой плиты. От него винный пресс открыт, холодный, готовый приступить к делу, стал напоминать орудие пыток времен инквизиции. Женщина передвинула этот «испанский сапог», повернула ручку, завертела – быстрее, быстрее – и пресс стиснул добычу...

Сперва тонкой стружкой, потом всё щедрей, обильнее побежал по желобу в глиняный кувшин сок холодного отвратительного лета. В каждую из пяти трехлитровых банок, где с утра начала свое бурчание мутная брага, добавила по стакану едко пахнущей жидкости, бросила вслед по горсти каких-то ягод. Наполненная стеклотара стояла на полке, поблескивая

в сумраке погреба, горлышко каждой плотно перетягивали резиновые медицинские перчатки. Через какое-то время углекислый газ, вырабатываемый в процессе брожения, наполнял их, и банки становились похожи на стадо недоенных коров, которым бы вздумалось продемонстрировать небесам свою продуктивность.

Я не стал ни с кем делиться пережитым в тот вечер. Никто из моих здешних знакомых не смог бы понять и оценить глубину падения, а давать повод для сомнений в отношении моего психического здоровья было бы неразумно.

Неделю спустя, пока по дороге с работы я терзался очередной дилеммой по поводу времяпровождения, ноги сами сделали выбор. Когда я словно очнулся от дремоты, то обнаружил себя перед невзрачным домишком на одной из крайних улиц нашего, с позволения сказать, города. Было уже довольно темно, может, поэтому жильё Елизаветы Сергеевны (а это было оно, сомневаться не приходилось) выглядело театрально зловеще, словно избушка на курьих ножках в сказках Роу. Оглядевшись, увидел еще несколько фигур, обративших свой фас в том же направлении, что и я. Некоторые показались мне знакомыми. Хотя клясться в этом и не стал бы – ночью все кошки серы.

На следующий вечер случилось то же самое, и на следующий, и на следующий... Что-то неудержимое влекло меня на окраину. И в этом я не был одинок. Сомневаться не приходилось. Личности, с маниакальным постоянством околачивавшиеся поблизости, примелькались. Некоторые из них и в самом деле оказались из числа знакомых. Правда, не близких, а потому мы вполне благополучно делали вид, что не узнаём друг друга в густых сумерках, быстро растворяющихся в темноте. Когда она становилась совсем непроглядной (власти усердно экономили на уличном освещении), мы

разбредались, словно выполнив одним нам ведомый ритуал.

Наша компания напоминала шоблу котов, которых один мой знакомый время от времени приживал валерьянкой во дворе своего дома. Себе в аптеке брал настойку боярышника, а котярам – корня валерианы. Пить в одиночестве, как и всякий алкоголик, не считающий себя таковым, он не мог. Когда цирроз печени увлек мужчину в мир иной, кошацье племя еще долго ошивалось неподалеку в надежде на возвращение чародея.

Мне хотелось пива с вяленным лецом, иногда – сыграть в волейбол, да и от неформального общения я бы не отказался, но вместо того я был вынужден каждый вечер, как приговоренный, совершать одни и те же не имевшие смысла действия. Когда всё повторилось раз в десятый, то я шел в известном направлении уже не с пустыми руками. Наполнить десятилитровую канистру бензином еще днем любезно (не путать с безвозмездно) согласился редакционный водила.

Пламя с энтузиазмом решившего тряхнуть стариной пожилого альпиниста ринулось покорять фасад дома. Наслаждаться зрелищем я не стал. Мало ли чего. Хотя за такие дела сейчас и не вешают, водрузив на грудь фанерку с надписью «ПОДЖИГАТЕЛЬ», но дело-то уголовно наказуемое. Удалившись на безопасное расстояние, решил отдышаться и бросить прощальный взгляд на творение рук своих. Оказалось, не только. В темноте ясно было различимо, что домишко «госпожи Элизабет» занялся пламенем одновременно с трех сторон.

С тех пор – как отрезало. Прошло полгода, и я уже начал забывать о событиях, начало которым положило неформальное посещение библиотеки. Они всё больше представлялись мне сюжетом виденной когда-то давно картины. Ближе к началу лета по редакционным делам оказался неподалеку от места пожара. Бывшего.

От головешек не осталось и следа. На их месте неунывающие таджики сооружали фундамент. Рядом стояли монументальные поддоны с блоками из пенобетона, готовые вырасти в стены.

– Представляешь, тетка эта, уезжая на зиму в Екатеринбург, застраховала свой домик на весьма приличную сумму. И случилось всё как по писаному. Подозревали, конечно, хозяйку в причастности к поджогу, но подозрения к делу не пришьешь. Расследование ничего не дало – не знаю, как перед Богом, но перед законом получается, что Елизавета Сергеевна чиста. – Страховой агент, в разговоре с которым я как бы случайно коснулся этой темы, был сама откровенность, что с такими людьми случается не часто. – Скажу больше, когда стали наводить справки, то выяснилось, что у этой дамы это не первый подобный случай. Прикупит себе где-нибудь домишко, проживет в нем лето, а когда зимовать отправляется в Бург, то страхует недвижимую, и та какое-то время спустя благополучно сгорает. Погорелица получает страховку, отстраивает на пепелище новый дом, затем продает его. И каждый раз никаких улик. Правда, задержали как-то одного подозреваемого где-то под городом Асбестом, но оказался придурком, нес какую-то ахинею про колдовство.

Ахинея! Я мысленно аплодировал госпоже Элизабет, или как ее там. Просчитала до точки. Мы для нее были сродни собакам, истекающим слюной при загорании лампочки в лабораториях академика Павлова. Результаты плебисцита о псилоцибине оказались такими же предсказуемыми, как и – выборов при имитации альтернативы.

Хотя верно – без шаманства не обошлось.

В

ВЫБРАКОВКА

...Каждый гражданин обязан умереть за Отечество, но никто не обязан лгать ради него...

Шарль Монтескье

Владлен КОЗИНЕЦ

г. Екатеринбург.

Экспериментик был так себе. В духе свежеепеченного министра обороны, по определению забубенных вояк Великой Отечественной – «белоручки в погонах». Ну а Ивану, как всегда, «повезло» – попал, что называется, «в самую гущу». Он, сидя в полковой караулке, по привычке, приобретенной в родном политехе, рисовал длинно заточенным карандашом «Кохинор» немислимо красивые авто – будто вытянутые вдоль линии горизонта, с острокрылыми боками, хищно оскаленными узкоглазыми фарами и не знал – не ведал, какая незримая нить протянулась к нему, лейтенанту-«двухгодинику» с самого что ни на есть маршальского верха! Из каких источников клубок разматывался!

Невысокий, рыхло-полный полковник – типичный штабник – с зелеными просветами на погонах докладывал сухо, стараясь не впасть в эмоции. Что называется – строго по фактам. Он и манеру избрал как бы отстраненную от сообщения – бубнил, не отрывая глаз от текста доклада. Хотя и невооруженным глазом было заметно, что избранная тактика изложения давалась ему, судя по напряженной позе и слегка подрагивающим пальцам рук, с трудом. Эмоции негативного характера распирали полковника на разрыв – как гранату с сорванной чекой. И, как начиненный тротилом заряд, он всем естественным как бы предощущал, какой силы взрыв воспоследует, когда настанет критический момент.

Внимающие – и те, что были одеты по летнему времени в легкие гражданские костюмы (коих сидело тут всего-то двое), и те, кто присутствовал на экстренном совещании в

военной форме различных расцветок, почти все без исключения – с генеральско-адмиральскими звездами, были суровы, сосредоточены и ничего не записывали. Потому как знали – документ «совсекретный», копию доклада им, как обычно, вручат на выходе в запечатанных сургучом конвертах под роспись.

– В районе населенного пункта Мраморское – монотонно гундел докладчик – механизаторы совхоза «Путь Ильича» Макаров, Раздольный, Самочадин вместе с семьями в полном составе – жена, дети, родители – на Первое мая, будучи в состоянии алкогольного опьянения, открыто, то есть – не скрываясь, Макаров при этом играл на гармошке тульского производства – сели в две весельные лодки и переправились на сопредельную территорию в Польскую Народную Республику, где и продолжили празднование в течение двух дней у родственников Раздольного по линии жены. Третьего мая вечером они тем же путем беспрепятственно вернулись на территорию проживания, то есть – в свой совхоз по месту проживания и совершенно безнаказанно, как будто не было нарушения государственной границы, вышли на работу утром четвертого мая.

Тут полковник позволил себе единственный комментарий. – То есть, товарищи, ну словно ничего необычного за праздники с ними не произошло!

И продолжил опять в повествовательном тоне.

– В сводках погранотряда данное двойное нарушение границы отсутствует. Как вы понимаете – сведения по факту конкретно этого, как и других случаев, получены от спецслужб.

Моложавый однозвездный генерал нервно вытирал носовым платком намечающуюся лысину, многие из присутствующих непроизвольно бросали в его сторону короткие, кинжально-острые, понимающие взгляды – его это была территория, его! И зона ответственности, понятное дело – тоже его.

А докладчик продолжал.

– Что касается пограничников...

На рассвете тридцатого апреля рядовые Саблин и Панкратов при непосредственном участии старшего наряда сержанта Лугового выплыли на самодельном плоту на середину фарватера сопредельной с Польской народной республикой реки, счалились рыболовными крюками с польскими пограничниками Ольштынского воеводства, которые прибыли на данное место катером на моторном ходу, и совместно распивали спиртные напитки в течение трех часов с четвертью.

На генерала, который уже обреченно перестал вытирать обильно выступавший пот, по-прежнему больно было смотреть. Участь его практически была решена: куда-нибудь в ДОСААФ областного центра где-нибудь за Уралом, а то и в Сибирь-матушку.

– В результате дознания выяснилось, что подобные несанкционированные вылазки гражданского населения на сопредельную территорию являются в этой части границы практически постоянными, особенно на праздники. Причем и граждане ПНР беспрепятственно посещают тем же путем родственников и знакомых на территории СССР без виз и приглашений, используя для переправ многочисленные подручные средства. А пьянки личного состава погранвойск стали настолько обыденным явлением, что в них зачастую принимают участие и младшие офицеры, потерявшие ввиду попустительства руководства честь и достоинство работников Комитета госбезопасности. Далее...

– Достаточно!

Генерал с тремя звездами на погонах, седой как птица лунь, стукнул ребром ладони по столу, отчего все присутствующие невольно вздрогнули.

– С остальными деталями ознакомьтесь самостоятельно. Вывод напрашивается один, особенно в свете нарастающих событий в Гданьске: наша западная граница на этом участке – одна сплошная дыра! Я уже ознакомился ранее, что происходит у моряков на Балтике. Примерно та же картина. Волосы дыбом встают, у кого они еще есть – при этом он огладил ладонью свой почти совершенно лысый череп. – Будем срочно укреплять! Срочно! Но – без лишнего шума! Войск в том же Калининграде – пруд пруди. Хоть сегодня силами местного гарнизона войну начинай. Пол Европы падет – и не пикнет! Целая армия в области дислоцирована! Само собой – флот в придачу. При этом значительная часть подразделений укомплектована по штату военного времени – не то что учебные полки – как в округах второй категории. И мы что, это безобразие своими силами не ликвидируем? Без вмешательства Генштаба обойтись не сможем?

– План летних учений, к сожалению, уже утвержден – подал робкий голос один из «двухзвездных» генералов. – В общих чертах, правда...

– Вот и сделаем ряд конкретных уточнений! – генерал-полковник был неумолим. – В русле подготовки к отражению агрессии вероятного противника именно на этом театре военных действий.

Комбат был краток. Он даже не снял плащ-накидку, с которой струйками стекали остатки дождя. Как пришел с техпарка, на ходу бросив дежурному по батальону «всех офицеров ко мне», так и плюхнулся на стул с высокой спинкой – для подчиненных мебель в штабе батальона была без выкрутасов, штатная. Всем остальным штаб не отличался от подобных помещений: стол со стульями для двух десятков человек, сейф, засиженный мухами графин с водой, из которого никто никогда не пил, портрет Ленина, шторы защитного цвета...

Командиры рот в таких случаях тоже позволяли себе не церемониться; отдельные даже не снимали фуражки, так и сидели кто в

гимнастерках, кто в кителях или в таких же плащ-накидках – раз начальство не озаботилось отдать приказ о форме одежды.

– Нам еще повезло – с места в карьер приступил командир батальона. – В шестьдесят седьмом полку весь третий батальон велено откомандировать. Ну да они же показательные, всем полком взяли обязательство стать отличниками – в голосе майора ирония хлестала через край. – А что не выполнят – так натянут. Под это дело, если кто не в курсе – и посплавляли нам своих «двухгодичных». Ни солдаты, ни офицера – неразбери-поймешь. Вроде, Родин, этого твоего... мастера спорта... Кикилык – метнул свой недобрый взгляд исподлобья в сторону комроты-один командир батальона. – От нас требуется – слава те господи, хоть тут Всевышний подсобил – всего-то один взвод отдать в распоряжение нового формирования – военно-морской бригады. Я уже принял решение – отправим в Прибалтийск как раз этого спортсмена. Пока опять на какое-нибудь первенство не укатил, чемпион непризнанный. Ему служить-то осталось меньше чем полгода, вот пусть и морочит голову другим. Хоть напоследок службы делом займется.

– У него еще отпуск не использован – не остался в долгу старший лейтенант Родин. С комбатом он в открытую не цапался – скоро в академию поступать. Как говорится, знай край, да не падай. Но глубоко в рот непосредственному начальнику не заглядывал по причине непримиримых разногласий во взглядах что на жизнь, что на службу. И сейчас тоже не удержался. – Кикилык уже рапорт подал.

– И что с того? – ноздри комбата раздулись. Он всегда заранее сердился, если ему возражали хоть в чем. – Рапорт пока что никем не подписан. Бумага у меня лежит – майор для наглядности громыхнул верхним ящиком письменного стола. – Как чувствовал...

– Да это я так, информации ради – глядя в потолок, резюмировал ротный. – Правда, списки отпусков мы в штаб полка на квартал вперед подавали. Сами же велели...

– Попридержи ее при себе, эту свою... информацию, Родин. Хотя... – майор выразительно помолчал. «Замполит полка, как пить дать, вполне может вмещаться, если увидит в этом факте элемент притеснения «двухгодичников». С чего это он их так возлюбил? Карьеру делает? В сорок пять да без академического образования?» И, чтобы округлить тему, подытожил. – Учту.

Колонна из трех бронетранспортеров БТР60ПБ – новеньких, только что с Горьковского автозавода, мягко урча сдвоенными движками – вольготно пылила по проселочной дороге. Иван, сидевший на командирском месте в головной машине, в мыслях всё возвращался и возвращался к приказу.

– Вам, лейтенант, предстоит на деле доказать, что мы не зря всё это время терпели ваше почти постоянное отсутствие в подразделении: то соревнования, то сборы, то еще что-то. – Брови комбата сошлись в кучку – это он так всегда подчеркивал важность изрекаемых мыслей и приказов. Будто в космос отправлял! – Задача: влиться в состав морского десанта и продемонстрировать умение действовать в необычной для мотострелков обстановке не хуже морпехов. А если понадобится – то и лучше!

– У нас уровень подготовки, товарищ майор, на порядок ниже.

– Вам слово не давали! – комбат будто только и ждал случая «обрезать» любое возражение. – Исполняйте!

– А в отпуск я когда?

– Когда приказ выполните! Если не успеете до конца службы – приплюсуем к увольнению в запас. Не перетрудились, мать вашу!

«Что из этого выйдет? Одному богу известно», – размышлял лейтенант, глядя на пыльный тракт бывшей Восточной Пруссии, а ныне – Калининградской области. За себя-то Иван волновался меньше всего. До того, как всерьез заняться самбо, он с малолетства ходил в бассейн. Второй разряд на сто метров вольным стилем – 1 минута 10 секунд, брассом на той же дистанции – 1 минута 23 секунды.

В воде он чувствовал себя уверенно, особенно если спешить было некуда. Наверное, поэтому и личные результаты расти почему-то никак не хотели... Весьма скромно они выглядели со спортивной точки зрения, если строго судить. Поэтому и перешел в свое время на ковер, что там перспектив открывалось значительно больше. Сейчас Ивана беспокоили совсем не секунды на водной дорожке. Родное подразделение... Абсолютное большинство было выходцами с Кавказа. Мало кто из них всерьез уделял внимание спорту. Во всяком случае, ему такие не достались. Он еще по-первости удивлялся: в его родном самбо, как и в других видах борьбы, южан было – пруд пруди. А тут все какие-то... корявые. Кое-что разъяснил деловой сержант родом из Баку, кудрявый красавец-брюнет по кличке «смертьбабам» Саид Сафаров.

– Я ведь в армию пошел, товарищ лейтенант, не по любви. Так, чтобы судимости избежать. Подрались мы там малость разок на праздник. А то бы... Любого по серьезному спросите – какая-то причина найдется. Да у нас на Каспии такие непростые люди, как вы, в армию вообще не попадают. Чтoб и дизайнер по автомашинам, и мастер спорта... У меня брат тоже с высшим образованием – журналист, в газете работает – так его за квартал все приветствуют! Шапки снимают, даже старики! А если строчку про кого напишет – до конца жизни станут подарки домой таскать: и на день рождения, и на именины жены, и деток не забудут. Уважение оказывают! Не то, что у вас, в России...

«Конечно, топить моих джигитов никто не собирается в этом самом Прибалтийске. Не для того откомандировали. Но позору точно не оберешься. Иди потом доказывай, какие мы отличники»...

Когда стало ясно, что по всем основным показателям его второй взвод выходит на звание «отлично», значки ВСК – воин-спортсмен – им привезли вместе с удостоверениями в картонной коробке изпод обуви и раздали на построении в казарме батальона.

– Это тебе аванс, лейтенант! – капитан, начальник физподготовки полка, многозначительно взглянул на Ивана. – Раз сам мастер, значит, и взвод должен быть спортивным. Не выращивай живот, как я. Нечего дурной пример брать! Мне уже скоро на пенсион. Бегать умеете, стрелять – тоже. По политической – далеко не последние. Ну, а всё остальное – на твоей совести. Подтянешь. Если нуждишка заставит.

Вот она и пришла, та самая нужда-нуждишка. Хорошо бы, заранее предупредили. А не так, как вчера.

– На сборы – сутки! – ротный прятал глаза. – Не бухти – не мое это решение. Сам знаю, что вся эта затея... Там сам смотри, чтобы лишку не накосорезить...

«Когда я их научу плавать? И где? За день-два? Опять во всем взводный будет виноват! Ладно, переживем. А вот сам по себе Прибалтийск – это дюже интересно. Целый город за забором! Со своим особым укладом жизни, снабжением; с музыкально-драматическим театром, черт возьми, где солисты носят морские погоны, и нехилые! Выступал тут их тенорок по телевизору – целый капитан третьего ранга! Свой, особый мир. Вот и будем посмотреть. С паршивой овцы...»

Солистка музыкально-драматического театра Зарема Полиброда вдрызг разругалась на репетиции «Баядерки» с дирижером. Это она-то «дует мимо нот»? Самая молодая заслуженная артистка в коллективе? Козел старый! Думает, раз в прошлом году со скуки позволила ему разок на гастролях в Венгрии кое-что, так можно теперь выеживаться? Если муженек законный аж на самой Кубе завис хрен знает на сколько, так теперь что, всякий может ноги вытирать? Вот подцеплю себе кого получше – из тех же, например, прикомандированных... Полный город напихали солдатиков-офицеров. Учения у них какие-то, видать, наметились – никогда такой толкотни не было в городке. И чтoб столько сухопутных. Вспомните тогда Полиброду!

Капитан первого ранга из Москвы – сухопарый, высокий, в парадно-белой с золотом форме, даже с кортиком на боку – с любопытством прошелся вдоль строя, вглядываясь в лица солдат и сержантов взвода.

– Значки ВСК, вижу, новенькие. Будто вчера только выдали. Необбитые. Эмалька незалапанная. Это уже нехорошо. За исключением... Вы!

– Сержант Сафаров!

– Выйти из строя!

– Есть!

– Каким видом спорта занимались?

– Да я... Товарищ гвардии полковник...

– Был бы полковником, давно бы в гальюне^{*} удавился. Можете не продолжать. Второй год службы?

– Так точно!

– Потому и значок затерханный. Ясно-понятно. Вы!

– Рядовой Мамедов! – сделал шаг вперед солдат.

– До призыва где жили?

– В ауле, товарищ...

– Капитан первого ранга. Моряков никогда не видели, пехота? В вашем ауле, поди, курица ручей вброд переходила? Что молчим? Отвечать!

– Так точно!

– То-то что – точно. Хлебнем киселя, чувствую... Отличное у тебя воинство, лейтенант – с ехидной улыбкой повернулся он к Ивану. – Готовые моряки! Любуюсь!

– Разрешите пояснить, товарищ командир?

– Я тебе еще не командир. Что-бы служить под моим началом, тебе очень постараться придется. Что ты мне хочешь пояснить? А то я сам не вижу! Знаки спортивной доблести на вес раздавали?

– Ну, раз вы сами все видите...

– Не слепой.

Каперанг еще раз прошелся вдоль шеренги, держа сцепленные руки за спиной.

– Гвардейцы... Я всё понимаю – вас сюда по приказу отправили. Лишь бы дырку заткнуть. Но мы здесь дурью болеть не намерены. Поэтому задаю совершенно конкретный вопрос. Прошу, вернее, требую со мной не темнить. Кто плавать не умеет – два шага вперед, марш!

Строй колыхнулся. На месте осталось чуть более десятка человек. То есть – меньше половины.

– Это уже на правду похоже – каприз в очередной раз прошелся, внимательно вглядываясь в лица оставшихся в строю.

– Сужаю вопрос. Кто плохо плавает, тоже может выйти из строя.

Кто-то из бойцов было дернулся, но проверяющий живо осадил ретивого.

– Команды не было! А еще... гвардия! В последний раз уточняю задачу: кто не способен с оружием, с полной выкладкой, после маршброска в пять километров в одежде преодолеть водную преграду более ста метров – шаг вперед! Марш!

Вышло еще несколько человек.

– И что мы имеем в сухом остатке, лейтенант?

– Что привез, то и имеем – зло отпарировал Иван. Этот цирк ему стал надоедать. Они что хотели, подарочков? Не Новый Год. И взводный вам – не Дед Мороз.

А моряк не унимался.

– Да ты у нас теперь вроде командира отделения. Пора звание сержанта присваивать! Для начала – младшего! Чтобы было куда расти до конца... недолгой службы.

«Маршал Жуков нашелся. Не те времена! Мне офицера по приказу министра обороны дали», – успел подумать Кикилык, а москвич уже вперился взглядом конкретно в него. А точнее – в мастерский значок на гимнастерке.

– Кто по специальности, двухгодичник? Инженер?

– Так точно! – с вызовом ответил Иван.

– А мастер спорта, поди – по шахматам? Или – шашкам?

– Никак нет! Самбо!

– Всё в гору! Плавать-то сам умеешь? Или как эти? – кивком головы он показал на большую часть взвода, понуро стоявшую на плацу как раз напротив кумачового лозунга «Военно-морские силы СССР – элита Вооруженных Сил страны».

– Не утону! – откровенной издевкой парировал Иван.

– А это мы будем сильно посмотреть! Слушайте приказ: личный состав – в столовую, после обеда неводоплавающих отправившись в часть. Вместе с техникой. Танки по морю не ходят! «Замок»** из них кто?

– В отпуске! – уже спокойнее ответил Иван. По сути, моряк прав – лучше сразу разобраться, чем волынку тянуть. И всё же не удержался, съязвил.

– Только танков мне взять негде. Вы разом ничего не перепутали, товарищ капитан первого ранга?

– Ладно, умник! В курсе! Тогда любого из сержантов назначишь командовать на период следования в расположение. Да вот хотя бы того же Сафарова. Плавать не может, так хоть поорет вдоволь. Выполнять!

– Как я технику без офицера...

– Во главе с целым старлеем из вашей же дивизии пойдут. Который ныряет как топор. Еле откачали! Который день выбраковываем непригодных, мать вашу...

Билет Иван купил еще днем, на первый ряд. «Марица». Классика жанра. «Хоть отвлекусь малехо. Накупался, чтоб их... Пора хлебнуть чего-нибудь прекрасного».

После обеда их отправили в открытый бассейн.

– Капитан-лейтенант Дженджер! – представился вытянувшимся на пирсе оставшимся бойцам взвода накачанный, как Тарзан, супермен в плавках и сланцах на босу ногу. Ветерок с Балтики тянул весьма свеженький! Кое-кто из солдат покрылся «гусиной кожей», а этому супермену – хоть бы хрен. Иван, как и его оставшиеся солдаты, тоже был в одних плавках и вида не подавал, что и ему, мягко говоря, прохладненько.

– С кого начнем? Давайте с командира – ехидно улыбнулся одними губами проверяющий. – Для ясности. Проще списать будет за ненадобностью... всю вашу братию. Сотку сам преодолеешь, лейтенант, или помощь понадобится?

* Туалет (морской термин. Здесь и далее – примечания автора).

** Заместитель командира взвода (армейский сленг).

Если что – кричи. Спасу, так и быть. Расстояние в один конец – двадцать пять метров. Стало быть, придется четыре раза туда-сюда смотаться. Выдюжишь?

Ивана очень тянуло огрызнуться: что этот каплей себе позволяет – при солдатах над их командиром подтрунивать?! Нам еще вместе служить и служить! Но вовремя сообразил: а не проще этому фофану в тон отвечать, с издевочкой?

– Секундомерчиком не щелкните? Если не трудно...

– Даже хронометр пригодится? – показно удивился инструктор. – Не ожидал. Это нам не запахло. С большим и толстым удовольствием!

– Давно не «прикидывался». Самому интересно...

Когда Иван финишировал, пройдя все три поворота скоростным полусальто, моряк смотрел на него уже совсем другим глазом.

– Из одной пятнадцати вышел! Ну ты даешь! То-то я смотрю – подкачан прилично. Думал, гирьку в охотку тягаешь. А ты вона как! Хотя всё равно на пловца не сильно похож. Штангист, поди?

– Борец.

– Классик?

– Самбо.

– А на дорожке где «пилить» выучился?

– Плавал по второму. И в водное поло играл. Можно я вытрусь? Свеженько у вас тут.

– Кто ж тебя держит, такого быстрого? Обсыхай. Откуда фамилия такая западенская? Ужгород? Черновцы? Говоришь вроде чисто.

– От отца. Я сам – с Урала. Коренной.

– Ну, если коренной! Только вот одного не пойму – на хрен тебе сапоги? Пиши рапорт в ВМФ, рассмотрим.

– Лучшие годы терять?

– А, двухгодичник! Жаль! Хороший материал пропадает. В смысле «физики». Не пригодится она тебе на гражданке. Да и подрастеряешь всё быстро.

– Естественно. Там другим местом пробиваться надо.

По результатам проверки капитан-лейтенант забраковал еще троих. Осталось с Иваном всего восемь человек.

– Вот и славно! – потирал ручки толстенький капитан третьего ранга, типичный тыловик. – А то я уж голову сломал – куда вас селить? А теперь аккуратненько-замечательно получается: ровно по четыре рожи на кубрик. У нас здесь казармы не предусмотрены – извиняй, лейтенант. В других условиях обретаемся. Не стошнит с солдатами пожить? В офицерской гостинице мест нет. И не предвидится.

– Переживу.

– Мой тебе совет: сними себе бабенку, у нас тут соломенных вдовушек – пруд пруди.

– Может, еще и адресочки дадите?

– На расквартирование? Не в деревне. Сам не маленький. А если серьезно – иногда господам-офицерам не вредно вместе с личным составом пожить под одной крышей. Заодно и дисциплинку подтянешь у подчиненных. А то тут некоторые во все тяжкие пускаются... вдали от родного начальства. У нас же нет увольнений – иди куда хочешь. Кто ж их за забор выпустит? А солдат, знамо дело, куда стопы направит... в первую очередь.

– Я вот лично в театр собираюсь пойти.

– Так то – ты. Интеллигенция! Для вас и создан сей храм искусства. А солдатики у тебя, поди, без высшего образования?

– Один есть. Рядовой Зиоев. Учитель истории.

– И что делает твой учитель?

– Поваром служит. Осетин, хорошо готовит. Он у меня только числится. Круглые сутки – в полковой столовой.

– У сухопутных всё так: учитель пожрать мастерит, а крестьяне с тремя классами школы, четвертый коридор – грамотными командуют. И ничего, живут, не помирают. До поры до времени.

– Зато и результаты имеем. Через задницу.

– Ты тут доболтаешься, лейтенант – добродушие с каптри как ветром сдуло. – Давай, шуруй.

Грянула увертюра. Иван всё внимание сосредоточил на сцене. «Хватит думки горевать. Отдых! Когда это я в последний раз в театр-то ходил?»

Полиброда в щелку сквозь бархатный занавес оглядела зал. Так-так... Половина рядов забита. Неплохо для заигранного спектакля, особенно – в конце сезона. А кто это у нас тут на первом ряду посередочке устроился? Мордочка умненькая, плечики ширококонькие, да и росточком выделяется – наша мелкота подводная ему до погон едва достанет. Русенький, хорошенький. Явно из прикомандированных. Шансик!

– Я зуб даю – тут у них патрулей совсем нет! – рядовой Яремченко в который уже раз оглядел лица сидевших на табуретках, лежавших на заправленных серыми солдатскими одеялами койках, стоящих у окна сослуживцев по взводу. Все семеро набились в один кубрик сразу после ужина. Подымили вдоволь, скинулись и теперь раздумывали, кого отправить в магазин.

– А лейтенант? – спросил стоящий с «Примой» в зубах около форточки самый старослужащий из присутствующих, сержант Немчинов. – Он точно в театр пошел? Ты сам видел?

– Так я же за ним проследил – не унимался вертлявый малыш Яремченко. – Вплоть до кассы. Спектакль кончится не раньше девяти. У нас тут на три пузыря получается. Еще и на батоны, сырки плавленые останется. Так я пошел? Кто со мной? А то одному стремно.

...**В** шесть часов утра это уже был у них который «заход»? Третий! Ловкие пальчики Заремы умело снова заскользили по ноге – будто по клавишам перебирала. Затем они ласково переместились еще выше и стали всё настойчивее настраивать его «орудие». «Как с цепи сорвалась! Тигрица, ей-богу! Порвет она меня!»

После первого-то раза Иван уснул как убитый – события этого богатого во всех отношениях дня умотали вконец. Особенно это «ку-

* Презрительная кличка сухопутных военнослужащих.

пание» в холоднющей Балтике. Да туда, в эту воду, без ста грамм лучше вовсе не соваться! Совсем не Черное море. В нормальном бассейне вода такой тоже не бывает. А тут труба прямо из бухты водичку качает. Чтоб, значит, поприближенной к боевой обстановке. Потому и задрых в тепле и неге. Но не тут-то было! Уже где-то через час он проснулся от долгого затяжного поцелуя жаркой, как домна, женщины – Кикилык бывал на практике в металлургических цехах, сравнения в голове не на пустом месте вырастали.

– Устал, Ванечка?! Бедненький... Сейчас мы тебя подбодрим...

Как ни странно, после второй «атаки» сон прошел.

– Тебе нравится моя грудка? Ну скажи, не стесняйся! Формочка называется «крючок». Редкая! Я на него любого подцеплю! Вот и ты попался. Как миленький.

– Как-то не... анализировал. Я тебя воспринимаю как бы... в целом.

– Ну и как... восприятие?

– Сама знаешь. Красотка из первостатейных! На сцене лучше тебя никого не было.

– И не будет! Пока я здесь играю...

Сейчас Иван почувствовал, что уже снова готов. Одним махом оказавшись сверху, он крепко обнял женщину обеими руками за талию, в тон ритму опуская руки всё ниже и ниже, пока обе ладони не притянули ее миниатюрную попочку – в одной ладони помещалась – вплотную к разгоряченному торсу. Зарема закрыла глаза и тягуче застонала в такт, что заводило его еще больше. Он сдерживался как мог – хотелось сначала дать насладиться до конца партнерше ... Она легонько впила ногти в спину, слегка пощипывая ее, пухленькие алые губки исступленно целовали его грудь... И только потом, когда красавица издала радостно-победный вопль, резко откинувшись на подушки, он позволил себе разрядиться. «И откуда силы берутся, Ванька? Да ты, оказывается, секс-гигант! Вот что значит по-настоящему яркая девчонка! Как она выскочила в своем красно-бордовом платье!»

...С появлением Полиброды на сцене зал будто встряхнуло – такая шла искра от этой зажигательной брюнеточки, такое адское обаяние! «Мне показалось, или она мне действительно подмигнула?» В антракте Иван поинтересовался у пожилой билетерши.

– У вас в театре принято дарить цветы актерам?

– А как же! Это обязательно нужно сделать. Вы, конечно, Заремочке хотите букет вручить?

– Я так, в принципе... – слегка смутился Иван. – В театры особо некогда ходить. Поотстал малость...

– Оставьте задаток, офицер, вам к концу спектакля принесут. Я позвоню в магазин, у меня там сестра работает. Розы подойдут?

Но дарить при всех роскошный бордовый букет Иван почему-то застеснялся. «У них же здесь, в этом городке-крепости, все свои, знают друг друга как облупленные», – запоздало обдумывал он. – Вдруг у артистки потом неприятности возникнут? Муж приревнует, или любовник».

Решил дожидаться у служебно-го входа.

– Какая роскошь? Это всё мне?! – глаза Полиброды метали убойные молнии.

– Вы доставили мне истинное наслаждение! Тем более, что в театре не помню когда уже бывал – он элегантно поклонился, с чувством прикоснувшись губами к протянутой ручке.

– И, конечно, вы мечтаете пригласить меня на ужин?

– С радостью! Выбирайте любую точку питания, я еще здесь ничего не знаю. Первый день.

– Мы с вами, лейтенант, не в Питере, где я начинала карьеру на сцене сразу после института. Пока один лихой подводник не увез меня в эту глушь. Тут даже не Калининград. Сплошной треск-блеск погон, а копнуть поглубже – деревня древней. Где всех собак по кличкам знают, и какая с какой улицы. До кошек включительно. А уж людей...

– Сожалею. Вы мне очень понравились...

– Как актриса?

– А это разве можно разделить? Сцену и жизнь? Вы и здесь, на солнышке, не менее яркая, чем в гриме и костюме графини.

– Ну вот, на нас уже смотрят, – Зарема метнула острый взгляд по сторонам. – Говорю же – провинция. Махровая. Давайте сделаем так. Пойдете прямо, через два квартала свернете направо. Дом шестнадцать, квартира один. Запомнили? Букет-то отдайте! А то вся улица будет с упоением отслеживать, кому вы его несете.

– Понял. Я хотел как лучше...

– И не надо по пути заходить в магазин. Там ничего интересного не найдете. Пить будем «Пуйи-Фюисс» с миндальным привкусом, это лучшее французское вино, из Бургундии. Мне подруга прислала... побаловаться.

– Родина мушкетеров...

– Вообще-то де Артаньян был из Гаскони. Я играла в Ленинграде Миледи в дипломном спектакле.

– Лилия на плече не осталась?

– Тогда бы меня давно казнили. Пока что, как видите, обходится.

– Я бы вас отбил у целой роты мушкетеров, – шутливо подхватил Иван. Ему удивительно легко было общаться с этой женщиной. «Вот что значит люди одного культурного слоя!» – Хоть мы и одичали в боях, как говаривал поручик Ржевский, но постоять за даму – святое дело!

– А закусывать будем виноградом, поручик. И говорить об искусстве... Жду вас через полчаса...

Иван два круга дал по соседним улицам, прежде чем войти в подъезд.

«И когда она всё успела?» Стол буквально ломился!

– Это – маринованный сыр, – в домашнем халатике, тапочках на босу ногу, в передничке в шотландскую, бело-красно-черную клетку Зарема казалась еще соблазнительнее. – Ломтики как раз успели пропитаться оливковым маслом. Я их по три дня в баночке выдерживаю. Как предчувствовала – гости будут! С оливками ешьте – так вкуснее. А еще попробуйте рисовый салат с курагой и изюмом, пока горяченький. Вы как раз добирались до меня ми-

нут сорок – рису столько и нужно, чтобы пропариться как следует. Открывайте бутылку, не стесняйтесь. Вон штопор. Сейчас будут готовы яйца «пармантье». Не пробовали?

– Даже не слышал ни разу.

– Это такое блюдо с картошкой и сыром, запеченное в фольге. Они у меня еще в духовке.

Она еще что-то щебетала, когда Иван решительно усадил ее на колени, впившись поцелуем в карминные губки...

Сейчас Зарема, свернувшись калачиком, тихо отходила от бешеной любовной схватки, повернувшись к нему ладненькой спинкой. «Хоть кросса завтра с утра нет. А то бы я им набегал, кажется!»

Зато приключилась другая беда. Его команду с утра погрузили на «морской охотник». Через час с хвостиком, когда катер причаливал, капитан третьего ранга, щеголеватый командир судна, уже не скрывал злости.

– Открыть бы кингстоны и затопить эту засранную лоханку! С чего это у тебя, лейтенант, бойцы так блевать здоровы? Чего они вчера нажрались?

– Что на ужин было. Всё тебе тут показали. В переваренном виде.

– Десант, мать твою! А чего это перегарчиком несет? Списать вас всех, и дело с концом! Сам-то, я вижу, пока что живой. Или форс держишь?

– А что мне делается?

– Хоть командир этих прощмандовок сухопутных не сдох, и то ладно. Получите у боцмана тряпки, швабры, ведра, и чтоб вони этой у меня на судне не было! Отдраить до блеска и кубрики, и палубу. Только мостик и не загадили. Сами насрали, сами и убирайте.

– Есть!

– Это есть не нужно! Оно – несъедобное.

– Я по уставу отвечаю. Как положено.

– По уставу срать не положено, где приперло! Для этого гальюн существует!

– Ты что на меня взъелся? Я к тебе напрашивался?

– А что, сачкануть не могли? Учить вас надо?

– Ты что порешь? От приказа сачкануть?..

– **Подводим итог**, – московский капраз мерял шагами небольшую комнату штаба новоиспеченной бригады, будто хотел в который раз убедиться, что разбежаться тут особо некуда. – Твой отличный взвод, лейтенант – одна сплошная туфта. Всех отправляем в часть. Кроме тебя. Ты нам подошел. Продолжишь подготовку на подводного пловца. Будем учить тебя обращаться с аквалангом, подводной стрельбе, рукопашному бою. На сегодня свободен! Только отправь этих... Слов подобрать не смогу!

Через неделю спецподготовки предстоял экзамен. Тренировки шли с утра до ночи! Хуже всего Ивану давалась подводная выучка: какая она холодная, эта зараза Балтика! Хоть и не из неженков был лейтенант – родной Урал тоже не на Кавказе расположился, зимы-то – ой-ей-ё! – а всё равно каждый раз вздрагивал перед очередным погружением. Да и не видно ни черта под водой, тени одни. Попробуй тут в суматохе не перепутать «своих» и «чужих», когда все поголовно в гидрокостюмах.

– Почему не того «зарезал» десантным ножом? – пытал каплей. – В бою тоже своих крушить будем?

Ладно хоть тупые тесаки выдали, учебные. А инструктор трындеть не уставал, даже странно было терпеть от такого качка подобное занудство.

– Так и на подводном патрулировании будешь махать – как деревня топором? Точнее надо, лаконичнее. Пока размахнешься – мигом утопят! Не чужие, так свои! От позора подальше!

Однако... Всё равно что-то стало получаться. Особенно в рукопашке на зыбучем песке. Тут-то Иван увереннее себя чувствовал – чем-то похоже на борцовскую схватку. И по реакции на действия противника, и по другим параметрам. На последней прикидке так заломил

ручонку инструктору – тот аж заорал благим матом на весь берег.

У Зареми он бывал почти каждую ночь, одну только и пропустил – очень уж поздно закончили позавчера, никаких сил не осталось. Да и на фиг он бы ей сдался – выжатый как лимон? Пробирался обычно по знакомому адресу под покровом темноты, условным стуком в окно оповещая о своем прибытии. Сегодняшняя ночевка была у них последней, прощальной.

– Полиброда из похода возвращается. Сарафанное радио наступало. Хоть оно всё здесь и в полной секретности.

Ее хрупкое плечико уютно, домашнему устроилось на его руке.

– Завтра будут здесь всей лодкой, – женщина потерлась носиком об его плечо, как будто даже всплакнула без слез. – Ты был хорошим товарищем, Ванюшенька. Я тебя буду помнить. Долго. Скрасил жизнь... стареющей примадонне.

– Уж и стареющей...

– А ты как думал. Время безжалостно бежит.

– Да тебе еще по сцене скакать и скакать!

– Тридцать два – много для инжени^{*}. Критический возраст.

– Я думал...

– Что мне двадцать пять?

– По всему так получалось. Раз пять лет только после института... Ну – двадцать семь от силы...

– Я в театральное четыре года подряд поступала. То, говорили, голосок слабоват – год уроки пения брала в районной музыкалке. То голос вроде как наладился – да индивидуальных гармоник не хватает... якобы. Только и моталась, знай себе, из своего зачуханска в Питер и обратно.

– Это где такой?

– Да это я так... Вообще... Хороший у нас хуторок. Чистенький. И рыбы всякой полно. Хутор Займище, на Ахтубе. Приток Волги. Главная радость у нас там была – на мустангах погонять. Ты, поди, подумал – раз имечко у меня такое заковыристое, с национальным колоритом – что я из какой-нибудь Татари? Наши предки – из хазар. Древний род!

* Молодая героиня (театральный термин).

– Мустанги же в Америке только водятся. Насколько я в курсе...

– Дурашка! Мустанг – это всего-навсего одичавшая лошадка. Лошадь вообще-то родом точно из Америки. Это ты правильно понимаешь, летеха мой сладенький. А мустанги... Их у нас по степи носилось – не сосчитать. Покорми такую лошадку – и она ручной мигом делается. Как и человек. В природе всё органично устроено.

– Всё же сумела в институт поступить. Упорная...

– В училище. Надумили умные люди. Подсказали... кому что надо. Из тех старичков, что на экзаменах глазками свинячьими под юбки зыркают. Не всё так просто в искусстве, милый.

– Ты ж к цели шла...

– Не будем о грустном. Приласкай меня на дорожку, лейтенант. Ты хороший мальчик. Дай бог тебе женулю-красавицу, и детишек побольше. А на актрисках не женись. Не та у нас профессия для нормальной семейной жизни. Шик-блеск, в жопе треск. А за кулисами... после спектакля... Иногда – хоть в петлю...

– Чего ж детей с кавторангом не заводите? Ты извини, если я не то спросил. Просто... Может, не увидимся никогда...

– Да чего уж там. Не сможем мы с ним. Поздно вато...

– Ты ж еще молодая! Я в семье третий – так меня мамка в тридцать семь родила!

– Я то что... А у него – «на полшестого». Сам-то из себя – красавец. А уже – с год как... Мочится-то с трудом. По полчаса в гальюне... зависает. Я уж его и в Железноводск возила, по всем врачам таскала. Путевочку неслабую сделала. В санатории Тельмана жили. Комфортно. Ванны Островского – как в восточном дворце. Всё подряд проверяли – и аденому, и желудок, и кишечник... Почки там, печень, нарушение эндокринной системы выявляли по полной программе. Кальцинированной водички попили – через край. И «Славяновской», и «Смирновской». Смешно – одно и то же название с хорошей водкой. А мы там с ним – ни-ни. Здоровье выправляли. Да всё – без толку.

– Атомная подводная лодка? Дак они вроде как на Севере базируются...

– Дизельная. Какая разница? У него смолоду всё там воспалено. Застудился...

– А меня все кому не лень агитируют на флоте остаться.

– Конечно! Им бы очередного лоха, кто поздоровее, приманить. Чтоб потом угробить. Служба военная – что баба. Лишь бы свое урвать!

– Бабы что, тоже... угробляют?

– Бабы пользуются. Как и Вооруженные Силы. Пока что-то можешь. Так что, миленький... Думай головой. Деньги нигде зря не платят. Опять, у тебя же профессия – еще поискать. Зачем тебе оно? Если, конечно, интересно, что я думаю по этому поводу. Хоть и не должна я так говорить... как жена военного.

– Начала уж...

– Беги без оглядки, парнишечка! Пока не захомутали! Не зря же я тебя выдоила... Как бычка молодого. Впрок. Чтоб потом на каждого не кидаться. А ты-то думал – снял дурочку за здорово живешь? Так бы я и далась... будь у меня всё как у нормальных людей. Я за Полюбриду почти что в девочках выходила. После того случая... вынужденного – ни-ни. Не то что девки на курсе – ни один шпынек мимо не пропускали. Даже за шик считалось – кто больше...

– Понятно... Что ничего непонятно...

– Да всё у меня – тип-топ. Шмоток – море. Бабок – в жисть не потратишь. Каждый год по заграницам на гастроли мотаемся – где наши морячки служат. И не только морячки.

По сухопутным гарнизонам тоже возят. И с концертами, и спектакли даем. Валюты – от пуза дают! Войны вот не было бы. Что-то смурное у нас начальство последнее время ходит. У них же на рожах всё понаписано. Не артисты. Где им «фигуру умолчания» изобразить! С чего это к нам в сонный городок народу-то понагнали? Ты ничего такого... не слышал?

– Да вроде как... Учения очередные...

– Они всегда так... болоболют. Когда Карибский кризис случился, тоже будто в обычный поход собрались. Мол – по тревоге. Однако каску взаимопомощи успели за день расформировать – с покойного что получишь? Мы тогда вокурат первую машинешку взяли – кругом должны остались. Из-за этого «Москвича» три месяца на одной моей зарплате... А так-то – жить можно...

– Ты сделал всё, что мог, лейтенант, – капитан первого ранга был, против обыкновения, улыбкиво-любезен. – Пришел новый приказ – оставить в бригаде только те подразделения, что успешно прошли проверку. Хотя бы на «троечку». Ты лично – молодец, к тебе вопросов не имеется. По всем дисциплинам – «отлично» и «хорошо». А у нас за красивые глаза оценки не ставят. Только вот где оно, твое подразделение? А один в поле – не воин. И в море – тоже. Вот если бы ты надумал остаться на флоте... У меня полномочий достаточно. Напишешь рапорт – через неделю переоденем. Во всё черно-белое. С золотом! Про защитный цвет и вспоминать не будешь. С такими данными, как у тебя, можно такого наворотить... Ну, что скажешь, пехота?

– Спасибо за предложение.

– И это всё?

– Другие планы у меня на жизнь, товарищ капитан первого ранга.

– Можно просто капитан. Не обижусь.

– Мне служить-то осталось – всего ничего...

– И на этом жизнь закончится?

– Другая начнется. Гражданская. Я ведь зачем-то учился...

– И за какую ты там зарплату ишачить собираешься, дизайнер?! Смех и грех. А у нас через годик роту получишь! Смотри, чтобы не сожалеть все оставшиеся дни... до пенсии. Знай – у тебя был шанс. Но ты его не использовал. Хотя мог бы!

– Я подумаю.

– Думай. Не держу. Свободен!

В

ЛЕДЯНОЙ ПАМЯТНИК

*Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А.С.Пушкин.

Олег КУБИНСКИЙ

Родился в Баку, инженер-электрохимик, заслуженный изобретатель Российской Федерации. С 1978 года живет и работает в Екатеринбурге.

Николай был хорошим специалистом. Но после того, как грянули ельцинские голодные времена, он понял, что в этой дыре, точнее его родном поселке, где в основном жили за счет деревообрабатывающего завода, ему не светит даже элементарный хлеб с маслом, уж не говоря о лососевой икре. То бишь полученных грошей не хватило бы и на поддержание в семье полуголодного желудка. Тут еще в условиях жесткого выживания дочка замуж собралась, а невесте нужен белый наряд с рюшами или фалдами. Многим известна эта предсвадебная лихорадка, а если она еще и без финансов – тушите свет. После недолгого семейного совещания жена благословила его на поиски достойной работы на Севере. Нельзя сказать, что это предложение получило со стороны Николая горячее одобрение, но выхода не было. Предполагалось, что работа идет вахтовым методом: пятнадцать дней работаешь – пятнадцать дней дома отдыхаешь. Вот так Николай оказался среди нефтяников, чтобы словить свой миг удачи.

Мужик он был работающий, не навидел иждивенство, поэтому быстро влился в коллектив. За короткий срок заработал себе уважение и авторитет. Крепкий, не только с большими мускулами, но и морально, духом, Николай подружился с Иваном, который приехал из Самары. Работали в одной бригаде, ходили всегда вместе, обедали почти из одной тарелки и жили в одном контейнере. Иностранцы, сидя в теплых кабинетах, мечтают о нескончаемом богатстве северных районов нашей Родины. Может быть, они не знают, какими большими трудами это бо-

гатство нам достается. Или, как в поговорке, чужое добро покоя кому-то не дает?

Николай суровые климатические условия севера переносил спокойно, а Иван часто вспоминал, как летом в большой реке купался и на берегу загорал.

– Ленивому и в будни праздник, – озорно улыбаясь, решил раззадорить приятеля Николай. – Тогда зачем сюда приехал? И похотливые глаза с собой прихватил.

С этого вопроса основу их разговоров составит недалекое прекрасное будущее детей.

– Слышь меня: плохой мир лучше хорошей брани. Я бы в жизнь сюда не приехал, если бы у сына не появилось твердое желание жениться в ближайшее время. Лучше клеймить скот, чем залезать на вышку, – так неоднократно жаловался на судьбу Иван.

– И у меня та же проблема. Дочку надо бы выдать замуж. Достояно. Раньше я твердо знал, что государство думает обо мне, и работал, не покладая рук. А теперь? Хоть и на Петровых вся Россия держится, все эти Пётры превратились в оборванцев, и народ вместе с ними.

– Это ничего не меняет. И некогда нам играть в бирюльки! Надо работать и зарабатывать деньги. Думаю, у нас будет возможность открыть бутылку шампанского на свадьбах наших детей и поесть вкусную еду, – отвлек Иван приятеля от политического разговора.

– Согласен с тобой. Я люблю своих детей. Они у меня хорошие. Да и не будет другой жизни, чтобы потом их любить. Одна мечта: обустроить их судьбу и спокойно провести остаток своих

дней, – философски заключил Николай.

– Ладно, пора собираться на работу, автобус нас целый час ждать не будет, – и, вытащив раскладную бритву, Иван занялся наведением красоты.

Николай предупредил его:

– Слушай, Ваня, на улице не курортные места, а собачий холод, лучше, как я, отращивай бороду.

– Понял, понял. Но не в Антарктиде же живем. Я еще не забыл, что я привлекательный мужчина.

Антарктида не Антарктида, а сорокоградусные морозы стояли, неустанно запугивая людей своими зловещими намерениями: «Высунешь нос, будет конец истории, точнее, внезапный отъезд в иной мир гарантирован»...

– Сегодня на вышке будем работать, так что одевайся теплее, – требовательно предупредил Николай и добавил: – Не собираюсь отправлять твоим родным твои хрустальные останки, чтобы те вспоминали счастливое прошлое, утирая слезы в настоящем.

– Что-то было, или прошлое – это пустой экран телевизора. Желая успешного старта!

– Ну, ты... – пригрозил кулачком ему Николай.

– Понял, слушаюсь, – шуточно отрапортовал Иван, но бритву не отложил.

Ко времени, когда должен был подъехать теплый «Икарус» с мягкими сиденьями, приятели уже стояли на улице и ждали его, прыгая попеременно на обеих ногах. Через несколько минут транспорт прибыл на место сбора работников и забрал их. В салоне, где стоял веселый гвалт, находилось больше сорока работников нефтедобывающего промысла. Николай с Иваном поздоровались со всеми и, пройдя в самый конец салона, бухнулись на сиденья, под которыми спокойно урчал мощный двигатель. Было тепло, разумеется, настроение людей соответствовало обстановке.

Просторы нашей огромной страны чудесны. Где-то соседи готовы убить друг друга из-за не-

счастливых двадцати сантиметров земляной полосы, а где-то сто километров проедешь и ни с кем не встретишься. В одном месте обездоленные люди себе ночлег найти не могут, а в другом – «шестипальная» человеческая рука безнаказанно богатство страны разоряет.

Пяти пальцев, видите ли, не хватило. При чем тут наша богатая Родина с ее небогатыми людьми? Во всем виновата душа человеческая, хотя это тоже особый вопрос. В одной газете эта тема вот как была изложена: «Ведь если душа на самом деле существует, то она должна занимать какое-то место. Если же она занимает место, она должна расширяться, если она разрослась, то должна иметь составные части, а если что-то имеет части, следовательно, это материя. Итак, душа имеет какое-то отношение к материи». Мысль дурацкая, теория хуже некуда, дерьмовый взгляд идеалиста. То есть, по его мнению, когда человек умирает, его душа отделяется от тела, а значит, в этот момент масса трупа должна уменьшаться. Говорят, такой эксперимент проводили в Питере, пытались взвешивать массу души. С трудом верится, что у них что-то дельное получилось, это же не компостировать железнодорожный билет. Такие экспериментаторы, скорей всего, аферисты, притом идеальные аферисты, если умудряются убедить кого-то в удачности своих теорий. О, господи, сколько таких заблуждений встречалось в науке...

Дорога – зимник – была зачищена от снега. Прямая, она казалась бесконечной, словно вела в белую бездонность. Автобус шел со скоростью шестьдесят или семьдесят километров в час. Кто-то кемарил, другие обсуждали предстоящую работу, кое-кто громко анекдоты рассказывал. Николай краем уха уловил некоторые из них. Первый: «Пьер женился. У него спрашивают: «Ну, как твоя молодая жена?» «Превосходно, очень рекомендую». Второй: «Говоришь, не пил. Тог-

да скажи: «Охтеншлейтерблейдер».

От дыхания пассажиров стекла окон автобуса затянуло льдом. Мало-помалу гомон в салоне уменьшился, а люди стали засыпать в мерно качающемся автобусе.

Есть люди, которые зиму терпеть не могут. Однако многие водители радуются, что зимой ямы на наших улицах исчезают под снегом и дороги становятся гладкими. Иван с Николаем тоже задумались, к тому же их места были намного теплее, чем все остальные в салоне. Они уже отъехали больше чем на пятнадцать километров, как вдруг водитель включил микрофон и в громкоговоритель заявил в стиле Высоцкого: «Граждане рабочие, сейчас я для вас песню про молодую девушку спою». И начал петь «Темную ночь». В середине песни послышался хлопок, это лопнуло колесо. Автобус остановился, водитель и некоторые здоровяки вышли, ударными темпами, будто Братскую ГЭС строили, поменяли колесо. Двигатель всё это время работал. Они проехали еще буквально десять километров, лопнуло следующее колесо, теперь слева. Ну да, мы же не можем в полной мере распоряжаться своей жизнью, а смертельная опасность крадется по-кошачьи. Водитель аж выругался:

– Среди нас грешный есть, пусть быстрее кается, а то мы так до места не доедем.

Один пошутил:

– Я перед тобой! Целую ночь во сне над Черным морем звезды считал, с подругой вместе.

– Балбес. Оставь ты свои сентиментальные воспоминания. С подругой не звезды считают...

Тем не менее шофер с теми же мужиками снова вышел на улицу. Только в этот раз так быстро не получилось двинуться в путь – лопнуло заднее колесо с внутренней стороны. Благо у водителя было еще одно запасное. Поменяли и продолжили путь.

В автобусе воцарилась тишина, каждый думал о своем и в то же время о человеке, который совер-

шил что-то грешное. Вроде шуточное ругательство, а какая-то мнимая подозрительность повисла в сознании людей, из-за чего показалось, что внутри автобуса стало холоднее. Некоторые съезжились от страха, а может быть, уже от холода, проникающего в душу.

– Мы становимся заложниками мороза, – сиплым, как у тяжелораненого, голосом сказал Николай.

– Критичность ситуации меня пугает, – ответил Иван, – кажется, наш реальный мир совсем не пригоден для приятного проживания простых людей, которых постоянно гонят на убой, а те в страхе даже разбежаться не могут.

Прошло больше получаса.

Что-то сегодня с задним мостом автобуса было не ладно. Он сначала прогудел, как в пословице «У худой птицы худые песни», а потом окончательно заклинил. Некоторое расстояние задние колеса юзом прошли, наконец машина, прижатая сугробом, остановилась. Водитель встал с места и огорченно констатировал:

– Ну вот, ребята, и приехали. Теперь уже точно ничего путного не выйдет. – Некоторые поинтересовались, мол, что случилось. – Кажется, задний мост выкинул финт, пойду посмотрю. – Он вышел, прокрутился вокруг автобуса, залетел в автобус весь в сосульках и с залепленными снегом глазами: – Так оно и есть, конец нашей поездке, ребята. Как говорится, в запас воздухом не надышишься.

Тем не менее, он включил первую скорость и попытался тронуться. Но автобус заглох намертво. Один крикнул откуда-то с последних рядов:

– Заводи быстрее, а то останемся тут! Зарплата маленькая, поэтому сегодня ночлег с собой не взяли.

Другой с истеричными глазами, словно его уже победил безвольный страх, гаркнул на него:

– Выбор был за тобой. Не кармай, и без тебя тошно!

Водитель молча, сосредоточенно и уже без шуток попытался еще несколько раз, может, почувял, как медленно распространяется волна истеричности от одного пассажира к другому, и все-таки завел мотор, благо техника подчинилась воле человека. Никто не знал, какая судьба их ждет. То, что двигатель заработал, принесло людям существенное облегчение. Однако смерть, смеясь: «Не так-то просто от меня отделаться», – часто проходит мимо человека и кружит возле него, и кружит, а он и не подзревает об этом.

Равнодушная природа – это заколдованный мир, а счастье по людскому миру движется лишь по узким полоскам. Интригующая смесь и настоящая пытка надеждой...

Температура понизилась до минус сорока пяти градусов, ветер поднимал снег, в открытом воздухе дальше пяти метров ничего не было видно. Двигатель урчал, вентилятор на полной мощности гонял теплый воздух в салоне автобуса. Но заметно было, что внутри автобуса температура всё равно понижается. Водитель зорко следил за количеством горючего в баках автобуса и за температурой в радиаторе.

Есть поговорка – находиться не в том месте не в то время, из-за чего жизнь человека не может кончиться удачно. Удаленность автобуса от населенных пунктов и от нефтяной вышки была просто трагично высокой. Семьдесят километров в одну сторону и восемьдесят – в другую. Какие силы нужно приложить, чтобы добраться до теплой избы или контейнера в такую пургу, неизвестно. И рядом не найдется никого, кто скажет: «Давай помогу». Один раз глубоко вдохнешь, а потом долго будешь хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, пока легкие внутри не превратятся в маленький айсберг.

Тем временем солярка катастрофически уменьшалась. Когда на приборе, указывающем объем горючего в баках, начала мигать красная лампочка, водитель, бес-

помощно искривив рот, обратился к людям:

– Пора разбавить спирт водой. Народ, чтоб мы тут постепенно не замерзли, поскольку соляра заканчивается, придется что-то поджигать. У нас пока два не годных колеса есть, пойдёмте подожжем. Короче, не ищи красоты, ищи доброты. Может, попутка попадется.

«Похоже, будет трудно», – подумали люди, но спустились. Сначала подожгли лопнувшие колеса, тем временем двигатель заглох. Водитель, понимая, что машину уже не завести, скомандовал, чтобы все колеса сняли и потихоньку жгли. И за всё это время ни одна транспортная единица, ни одной живой души мимо них не проскочило. Вот так, попав в богом забытые места, начнешь молиться всем богам, авось пронесет. А авось – классика русская!

Ветер продолжал усиливаться, люди прыгали вокруг вонючего костра, менялись местами. Они понимали, что это тепло – временное явление, но каждый надеялся на чудо, про надежду уже забыли. Когда догорало последнее колесо, вытащили всё, что могло гореть и давать тепло. Вплоть до сидений, всё бросили в костер. Люди не боялись отравиться вонючим дымом, настолько жажда жизни, горевшая в них не меньше костра, толкала их к действиям. Но и эта возможность согреться закончилось, костер догорел, подкидывать больше было нечего, разве что собственную одежду снимать. Колочий северный ветер стал разносить пепел догоревшего костра и загнал всех в салон автобуса. Один задержался, водитель гаркнул на него:

– Ты собираешься провести ночь на открытом воздухе? Смотри, за худом пойдешь, худо найдешь.

В ответ полетела жестяная банка из-под пива:

– Здесь аж мухи дохнут от скуки, чем я хуже.

В салоне автобуса было несколько не теплее, но зато ветер не задувал. Казалось, еще чуть-чуть

и внутри автобуса, и снаружи температура станет одинаковой.

Николай и Иван, прижавшись друг к другу, сидели на своих местах, терли друг другу носы, щеки, колотили кулаками, двигались и повторяли в один голос: «Нельзя засыпать!» Николай даже пошутил:

– От простуды помогает апельсиновый сок.

Иван поддержал шутку:

– Увы, у меня аллергическая реакция на цитрусовые. Может, есть клюквенный морс?

– Глупый вопрос.

– Ты смеешься, смех содержит в себе витамин «С».

– Смейся, не смейся, это заливного поросенка не заменит. Ты со мной согласен?

– Сейчас нас выручила бы обыкновенная женщина, которая не умирает и не стареет. Надо поискать...

Да уж, легче советовать, чем совету следовать...

Сначала у них замерзли руки, организм и мозги людей стали разговаривать на разных языках...

То, что наступает конец, первым ощутил Иван.

– Коля, мне кажется, что следующая день уже не настанет, а если даже такое произойдет, это будет через миллиарды-миллиарды лет, и даже тогда нам будет запрещено ходить по земле, – уныло сказал он.

– Увы, ты прав. Впереди мгла, и ждет нас близкая встреча с хвостатым и черным. Теперь нам нечего бояться всяких заболеваний, в том числе и боли в желудочно-кишечном тракте, а я всегда этого боялся, повезло, – грустно отшутился Николай, и медленно-медленно его глаза закрылись перед темной неизвестностью.

Вот такой короткий разговор состоялся между приятелями в последние минуты перед «отъездом» в другой мир. Дальше – «анестезия»...

Один из руководителей, забеспокоившись отсутствием своих работников, задержал предыду-

щую смену и на другой день погрузился на вездеход и выехал на поиски. Что он увидел в автобусе, найдя их, трудно описать. Настоящий ледяной памятник жертвам освоения необъятных северных и холодных земель нашей Родины...

Игра судьбы. Она умеет неожиданно выкинуть колено...

Говорят, два медведя в одной берлоге не уживутся, тут их было больше сорока. Элемент исторического материализма. Николай не смог выдать замуж свою дочь, а Иван не смог женить своего единственного сына. И у других сорока человек тоже были близкие желания и заботы. Никто не сумел сотворить в жизни задуманного. Природа создала монументальный памятник из человеческих фигур, готовый мемориал, некоторые замерзли, обнявшись, и разделит их – непонятно, что бы получилось...

Бренна, хрупка и случайна судьба человека. И вот что любопытно: есть такое слово «гуманизм». Когда случается землетрясение, мы, «чужие», бежим, помогаем, а «свои» занимаются мародерством. Где-то потоп заставляет людей нуждаться в помощи, а где-то террористы или всепожирающая война ставят людей в нечеловеческие условия. Когда слышишь такое, даже комочек через горло не лезет. Кто-то отправляет пострадавшим продукты, кто-то необходимое для выживания в экстремальных условиях. Это называется гуманитарной помощью. Бесспорно, славное дело – понимать чужую боль, чужую нужду и выручать попавших в беду людей. Но почему мы прозябаем в своей родной стране? Не получая, порой, даже понимания?.. Тоже, скажете, случай, похожий на лопнувшее колесо или сломанный задний мост автобуса?!

...Николай и Иван в нашей горькой истории, как и все остальные пассажиры злосчастного автобуса, были похоронены за счет предприятия. Но это уже не так важно в такой хрупкой человеческой жизни.

В

**НОВАЯ КНИГА В СЕРИИ
«КАМЕННЫЙ ПОЯС:
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»**

История Урала богата именами талантливых ученых, инженеров, художников, литераторов, делами которых с полным основанием могут гордиться не только их земляки, но и соотечественники из других регионов. Биобиблиографические данные о многих представителях уральской научно-технической и художественной культуры содержатся в справочниках и энциклопедиях, подготовленных региональными и центральными издательствами.

Значительно меньше известно специалистам и широкому кругу читателей о деятелях музыкальной культуры Урала прошлых веков. Сведения о них разбросаны по архивным фондам, периодическим изданиям, научным статьям и в справочной литературе представлены весьма ограниченно. Полузабытыми, а порой и вовсе забытыми, оказались имена тех, чьими усилиями в далеком от столиц крае развивалось церковно-певческое искусство, закладывались традиции концертно-театральной жизни, создавались учреждения музыкального образования, начинались собиранье и публикация образцов музыкального фольклора, создавались мастерские, в которых изготавливались музыкальные инструменты.

В настоящий словарь вошли данные, которые позволяют в лицах представить процесс развития музыкальной культуры Урала в значительных временных рамках (с начала XVIII века до 1919 года) и территориальных границах, охватывающих все дореволюционные губернии края – Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую.

Сергей Белаяев

В

АЛЕКСЕЙ

*Самый сильный тот,
кто борется в одиночку.*
Генрик Ибсен.

Иван НЕДВИГА

г. Антрацит.

Матвей Павлович поднялся рано утром, набросил на плечи ношенный еще дедом овчинный кожух, и вышел во двор. Его встретила туманная непроницаемая мгла. Подойдя к сараю, он открыл дверь и зажег лампу-керосинку. Пристроенная к стенке, она хорошо освещала сарай изнутри.

Взяв с собой необходимую упряжь, Матвей Павлович захватил и лампу, чтобы не запрягать быков в полутьме. Эту лампу он приобрел еще в те времена, когда жил в родном селе Нижний Нагольчик и работал на шахте, добывая уголь. Но возникшие на шахте трудности заставили многих покинуть ее и переехать на хутора, на вольные черноземные земли. Поступил так и Матвей Павлович, обосновавшись на хуторе Карита...

Вырос Матвей Павлович в большой крестьянской семье. У него было четыре брата и столько же сестер, и Матвей Павлович был среди них старшим. Собственная его семья была тоже не маленькой – три сына и три дочери. Старшего из его сыновей звали Алексей и, несмотря на то, что ему исполнилось всего 12 лет, его частенько приходилось брать с собой в поле на работы. При пахоте надо водить быков, поэтому без помощников не обойтись...

– Вставай, Алексей, – позвал он сына, вернувшись в избу, – позавтракаем и поедем пахать, сегодня надо закончить.

– Туман сильный, может, подождете, пока разойдется, – предложила Агафья Александровна, жена Матвея Павловича.

– Нет, Глаша, надо ехать, неровен час – пойдут дожди, и останется часть земли невспаханной.

Позавтракав и взяв с собой хлеба и сала, выехали в поле. На месте сразу же принялись за работу, и к обеду вспашка была закончена.

Вопреки ожиданию, туман к тому времени не только не рассеялся, а

стал еще гуще. На траве стала накапливаться влага.

– Ты, Алексей, покушай и иди домой.

– Я не хочу, я дома поем.

– Хорошо, дома так дома, – Матвей Павлович отрезал себе немного хлеба и сала, остальное вложил в сумку и отдал Алексею, чтобы отнес домой. – Матери передай, что я быков попасу и к вечеру приеду.

Алексей ушел, а Матвей Павлович перекусил, лег в бричку и задремал. Проснулся он, когда уже начало темнеть. Туман еще больше усилился, в нескольких шагах ничего нельзя было различить. Но дорога была накатанной, быки знали, куда надо идти, и вскоре Матвей Павлович был в селе. Дома его с укором встретила жена:

– Почему так долго-то? Чего там засиделся? Надо было хотя бы Алексея раньше домой отпустить.

– Да я его еще в середине дня домой отправил.

– А где же он?

– Не знаю. Может, с ребятами заигрался?

Матвей Павлович обошел всех сельчан, у кого мог задержаться Алексей, но ни у кого его не было. Всю ночь прождали родители Алексея, но он не пришел. Утром Матвей Павлович попросил соседей, и две пары по два человека пошли его разыскивать. Туман за ночь и последующий день не рассеялся, и поиски ничего не дали. Мать весь день крепилась, но когда искавшие возвратились вечером ни с чем, дала волю слезам. На следующий день снова все, кто мог, отправились искать Алексея, и вновь безрезультатно. Туман стоял плотной пеленой, и сильно затруднял поиски...

***

А что же с Алексеем? Где он? Что делает? Оставив отца в поле, он с полчаса шел по наезженной подводами дороге, потом решил, что если

пойти напрямик через балку, то можно будет быстрее попасть домой. Так и сделал. Благо есть тропинка, по которой гоняют скот. Идет Алексей по этой тропинке, посматривает по сторонам: в тумане почти ничего не видно, и главное для него теперь не сбиться с пути...

Вдруг видит – слева от тропинки что-то высокое стоит. Заинтересовался. В тумане не поймешь, что это. Подошел поближе. Оказалось, что это три рядом растущих дерева. Стволы, ветки и еще не опавшие листья, окутанные ватным туманом, создавали причудливую картину. Как замороженный обошел Алексей вокруг деревьев, дивясь игре природы. Затем пошел назад к тропинке и не смог ее найти. Возвратился к деревьям и пошел в другом направлении – искал, искал тропинку, а потом смотрит и деревья пропали. Так он заблудился...

Но Алексей не испугался. Он был уверен, что сумеет найти и балку, и тропинку в ней. Он пошел, как ему казалось, в правильном направлении, но, сколько ни шел, балки не было. По пути попадались деревья и кусты, но места все незнакомые. Шел он долго и уже начало темнеть. Вдруг из тумана вынырнуло что-то большое. Присмотрелся, оказалось, что это стволы подсолнухов. Шляпки срезали и увезли, а стволы сбросали в кучи у края поля. Подумал, что если между двумя такими кучами набросать стеблей, сделать из них загородку, а в середину настелить травы, то можно переспать. Так и сделал. Набрал стеблей, нарвал травы и соорудил постель. Усталость была такая, что он даже не подумал о еде, а улегся на траву, укрылся пальтишком, и спокойно проспал до утра. Во сне он видел свою избу, плачущую мать, ребят с улицы, а проснулся от птичьего воркования.

Приоткрыл глаза и увидел, что несколько куропаток собирают зерна с травы, которую он подстелил себе вместо постели. Встал, размялся. Дал знать о себе голод. Ведь поел только вчерашним утром. Достал сало и хлеб, поделил пополам. Одну часть спрятал в сумку, вторую быстро съел – стало полегче.

Туман стоял такой же, как и в предыдущий день. Надо идти. Но куда? Пошел наугад. Снова захотелось есть. Вынул оставшиеся продукты и съел. Через некоторое время наткнулся на ручеек, попил из него воды. Стало лучше, чувство

голода притупилось. Перебрался через ручеек и взобрался на возвышенность. Увидел колею от телеги и два початка кукурузы. Подхватил их и пошел по колее. Шел долго, пока она не исчезла. И сколько ни пытался Алексей найти ее продолжение, ему этого не удалось.

Пошел дальше, сколько шел не помнит, снова начало темнеть, и тут он наткнулся на изгородь. Наверное, люди живут, обрадовался он. И пошел вдоль изгороди, скользя по ней рукой. Из тумана и темноты медленно выползло строение. Оказалось, что это летнее стойбище для скота. А в центре – постройка для пастухов, чтобы им спать ночью и укрываться в непогоду. Стойбище было пустым, сезон выпаса закончился. Зашел внутрь постройки, там ничего не различить. Постоял. Глаза постепенно привыкли к полумраку. У одной из стен рассмотрел столик и сиденья. Присел, положил голову на стол и не заметил, как задремал. И опять приснился ему родная изба, мать насыпает ему в чашку горячие щи...

Вдруг вздрогнул и проснулся, и не может понять – где он и что с ним. Постепенно осознал, как здесь очутился, и стало ему так горько, что готов был заплакать от обиды. Но сдержался. У другой стены нашарил лежанку, на которой еще оставалась трава с лета, улегся на нее и уснул, а проснулся, когда уже рассвело.

Утром, чтобы притупить голод, Алексей погрыз найденные початки кукурузы. Она была уже подсохшая и невкусная. Потом вышел из скотного стойбища. Куда идти? Туман, густой туман, как будто издевается над ним. Были раньше туманы, по два и три дня, но не такие густые, – думал Алексей, волоча по степи отяжелевшие ноги и всматриваясь вперед – вдруг увидится что-нибудь знакомое...

Третий день пошел, как он попал в туман. А что там дома сейчас? Наверное, кушают борщ с мясом да поджаренную на сале пшеничную кашу. Алексей сглотнул слюну и чуть не свалился в невесть откуда взявшийся овраг. Овраг широкий, больше пяти метров, зарос густой травой и рогозой. Кое-где стояли и деревья, и кустарники – ива, клен, терн, шиповник. Спустился на дно оврага, где протекал ручеек, попил воды. Ниже по течению росла дикая груша. Сорвал один из плодов и надкусил – фу, горькая! – и выплюнул. На зем-

ле, вокруг ствола груши лежало много упавших плодов. Стал их перебирать. Большинство были червивыми, но набралось десятка два и хороших, вкусных. Съел сразу несколько груш, хотел еще, но воздержался. Выбрался на противоположный берег оврага и пошел дальше, надеясь наткнуться на селение. К ночи пришел к какой-то возвышенности, в которой нашел небольшое углубление. Не надеясь найти ничего лучшего, нарвал травы, обложил ею дно и стенки углубления и крепко уснул...

Медленно начался рассвет четвертого дня непрерывного скитания Алексея по степи. Туман не уменьшился, по-прежнему во всех направлениях находилась его белесая мгла. Алексей шел вперед с одной целью – найти какое-нибудь жилище и выбраться, наконец, из этой бесконечной степи. Ох, как хочется добраться домой, в чистую теплую избу. Долго шел Алексей и дошел до вспаханного поля. У его края присел, бессмысленно вглядываясь в черную землю. Может, это наше поле, – подумал Алексей, но, сколько ни всматривался – нельзя было понять, их это поле или нет...

Поднялся, и тяжело переставляя ноги, отправился дальше. По пахоте идти тяжело, поэтому пошел рядом. Не заметил, как уклонился от пахоты и вновь оказался в чистом поле, придавленном надоевшим туманом. Снова стало темнеть, и тут из тумана показалось уже знакомое стойбище. Выходит Алексей уже два дня кружил около него. Но это было даже хорошо. Зашел в избушку, забрался на лежанку, пожевал оставшиеся груши, уснул и крепко проспал до самого рассвета.

Утром Алексей вышел из загона и решил снова пойти в овраг, может, еще груши попадутся. А дальше что? Где дом, куда идти? Он шел, лишь бы не сидеть, шел, чтобы идти, пока не найдет людей. Дошел до оврага, решил пойти влево, поискать там груш. Но шагал по дну оврага ни о чем не думая, забыл и о грушах, и не заметил, как овраг перешел в степь. Чувство голода притупилось, он перестал его ощущать...

Это был уже пятый день его блуждания в тумане. По пути наткнулся на балочку, деревья которой взбирались вверх на бугор. А что если посмотреть вокруг с высокого дерева? – мелькнула мысль. – Вдруг увижу что-нибудь знакомое. Стал взбираться на бугор. Чем ближе вер-

шина, тем меньше деревьев. Наконец нашел подходящее дерево, и с трудом вскарабкался наверх. Увы, вокруг был всё тот же белесый непроливаемый туман. Спустился по ветвям вниз. Сел, обессиленный, на землю, прислоняясь спиной к стволу дерева. Не помнит, сколько прошло времени. Постепенно осознал, что надо идти, и снова зашагал вперед.

Вдруг непонятно откуда услышал лай собаки. Алексей встрепетнулся, стал прислушиваться. Где собака? Но собачьего лая больше не было. И вдруг Алексей явственно услышал голос:

– Подожди, Алексей, не уходи!

Он встал как вкопанный. Что это? Он никого не видит, как же могут видеть его?

– Я здесь, – всё же хриплым голосом отозвался он.

Но ответа не было. Алексей вспомнил, как ему рассказывали, что когда человек сильно заболит, то ему могут слышаться разные звуки людей или животных. Неужели и я заболел? – с беспокойством подумал он. – Надо уходить отсюда. Наверное, здесь сидит леший и мутит мой ум...

И он пошел подалее от этого места. Шел медленно, но упорно, не оглядываясь, всё более отдаваясь... Хотя ему уже начинало казаться, что из этого заколдованного состояния постоянной ходьбы уже не выбраться. Так и будет он бродить по степи, пока без сил и сознания не упадет на землю...

Снова стало темнеть. По пути ему попало небольшое углубление в земле. Не имея больше ни на что сил, он стал рвать траву и складывать в это углубление. Потом закопался в траву и уснул крепким сном.

Утром, еще не проснувшись как следует, и не раскрывая глаз, он почувствовал изменение в природе. Открыв глаза, увидел, что туман стал гораздо светлее, чем в предыдущие дни. Алексей поднялся и стал смотреть на восток, на солнечные лучи, пронизывающие туман и разгоняющие его.

Вдруг сзади залаяла собака. Алексей обернулся и увидел большое здание, а за ним крестьянские избы. Да это же мельница! – обрадовался он, – когда-то с отцом мы сюда приезжали молотить зерно на муку.

Алексей пошел к мельнице в надежде встретить знакомых. У мельницы стояло несколько подвод. Медленно подошел он к ближайшей из них. Стоявший у телеги мужчина

посмотрел на него неприязненно – шатаются всякие грязнули – и отвернулся, роясь в телеге. А Алексей узнал соседа со своей улицы, с его детьми он был дружен.

– Дядя Никифор, – позвал Алексей слабым голосом, – вы скоро домой поедете? Возьмете меня с собой?

Никифор уже собрался было накричать на попрошайку, но голос мальчишки показался ему знакомым. Никифор присмотрелся внимательнее к нему и чуть не вскрикнул – да это же Алексей, его уж которые сутки ищут по округе.

– Алексей?! – Никифор не верил своим глазам, но убедившись, что это он, прижал к себе.

Алексей сразу заплакал.

– Да как же ты? Да где же ты пропал? Ты кушать, наверное, хочешь? – засуетился Никифор, раскрывая сумку.

– Хочу, – тихо ответил Алексей.

Мужчина, сидевший на соседней телеге, и наблюдавший всю эту сцену, спрыгнул на землю и подошел к Никифору.

– Кто это? – спросил он.

– Да это Алексей, сын Матвея Павловича.

– Это тот, которого ищут?

– Да, он. Сейчас вот дам ему хлеба и сала, и еще яички у меня есть.

– Погоди, – остановил его мужчина, – парень столько дней ничего не ел, значит, желудок пустой. Дай ему поесть вволю, – мертвого домой привезешь. Я сам его буду кормить. – И он дал Алексею попить воды, потом немного хлеба, через два часа дал хлеба и небольшой кусочек сала, а перед дорогой домой покормил уже получше. Алексей почувствовал себя хорошо и проспал до самого села.

* * *

В этот день, уже шестой после пропажи Алексея, Матвей Павлович с соседями собрались, как и все предыдущие дни, на его поиски. Туман уже был заметно светлее – солнечные лучи начали разгонять его.

– Иван Сидорович, – обратился Матвей к сидевшему недалеко мужчине с самокруткой во рту, – сегодня туман уходит. Может, найдем Алексея? Как думаешь?

– Найдем, конечно, найдем. А если не найдем, так он сам найдется.

Чудной этот человек, Иван Сидорович. Он всегда говорит, как бы шутя, но его прогнозы часто сбываются.

– Как это сам найдется? – удивился Матвей Павлович.

– Ну, может, привезут на телеге.

– Свят, свят, свят, – проговорила женщина, стоявшая у забора и слушавшая мужской разговор, – ты что, старый хрыч, говоришь? Он еще мальчишка, ему жить и жить.

– А что, разве живые не ездят на телегах? – усмехнулся Иван Сидорович.

И все рассмеялись.

– Вот нехристи, – рассердилась женщина и ушла.

Они весь день ходили по буграм и полям в поисках Алексея. Казалось, не осталось ни единого деревца или кустика, куда бы они не заглянули, но нигде не было никаких его следов. К вечеру, возвратившись домой, сидели понуро, дымя самокрутками или дешевыми сигаретами.

– Иван Сидорович, с тебя поллитра сорокоградусной. День кончился, а твое предсказание не сбылось.

– Смотрите, чтобы вам не пришлось покупать, – всё так же шуточно ответил Иван Сидорович.

В это время подъехали подводы, на которых ездили на мельницу, и с них позвали Матвея Павловича. У него сразу сердце забилося, он не поднялся, а прямо подскочил, – и к телегам, но еще не дошел до них, как с телеги спрыгнул Алексей и кинулся к отцу.

– Алексей, Леня, – прошептал Матвей Павлович, обнимая сына.

А вокруг собрались соседи и поздравляли и Алексея, и Матвея Павловича. Мать легла на постели, она за это время совсем выбилась из сил, но услышав радостные крики, вышла во двор и, счастливая, опустилась на лавку.

Когда разговор стал понемногу стихать, Матвей Павлович обратился ко всем:

– Спасибо вам, люди добрые, за помощь в моем горе, и прошу всех завтра к нам с женами.

На следующий день, как раз это было воскресенье, у Матвея Павловича собрались все, кто участвовал в поисках Алексея, и те, кто его привез. Пили за счастливый исход происшествия и за то, чтобы больше не повторилась такая история.

Алексей, посидев какое-то время за столом, убежал к друзьям и много раз рассказывал всё с новыми подробностями о своих скитаниях в тумане. Среди слушателей был и автор этого рассказа...

Через несколько дней после этих событий вернувшегося с поля Матвей Павловича встретила заплаканная Агафия Александровна и сказала, что у Алексея сильный жар. Примочки и компрессы, которые она делала, не помогали. На следующий день лечение продолжили, но всё безрезультатно. Решили везти Алексея на рудники (на шахту), где была больница и врачи. Далековато – двадцать километров – но ближе нет. Наложили в повозку свежего душистого сена, застелили одеялом, укрыли Алексея кожухом и рано утром повезли.

Врач долго и тщательно обследовал Алексея, а когда узнал, что он пять дней ходил в тумане и спал на земле, то выписал нужное лекарство и рассказал, как его принимать. Через пару дней жар спал, и Алексей стал выздоравливать, а еще через некоторое время продолжил ходить в школу...

Шли годы. Окончив семь классов – десятилетки тогда в селе не было – Алексей стал помогать отцу. В 1932 году в колхоз поступили первые трактора. Алексею предложили работать на них. Он согласился. Всю зиму он с несколькими парнями посещал курсы трактористов, питанием их обеспечивал колхоз. На курсах их познакомили также и с автомашинами – дали несколько уроков вождения автомобиля. А весной все выпускники курсов сели на трактора и приступили к работам в поле.

Прошло еще полгода и Алексея призвали в ряды Красной Армии. Здесь его направили на шестимесячные курсы младших командиров. И через два года он демобилизовался как сержант артиллерии.

Еще во время службы в армии Алексею предложили вступить в партию, отказаться было неудобно, и так он стал членом партии...

Война грянула внезапно, и через месяц ему принесли повестку в военкомат. К тому времени у него уже был трехлетний сын и дочь, которая только научилась ходить. Через два дня после получения повестки Алексей ушел на фронт. Привезли его в небольшой городишко, где быстро формировали части для отправки на передовую. Прибыл он на сборный пункт в полдень, а ночью только что сформированный батальон подняли и отправили в район боевых действий. Судя по доносившимся взрывам это было недалеко. Винтовки вы-

дали всем, а вот патронов на всех не хватило...

Однако повоевать им не пришлось: немцы окружили их прямо на марше, разоружили и отвели в лагерь, окруженный высоким забором из колючей проволоки. Лагерь располагался в степи, лишь с восточной стороны метрах в пятидесяти был небольшой лесок. Алексей осмотрелся, знакомых среди пленных не было видно.

Вдруг какой-то мужчина подошел к немецкому офицеру и, показав на Алексея, что-то ему сказал. Что за Иуда? – подумал Алексей. Офицер позвал солдата и указал на Алексея. Солдат подошел к нему и за рукав потянул к изгороди. Ну вот, пришла моя последняя минута, – подумал Алексей. Подходя к изгороди, он обратил внимание на то, что одна стайка проволоки провисла. Офицер в это время разговаривал с двумя охранниками, а солдат, который привел Алексея к изгороди, шел к ним. Эх, подумал Алексей, всё равно погибать и нагнувшись, быстро пролез в щель между проволоками и побежал в сторону леса. Немцы оторопели, они никак не ожидали ничего подобного. Началась беспорядочная стрельба. Стрельбы было много, очень много, но он бежал всё дальше от нее, бежал, пока не упал без сил. Прислушался, было тихо. Прошел вперед еще какое-то время. Стемнело. Надо было где-то переночевать. Вспомнились ему его детские блуждания в тумане и сон на земле. Нашел подходящее место, нарвал травы. Видно, не зря дано было ему испытание туманом, теперь тот опыт и пригодился. Улегся в траву и, засыпая, подумал о том, что тогда ему удалось победить обстоятельства, удастся и теперь.

Еще только рассвело, как он уже был на ногах, но не прошел и нескольких шагов, как увидел дула направленных на него трех автоматов. Автоматы были в руках красноармейцев, и это успокоило Алексея.

– Кто такой и куда путь держишь?

– Воинское звание – сержант артиллерии, куда иду – не знаю, – честно ответил Алексей. – Был под расстрелом, сбежал.

– Пойдем, там расскажешь, – красноармейцы вывели его на грунтовую дорогу и, пока шли по ней, их два раза останавливали дозоры. Привели его к автомашинам, у которых стояли два офицера, старшим из

них был майор. К нему и подвели Алексея.

– Фамилия, имя, отчество?

Алексей ответил.

– Братья, сестры есть?

– Два брата и три сестры.

– Братья чем занимаются и как их звать?

– Оба учились на электрослесарей шахтного хозяйства, – ответил Алексей. – Когда я уходил на фронт, оба работали, сейчас, наверное, их тоже мобилизовали. Одного зовут Василием, второго Николаем.

– Ну что, лейтенант? – обратился майор к другому офицеру.

– Ответы верны, товарищ майор.

– Ты случаем не шофер? – снова обратился майор к Алексею.

– Нет, я тракторист, но нас обучали и вождению машины.

– Сейчас сможешь вести?

– Не знаю, на курсах получалось, но столько времени прошло...

– Мы попали под бомбежку, нашего шофера ранило, и мы его отправили в госпиталь, а нам срочно нужно быть в таком-то месте. Так что, иди, сержант, пробуй, – с надеждой проговорил майор.

И он попробовал. Отступал вместе со всеми, и шел вперед к победе вместе со всеми, а войну закончил в Германии. Демобилизовали его одним из первых в сентябре 1945 года как человека, достигшего тридцатилетнего возраста. Возвратился Алексей домой с наградами и с несколькими легкими ранениями. Работать пошел в углеразведку, на буровые вышки. Но, проработав около года, решил уволиться. Рабочих не хватало, и директор ни за что не хотел отпускать его. Алексей настаивал и тогда директор сдался:

– Хорошо, – сказал он, – я напишу заявление, но с одним условием. Вон там, на дворе, стоит автомашина. Нам она очень нужна. Уже несколько человек пытались ее отремонтировать и не смогли.пустишь ее на ход – тогда и подпишу заявление.

Алексей осмотрел машину и сказал директору, что покопается в ней. Несколько недель занимался ремонтом и машина пошла. Директору ничего не оставалось, как подписать заявление...

Б

О СИНТЕЗЕ ИСКУССТВ: ЭКСКУРС ИЗ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА – В НАШ XXI

Владимир УСОЛЬЦЕВ

(Окончание. Начало на стр. 4)

Одним из основателей нового искусства XX века, концепции так называемой «духовной пирамиды», является В.В.Кандинский – выдающийся русский живописец, график и теоретик изобразительного искусства, один из основоположников абстракционизма. Он был в числе основателей группы «Синий всадник». Целью художественного творчества он считал «всеобщее одухотворение реальности» (Кандинский, 1992).

В.В.Кандинский родился в Москве, получил основное музыкальное и художественное образование в Одессе, когда семья переехала туда в 1871 году. В 1896 году он переезжает в Мюнхен, где знакомится с немецкими экспрессионистами. После начала Первой мировой войны возвращается в Москву, но, не согласный с отношением к искусству в Советской России, в 1921 году вновь уезжает в Германию, а в 1939 году получает французское

Василий Васильевич Кандинский
(1866–1944)

гражданство. Умер в парижском пригороде Нейи-сюр-Сен.

И.Л.Ванечкина и Б.М.Галеев (НИИ экспериментальной эстетики «Прометей» в Казани) пишут (1998): «Художник Кандинский и композитор Скрябин «пересеклись во времени», но личных контактов между ними не было. Более того, имя Кандинского, быть может, вообще не было известно композитору. Слишком «углубленный в себя», Скрябин был довольно равнодушен даже к коллегам по своему цеху. ...Был знаком Скрябин с творчеством Чюрлениса, близким ему по символистско-музыкальным интересам (Сабанеев, 1925). Напротив, Кандинский неоднократно упоминает имя Скрябина в своих теоретических работах, он, судя по всему, неплохо знал его музыку и, более того, пригласил его биографа Л.Сабанеева со статьей о «Прометее» в «Синий всадник»».

В.В.Кандинский двигался к всеобщему синтезу в «монументальном искусстве», для воспроизведения которого он полагал создать фантастический храм «Великая Утопия». В 1920 году он предлагает собрать международный конгресс для обсуждения постройки «всемирного здания искусств и выработки его конструктивных планов». «Пусть бы это здание стало всемирным зданием утопии, – пишет он. – Я думаю, что не один я был бы счастлив, если бы ему дано было и имя «Великой Утопии». Пусть бы это здание отличалось гибкостью и подвижностью, способностью дать в себе место не только сейчас живущему, хотя бы и в мечтах, но и тому, первая мечта о чем родится лишь завтра» (Кандинский, 1920. С. 4). Новое искусство, по мнению В.В.Кандинско-

го (1992), стремится исследовать и познать собственные силы и средства, соединиться с другими видами искусства (музыкой, архитектурой), чтобы создать «подлинно монументальное искусство» – духовную пирамиду (с. 40).

С.А.Казанцева (1998) интерпретирует понятие духовной пирамиды в следующих словах: «Духовная пирамида и есть понимание искусства как храма, который синтезирует все отдельные его виды в единое целое... Все виды подчинены главному в храме – литургии, целью которой является восхождение человека на вершины духовной жизни. Храм изначально должен быть в душе каждого художника, который творит произведение. Это могут быть не только монастырские стены, где жили и совершали свой духовный подвиг великие иконописцы средневековья. Храмом может стать и мастерская художника, где ему является его Муза. И природа, которая его вдохновляет и помогает ему прикоснуться к тайне бытия, к сущему. Но при этом природные внешние формы не должны заслонять главное, за явлениями должно приоткрыться сущее. Натуралистические полотна ничего общего не имеют с постижением тайны бытия, они не обнажают суть, скелет, структуру мироздания. Увлечение предметным миром делает из художника ремесленника и не позволяет подняться на вершину пирамиды ни ему, ни тем, кто соприкоснется с его творением. И лишь тот, кто проникнет в гармонию мироздания, сам прикоснется к целостности и сумеет найти адекватную форму, лишь тот удостоен звания истинного творца».

И далее: «Многомерность произведения искусства (духовной

пирамиды) вызвана многими причинами: и тайной заложенного в ней смысла, постичь который доступно далеко не каждому, и определенным символом, который, с одной стороны, несет печать времени, а с другой, содержит в себе нечто всеобщее, универсальное, пополняя сокровищницу мировой культуры и присоединяя к акту Творения свои творения. ...Построение духовной пирамиды – подлинно художественных творений, которые способны поднять человека над его собственной ограниченностью, приобщить к всеобщему, к универсуму, развить в нем лучшие душевные и духовные качества, – можно сравнить с литургическим богослужением в храме, где все эти моменты присутствуют. Начиная с покаяния, с очищения человеческого существа, литургия направлена на проникновение в его глубины, в то лучшее, что есть и может быть в человеке, с целью его преображения, утверждения в вере. Вся обстановка в храме способствует решению этой задачи. Отдельные виды искусства объединены общей целью и составляют в храме единое целое, которое может быть названо духовной пирамидой, храмовым искусством. Ни архитектура, ни иконопись, ни музыка (церковный хор) не существуют в храме сами по себе, а образуют особое единое пространство, наполненное духовным смыслом» (Казанцева, 1998).

Умонастроение русского космизма в конце XIX – начале XX веков как многоплановое явление несло на себе печать национальных особенностей России и отечественных культурных реалий: православной религии, русской религиозной философии, отечественного искусства, литературы, науки, всего уклада народного быта и государственного устройства (Введенская, 2007). Его представителями (Н.Ф.Фёдоров, П.А.Флоренский, Н.А.Бердяев, В.Н.Чекрыгин, Вяч. Иванов и др.) разрабатывалась концепция храмового, литургического синтеза искусств, построенная на единстве церковного зодчества, росписи, ваяния, вокального и словесного искусства. Это было явле-

ние, подобного которому не существовало в Европе (Горский, 1933; Овечкина, 1999).

«Русские космисты, – пишет сербский философ Велимир Абрамович (2009), – чувствовали материальный мир как светомузыку, как совместную сюиту Космоса и человеческих душ. Они меня научили, что одни и те же законы распространяются и на внешний мир, и на индивида. Если перевести на язык эстетики, то это значит, что всё, воздействующее на искусство, действует и на создание вещества в Космосе. Не может существовать и не существует двух законов: один – для искусства человека, а другой – для остальной бесконечной Вселенной. Основной принцип провозглашает нерасторжимое, органическое единство конечного и бесконечного» (с. 41).

В.Н.Муравьев, развивавший проблему времени на основе теории множеств Г.Кантора, связывает конечную цель синтеза искусств с преодолением времени и вечностью жизни: «Само собою разумеется, что вступление на путь такого космического строительства должно повлечь за собою уничтожение граней между отдельными видами искусства, с одной стороны, с другой же стороны – уничтожение граней между этим объединенным искусством и всею остальной творческой работой человечества. Тогда искусство впервые войдет полностью в жизнь, будет ее душою и руководителем. Жизнь станет совокупностью звуков, цветов, озарений, целокупных ощущений и прозрений, станет целостным движением, направляемым вдохновением и разумом к единой цели – овладению временем» (Муравьев, 1924. С. 109).

О «действенно преображающем» предназначении искусства писал религиозный философ Серебряного века С.Н.Булгаков в статье «Сны Геи», посвященной критическим заметкам по поводу вышедшей в 1916 году книги Вяч. И. Иванова «Борозды и межи»: «Здесь мы стоим пред одной из заветнейших дум русской души, ее апокалипсиса. Где пролегает граница искусства? Просветление мира

красотой, облечение его ризой софийности, насколько оно дается искусству, остается ли навсегда лишь символически преобразовательным или может стать и действительно преображающим? Иными словами, поскольку искусство есть наиболее центральное и интимное проявление культуры, преодолена ли культура? Может ли совершиться это преодоление, если не одной человеческой силой, то хотя при деятельном участии человека, чрез теургическое его дело? Эта загадка Сфинкса всемирной истории, ее внутреннего исхода и свершения, жгла душу Достоевского, а еще раньше испепелила Гоголя, волновала, конечно, Тютчева и, быть может, А.А.Иванова, сделала косноязычным моралистом великого художника Л.Толстого. Со всей отчетливостью философской рефлексии научил нас о ней думать Вл. Соловьев... Тот же замысел практической теургии, получивший предельное выражение в гениально-химерической идее натуралистического воскрешения мертвых, воодушевлял мыслителя такой значительности, как Н.Ф.Фёдоров. О том же томлении говорит нам явление А.Н.Скрябина, всецело изошедшего в теургический порыв, искавшего жертвоприношением искусства разбить его грани и выйти в беспредельность космического действия, паче духа музыки возлюбившего силу Орфея. Нельзя отделить от русского духа это стремление к тому, что невозможно...» (Булгаков, 2007. С. 645–646).

В 1920-е гг. продолжателем идей «нового» искусства выступил русский художник Григорий Иосифович Гидони (1895–1937), «забытый разведчик искусства будущего». Начав с проектирования световых декораций, он разрабатывает систему управления яркостью и цветностью светового потока на основе специальных цифровых кодов, создает световые интерпретации музыкальных и стихотворных произведений, сочиняет произведения для цвето-запаха, организует «Лабораторию искусства света и цвета». Его судьба, как и многих первопроходцев в искус-

Кадр из фильма
«Опасный возраст».

стве послереволюционной России, трагична: его репрессировали как «японского шпиона», и он погибает в ГУЛАГе (Галеев, 2002).

Представление о том, что такое «цвето-запах», дают некоторые эпизоды в фильме «Опасный возраст»: на основе шкалы цвето-запаха, разработанной героем фильма Наркисом Михайловичем, эксперты идентифицируют свое новое парфюмерное изделие, пытаются в цветовых гаммах выразить специфику его аромата. А сам герой (арт. Ю.Будрайтис) – дегустатор ароматов, будучи, по-видимому, таким же «гением запахов», каким был в иной области другой гений – «гений слуха» К.К.Сараджев, – утверждает: «Запахи – как мелодии, одни бодрят, другие волнуют... Есть запахи радости, нежности, и мы, как композиторы, создаем свои симфонии, фуги...»

Примерно в 1910–1914 гг. проводят первые эксперименты по созданию движущейся абстрактной живописи в синтезе с музыкой русский художник Владимир Давыдович Баранов-Россине (1888–1944). С использованием изобретенного им светового фортепьяно – «оптофона» в 1916 году он дает концерт в Осло. В 1925 году, не выдержав «оголтелой критики» и не дожидаясь «в три шеи вон», Владимир Давыдович эмигрирует из России и «оседает» в Париже, где продолжает «оптофонические» эксперименты и получает патент на свой инструмент. В 1942 году он арестован гитлеровцами, и в 1944 году погибает в Освенциме (Галеев, 2002).

На грани прошлых двух столетий свой вклад в развитие теории и практики «динамического света» в сценических экспериментах внес

русский художник М.Матюшин (1861–1934). Он занимался вопросами гармонизации цвета и формы, цвета и звука, его интересовала «проблема иерархии и связи различных органов чувств», соотношение осязания с цветом, формой, звуком. Ведущую роль в синтезе искусств будущего М.Матюшин отводил архитектуре: «Архитектура, – писал он, – покрывающая для всего творчества, в ней вмещаются все искусства, и поэтому в ней всего сильнее воплощается стиль. Недаром, думая о стиле, мы прежде всего представляем архитектуру». Он мечтал о таком синтетическом искусстве, «в котором цвет, форма и музыка сливались бы в едином гармоническом звучании» (Галеев, 2002. С. 235). Свою статью о светомыслии М.Матюшина Булат Галеев (2002) завершает следующими словами: «Он несомненно был одним из тех, кто после Скрябина и Кандинского разведывал пути к постижению ее природы, средств и приемов, которые это новое искусство может использовать» (с. 236).

Творчество знаменитого архитектора-конструктивиста, автора проекта «Город Солнца» И.И.Леонидова (1902–1959), серьезно повлиявшего на развитие современной мировой архитектуры, кандидат архитектуры, профессор Уральской государственной архитектурно-художественной академии А.А.Барабанов (устное сообщение) относит не столько к синтезу искусств, сколько к русскому космизму, так как почти с первых своих творческих работ он старался каждую значимую функцию заключать в отдельный архитектурный объем и располагать эти объемы в гармоничной объемно-пространственной композиции, напоминающей Космос с его звездами, планетами и их орбитами. В настоящее время Е.А.Бухаровой подготовлена к защите кандидатская диссертация, посвященная творчеству этого выдающегося архитектора.

В 1995 году Булат Галеев публикует книгу «Советский Фауст» о «пионере электронного искусства, великом изобретателе» Льве Сер-

геевиче Термене (1896–1993). «Советский Фауст» творил на Воробьевых горах, а место пребывания «Советского Мефистофеля» было другим – на Лубянке. Л.С.Термен был потомком альбигойцев, представителей религиозного течения «добрых людей» (катаров), преемников так называемых «андреевцев» (исповедовавших своим основателем апостола Андрея Первозванного) и проводников мистических учений Грааля, религиозного ордена, в XIII веке разогнанного по всей Европе, и одна из его генеалогических ветвей каким-то образом «проросла» в России. Выпускник Петербургской консерватории и одновременно – Высшего офицерского электротехнического училища, еще в дореволюционное время, он был сотрудником Государственного физико-технического института и одновременно – концертующим исполнителем, уже в 1920-е гг. получившим на этом поприще мировую известность (Галеев, 2002).

Лев Сергеевич в 1922 году создает инструмент, получивший название «терменвокс» (голос Термена), – первый в мире концертный электромузыкальный инструмент, звуки которого извлекались простым движением руки в воздухе, как бы «из ничего», а в 1926-м – действующий образец первого советского телевизора с экраном 1x1 м. Однако в рядах пионеров телевидения он не значится, поскольку прибор засекречивается «Мефистофелем» с целью использования его для «пограничного контроля», и о дальнейшей его судьбе ничего не известно. В 1930-е на целое десятилетие он командирован в США, где наряду с концертной деятельностью организует фирму по выпуску электромузыкальных инструментов «терспитон», в которых музыка создается уже не рукой, а движением всего тела: не музыка управляла танцем, а наоборот; тогда же проводит опыты по сочетанию музыки с осязательными воздействиями. В дуэте с Альбертом Эйнштейном (терменвокс-скрипка) они играли пьесы Гершвина, но параллельно с музыкой наш «Фауст» выполнял задание «Мефисто-

феля»: выяснить, на чьей стороне будут США в случае войны (Галеев, 2002).

Перед войной Лев Сергеевич возвратился на Родину и с трудом узнал ее – «страна погрузилась во мрак послереволюционного средневековья». «Советского Фауста» «на всякий случай» арестовали: вначале Колыма, затем сталинская «шарашка» в компании с А.Туполевым и С.Королёвым, где он разрабатывает радиомаяки для самолетов, аппаратуру для «беспилотников», а также подслушивающее устройство «Буря», которое Берия устанавливает не только в иностранных посольствах, но и в кабинете Сталина, за что автор получает в 1947 году Сталинскую премию I степени. В начале 1960-х «Мефистофель» его, наконец, отпускает, и Лев Сергеевич работает вначале в Московской консерватории, а затем до конца жизни – на кафедре акустики МГУ в должности рабочего-механика 6-го разряда (Галеев, 2002). Свидетельствует Б.Галеев: «Лев Сергеевич говорил мне не раз, что разобрался с “микроструктурой времени” и находится в преддверии раскрытия секрета бессмертия. Мистика?..» (с. 247).

«Встречаясь с Терменом, – пишет Булат Галеев (2002), – каждый раз я ловил себя на мысли: неужели всё это один человек, одна жизнь, которая вместила в себя технику и музыку, войну и мир, «терпситон» и «Буря», райское дворянское детство и чистилище революции, аплодисменты всей планеты и “крутые маршруты” бериевских лагерей. Жизнь свела в его судьбе Ленина и Сталина, Тухачевского и Рокфеллера, Гершвина и Королёва, Берия и Эйнштейна...» (с. 246).

Я же ловлю себя на другой мысли, мысли о поразительной схожести двух драматических судеб – «Советского Мефистофеля» и «красного барона», авиаконструктора Роберта Бартини, история которого описана мной в двух книгах (Усольцев, 2010, 2012). Обоих роднит парадоксальное сочетание их фантастической гениальности не только с невозможностью ее полной реализации в условиях ста-

линского режима, но и, более того, – с гонениями и репрессиями. По какому-то стечению обстоятельств оба оказались в одной «шарашке», в хорошей компании с А.Н.Туполевым и С.П.Королёвым, и оба получили высокие государственные награды, будучи в заключении, за разработки, далеко опережающие свое время. А сколько сотен, а может и тысяч, невинных русских талантов вообще не смогло реализоваться, сгинув бесследно в ГУЛАГе, посчитает ли кто когда-нибудь?

Оригинальным приложением мировоззрения Н.Ф.Фёдорова к проблеме развития искусств явилось творчество Василия Николаевича Чекрыгина – живописца, графика, идейного вдохновителя группы «Маковец» (1922–1927) – союза русских художников и поэтов, объединенных стремлением выразить в живописной форме духовные сущности.

Прямой последователь учения «общего дела» Н.Ф.Фёдорова, В.Н.Чекрыгин стремился к синтетическому, монументальному искусству, прообразу будущего реального космического творчества. Его работы, такие как графический цикл «Воскрешение», «Переселение людей в космос», представляли собой эскизы к фресковой росписи. «На этих листах мы видим, как в мерцании космической бездны, словно втянутые в медленное кружение, движутся фигуры людей, легкие, просветленные, в едином хороводе восстания к новой, бессмертной жизни» (Семенова, Гачева, 2004. С. 51).

В статье «О Соборе Воскрешающего музея» (1921) В.Н.Чекрыгин размышляет: «Когда мне бывает особенно тяжело, я вспоминаю Андрея Рублева с его другом, радующимся дивным иконам, Леонардо со спокойной и одинокой душой, великой душой, не отбросившей мира. Он мог стать великим пессимистом, были все данные к этому, но он величайший оптимист, в этом большая опора для меня. ...Я бы назвал цвет, свет, звук – высшей плотью. Творение из этой плоти вовсе не есть создание подобий. Оно – творение в высшем роде, в

высшем мире. Ученые возразят: то что не имеет клеточек, не может быть названо телом. Мы, художники, может быть, и ошибаемся, но не так уж мы не правы. У нас нет другого материала, которым бы мы могли рассказать о Слове» (<http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/157/94/>).

Профессор А.В.Бакушинский (1883–1939) под влиянием его картин писал: «Это – фрагменты титанического замысла, такого же неожиданного и немислимого для современного художественного бессилия, измельчания творческой мысли, как всё, что делал этот ис-

Василий Николаевич Чекрыгин (1897–1922). Автопортрет.

«Четыре идущие женщины». 1922. Худ. В.Н.Чекрыгин.

ключительный человек. Почти всё это – предощущения и видения живописного изображения Воскресения Мертвых» (Бакушинский, 1922. С. 132).

И далее: «Величественная тема самого таинственного и страшного момента мировой истории в его разрешении победы новой плоти над силой смерти глубоко волновала художника в последние годы его жизни. Его рисунки, эскизы, сотни чудесных ликов, позволяющих нам созерцать становящееся чудо. С первых же впечатлений мы во власти видения. ...Долгими часами, в растущем душевном напряжении вы погружаетесь в особый, жутко и глубоко волнующий мир. Он весь дематериализован, весь в свещающемся тумане, прорванном ритмическими интервалами – сгустками тьмы. В этой первичной космической туманности, как в видении Иезекииля, формируется плоть воскрешающая» (Бакушинский, 1922. С. 134). В возрасте двадцати пяти лет В.Н.Чекрыгин погиб под колесами поезда. Работы его хранятся во многих музеях России.

Сегодня нельзя обойти вниманием трагическую судьбу группы русских художников-космистов 1920-х гг., известную под названием «Амаравелла» (в переводе с санскрита – «Ростки бессмертия, или Обитель бессмертных»). На их формирование оказало влияние творчество Е.Блаватской, М.Чюрлёниса, Н.Рериха, В.Борисова-Мусатова. Творчество группы «Амаравелла» выделяется среди художественных предчувствий космической эры. Группа существовала в Москве с 1926 по 1930 год. Это был тесный кружок единомышленни-

ков. В их работах получила дальнейшее развитие идея синтеза искусств. В объединение, возглавляемое П.П.Фатеевым, входили А.П.Сардан (Баранов), Б.А.Смирнов-Русецкий, С.И.Шиголев, В.Т.Черноволенко и профессиональная актриса В.Н.Пшесецкая (Руна). Руна (сценический псевдоним) фактически была духовным центром и деятельным членом группы «Амаравелла». Сохранилось только 5 портретов членов группы ее работы, остальное погибло.

Б.Смирнов-Русецкий писал о Руне: «Казалось, она была направлена к нам (членам Амаравеллы) чьей-то Высокой Волей, чтобы объединить и сплотить нашу группу, придать более глубокий смысл нашим исканиям». В Петербурге она была членом теософского кружка и прекрасно знала теософскую литературу. В кружке проводились спиритические сеансы, посвященные изучению природы Венеры. Мужем Руны был философ Петр Успенский. Именно от него она получила углубленные познания оккультизма. В 1930 году В.Н.Пшесецкая была арестована и сослана в Архангельск. По предположению Смирнова-Русецкого она скончалась в 1945 или 1946 году.

Основателем «Амаравеллы» и ее лидером считался Пётр Фатеев (1891–1971), первый русский художник-космист. Ю.В.Линник (2008) видит П.П.Фатеева «дирижером-магом: по его мановению звуки и цвета превращаются друг в друга – картина воспринимается процессно. И это светомузыкальный процесс. Художник дирижирует небывалым оркестром» (с. 25). Еще до революции П.П.Фатеев со-

здал первые инопланетные пейзажи под воздействием живописи М.Чюрлёниса, поэзии У.Уитмена и Р.Тагора, фантастических произведений К.Фламариона и В.Крыжановской. На протяжении полувека в многочисленных работах из циклов «Опыты построения нового, иного мира», «Космические пейзажи», «Облака», «Космические цветы» П.П.Фатеев развивал еще почти не изведенную искусством тему. Он стремился к «опережающему» эстетическому постижению мироздания, пытался понять «знаки небес», увидеть вечную красоту Вселенной, считая, что «художественная космология» может содействовать научному постижению мировых законов (Клёнов, 1990).

Творчество А.П.Сардана Л.В.Шапошникова (2001) характеризует как сочетание научных предвидений и удивительной музыкальной одаренности, как редкую способность восприятия космических ритмов и вибраций; некоторые его полотна воспринимаются как послания носителей полевого разума. Начинаящий композитор школы Скрябина и виртуозный график Александр Сардан был автором названия группы. Разносторонне одаренный человек, знаток восточной и европейской культур, он постоянно интересовался новейшими открытиями в области науки и техники. Этот уникальный сплав знаний и увлечений помог ему ввести в искусство ряд оригинальных тем и сюжетов: «Симфония радиации Земли» (1923), «Маяки Земли и сигналы из космоса» (1926), «Микродинамика пространства» (1935) (Клёнов, 1990).

Петр Петрович Фатеев
(1891–1971).

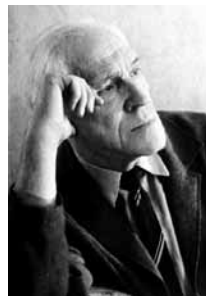
Александр Павлович Сардан
(1901–1974).

Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий
(1905–1993).

Сергей Иванович Шиголев
(1895–1943?).

Виктор Тихонович Черноволенко
(1900–1972).

Вера Николаевна Пшесецкая (Руна)
(1879–1946?).

Картины Б.А.Смирнова-Русецкого – «поэта тонкого мира» – символизируют непредсказуемость новизны, ожидающей человека на новой ступени иерархического восхождения. С первого же графического цикла «Прозрачность» стала формироваться его особая философия пейзажа, мотивы сокровенной жизни природы, раскрытой в просторы Вселенной. Ближе всего ему было творчество Н.Рериха. В 1927 году он начал свой цикл «Космос», но одновременно, единственный из всей группы, увлекся древнерусской историей и архитектурой, природой русского Севера. Б.А.Смирнов-Русецкий стремился создать цельный эстетический образ «человеченного мироздания» в живописных циклах «Север», «Острова в пространстве», «Надземные храмы» (Клёнов, 1990).

В наибольшей степени воздействие идей космонавтики и космофизики, помимо А.П.Сардана, коснулось в «Амаравелле» Сергея Шиголева. Его романтическая увлеченность стала главной причиной появления в 1927 году поистине уникального в мировом искусстве цикла «Космос». Новаторскими были сюжеты: «Машины в космосе», «Работа в космосе», «Лаборатория космоса». Удачной оказалась и попытка С.И.Шиголева передать средствами живописи состояние невесомости. Под влиянием теорий К.Циолковского и произведений Н.Рериха он продолжил поиск своего варианта искусства новой эры в сериях «Путь», «Идущий», «Радиосоната» (Клёнов, 1990). Цикл С.И.Шиголева «Лаборатория в Космосе», по Ю.В.Линнику (2008б), посвящен беспрецедентной для искусства теме: эстетически осваивается феномен жизни, понятой как функция Вселенной – как творческое проявление бытийных энергий; жизнь зарождается в открытом космическом пространстве.

Для Виктора Черноволенко, экономиста по профессии и талантливого композитора-самоучки, был характерен свой, совершенно иной подход к изобразительному искусству, отличавшийся даже от наиболее близкой ему «цветомузы-

кальной» графики А.Сардана и полотно М.Чюрлениса. В ранних поэтически-созерцательных пейзажных сериях «Якутия» и «Ладога» 1920–1930-х годов он сумел соединить, отталкиваясь от реальности, образы земной природы с ее величественными «космическими прообразами». Его привлекала «чистая», немного сказочная фантастика (Клёнов, 1990).

В живописи В.Т.Черноволенко Ю.В.Линник видит литургическое начало: это записанная в красках и линиях музыка какого-то инопланетного культа, космические хоралы звучат в его полотнах. Всматриваясь в гамму красок земных пейзажей, художник находил краски для изображения иных миров и самой Вечности – той, в которой все миры и эпохи когда-нибудь встретятся (Зорин, Книжник, 2000; Шапошникова, 2001; Линник, 2008б).

В.Абрамович (2009) выражает свое преклонение перед произведениями В.Т.Черноволенко – этими «окнами в астральный мир, картинами, представляющими сверхчеловеческие существа, проживающие во внутреннем пространстве нашей души. Тайна этих нематериальных существ заключается в том, что у них нет размеров и они находятся везде. И действительно, смотря на звездное небо с галактическими стаями, на наш Млечный путь, мы видим такие же облака световой энергии, из которых состоим и мы» (с. 41). Он характеризует Виктора Тихоновича как «музыканта сфер» и высоко духовного человека: «Через духовный лед своей эпохи он прошел как “рыцарь Света”, как ратник легендарной Шамбалы. Он защитил внутреннюю истину своего высшего существа, своего сияющего Я, которое до конца жило только в музыкальном свете, когда он играл, и в световой музыке, когда писал» (с. 44).

Творчество В.Т.Черноволенко оставило свой след и на Урале. Вот что вспоминает профессор Уральской государственной архитектурно-художественной академии А.А.Барабанов (устное сообщение): «С его творчеством я познакомил-

ся вплотную в 2001 г., когда в Музее нашей УралГАХА на Плотинке мы делали, во многом благодаря вдове М.Ф.Дроздовой-Черноволенко, выставку его работ из 101 картины, посвященную 101-летию со дня его рождения. Тогда же мы хотели издать большой каталог работ этого выдающегося художника-космиста, сверстали его, сопроводив шестью серьезными аналитическими статьями, посвященными его творчеству (на русском и английском языках) и чуть было не напечатали в типографии, но в самый ответственный момент директор Екатеринбургского благотворительного фонда (кажется, Кузьмин) решил, что у него наметились несколько другие планы и отказал нам в финансовой поддержке. Виктор Тихонович Черноволенко был не только удивительным художником-космистом, но и уникальным композитором-импровизатором. Когда мы трудились над каталогом, оказалось, что есть 13-часовая запись его музыкально-космических импровизаций, которую мы хотели записать на DVD-диске и приложить к нашему планировавшемуся каталогу творчества Виктора Тихоновича, названному нами «Мелодии Просторов Мироздания». М.Ф.Дроздова-Черноволенко умерла лет 5 назад и завещала часть картин Виктора Тихоновича Новосибирскому Музею Космонавтики, а большую часть его картин – Международному Центру Рерихов в Москве (Л.В.Шапошниковой). Одну из его больших картин, написанную маслом (2 x 1,5 м), Мария Филипповна подарила в 2001 г. нашему Музею УралГАХА, что на Плотинке».

В Манифесте, под знаком которого в 1927 г. прошла выставка «Амаравеллы» в Нью-Йорке, говорилось: «Наше творчество, интуитивное по преимуществу, направлено на раскрытие различных аспектов Космоса – в человеческих обликах, в пейзаже и в отображении абстрактных образов внутреннего мира... Восприятие наших картин должно идти не путем расщудочно-формального анализа, а путем вчувствования и внутреннего сопереживания – тогда их цель

будет достигнута». «Амаравелла» декларировала интуицию как основное средство познания Космоса. В Нью-Йорке художники не получили большого признания. Их последняя выставка состоялась в 1929 г. (Зорин, Книжник, 2000; Линник, 2008б).

Дальнейшая судьба художников сложилась трагически. Выставки в США и контакты с Н.К. и Е.И. Рерихами послужили поводом для репрессий. В 1930 г. была арестована Руна. Тогда же был подвергнут краткосрочному заключению А.П.Сардан, и он практически оставил живопись. В недрах ГУЛАГа исчез С.И.ШигOLEV, дата и место его гибели точно неизвестны. Четырнадцать лет находился в неволе Б.А.Смирнов-Русецкий. Оставшиеся на свободе мастера «Амаравеллы» не встали на путь конформизма, они ушли в андеграунд. Лишь после разоблачения культа личности Сталина «Амаравелла» стала понемногу выставляться и ныне она приобрела широкую известность (Линник, 2008б).

Художники вышли из недр Серебряного века, ими владели идеи Духовной революции, и космическое мироощущение полностью занимало их воображение и направляло кисть. «Амаравелла» искала контакты с другими мирами, направляя свою интуицию не только в космические дали, но и в транс-космические сферы. Это были единомышленники, непохожие на других и поэтому не признанные другими. У каждого из них был свой почерк и своя судьба. После октябрьского переворота тоталитарный государственный контроль воцарился в пространстве разгромленной культуры. Художники «Амаравеллы» были нежелательным элементом в поле «культурной» политики. Поэтому, едва родившись, «Амаравелла» уже была обречена на гибель. Она была запрещена в 1930 году. Несмотря на это, члены группы успели сделать немало (Шапошникова, 2001; Линник, 2008б).

В статье «Жизнь и гибель “Амаравеллы”» Л.В.Шапошникова (2001) отмечает ту особенность

творчества художников, которая применительно к М.К.Чюрленису именовалась «музыкальной живописью»: «Особое место в их творчестве занимала музыка, которая была тем формообразующим началом, откуда возникала Новая Красота, новая эстетика самого искусства. В ней звучали космические ритмы, сверкающими красками ложившиеся на полотна и творившие на них новую картину привычного мира. Озарения, всплывавшие из глубины существа самих художников, опережали научные открытия и грядущие философские находения... Через музыкальные космические порывы художников шли на зрителя связанные с космическим мироощущением идеи о беспредельности Космоса, обесконечности преобразования материи, о Красоте иных миров, о человеке как неотъемлемой части Космоса. Наука еще только подходила к моделированию новой Вселенной, к исследованию еще неизвестных ей физических процессов, а на полотнах «Амаравеллы» уже пылали краски, переливались новые космические формы, серебрились причудливые линии таинственной энергетики, и преображенный человек, свободный и утонченный, творил Новый мир».

«Настанет время, – пишет Л.В.Шапошникова (2001), – когда вспомнят об ушедших и погибших, разыщут их полотна, выставят их и напишут о них хорошие книги. Вновь птица Феникс забьет вещицы крыльями Красоты, и вновь Духовная революция созовет под свои знамена верных и сильных духом воинов. И вновь тьма и невежество пошлют свои полки на них. Свет и тьма, Добро и зло, ведение и неведение, созидание и разрушение сойдутся в Космической битве».

Художники «Амаравеллы» проникали в тайны «гармонии мироздания». «Абстрактная живопись уже полностью выходит в невесомость, – пишет Б.М.Галеев (2002. С. 301). Он считает абстрактную живопись «...сущностным признаком другой, визуальной “половины” светомузыкального синтеза, ...получившей реальное

“невесомое” движение в этом синтезе» (с. 304) и мечтает о «сравнительной проверке воздействия “весомой” музыки (Моцарт, Бетховен) и “невесомой”, “красочной” музыки (Скрябин, Шёнберг) в условиях реальной невесомости на космической орбите» (с. 305)».

С.А.Казанцева (1998) лучшим традициям русского духовного искусства противопоставляет нынешние: «Стремление к свободе и самовыражению нередко преобладает у многих современных авторов, при этом ограничиваясь рамками собственной личности. Вряд ли останутся в вечности и станут культурными памятниками многие из сегодняшних “произведений”. Разве что свидетельством болезни тела вследствие всеобщей бездуховности. Но у всего телесного, как известно, срок короток, и душа в него никогда не вернется, если и при жизни тела ей не нашлось там места. Многие из современных произведений, по-видимому, лишь смогут удивить наших потомков, являясь историческим свидетельством того, “какие странные люди жили в то время” и смогут служить предостережением “как не надо” относиться к творчеству».

Наиболее ярким и последовательным продолжателем идей синтеза искусств в наше время является уже неоднократно упоминаемый выше Булат Махмудович Галеев. Со студенческих времен, с кружка художественной самодеятельности при Казанском авиационном институте, с СКБ по изучению светомузыки «Прометей», выросшего впоследствии до академического НИИ экспериментальной эстетики «Прометей» АН Татарстана, его сопровождала во всех начинаниях выпускница Казанской консерватории, верная спутница, позднее – жена Ирина Ванечкина. Булат Галеев был потомком элитарного слоя казанской интеллигенции и рано приобщился к мировой и русской культуре. Еще в школе, возможно, под влиянием живописи Кандинского, у него возникла мысль о необходимости объединить живопись с миром музыки «в небывалом танце красок и форм», а для этого был нужен новый ма-

териал – свет и новый инструментарий. Поэтому увлекся как гуманитарными, так и техническими науками.

В 1960-е, в период борьбы с абстракционизмом, их студенческая творческая группа попала «под колпак» людей «в штатском». Творчество будущего доктора философских наук буквально с его первых шагов было встречено «в штыки» официальной наукой, а тех издателей, что отваживались публиковать его, сурово наказывали и даже увольняли «по указанию сверху» (Галеев, 2002). В течение ряда лет в казанском СКБ «Прометей» разрабатываются светомузыкальные инструменты и с их помощью снимаются фильмы «видимой музыки».

Вот что пишет петербургский профессор М.С.Каган (2002): «Булат Галеев – уникальное явление в российской культуре XX и, видимо, XXI столетий. Впрочем, почему только российской: сколько я знаю культуру Европы и Америки, не встречался мне другой подобный мыслитель – одновременно ученый и художник, в обеих своих ипостасях находящийся на том гребне истории, на котором сегодняшнее состояние культуры переходит в завтрашнее» (с. 12).

Считая Булата Галеева «уникальным явлением в современной культуре», М.С.Каган видит эту уникальность «...не только в этой

Булат Махмудович Галеев
(1940–2009).

паразитической разносторонности дарования, но и в направленности всей его деятельности, смысл которой – включение в нашу эстетическую науку рожденного техническим прогрессом XX века нового вида искусства – светомузыки. Б.Галеев преодолел разрыв между практическими экспериментами, проводимыми энтузиастами этого искусства, и теоретическим конструированием его модели – он вывел теорию свето- и цветомузыки (и других новых смежных видообразований) из осмысления собственной (и своих коллег) практической деятельности и проверил всё в собственных опытах. Он подкрепил эту теорию и обоснованием синестезии как «сущностной» человеческой способности, лежащей в психической базе нового искусства» (с. 13–14).

Что же такое «синестезия» в понимании Б.Галеева? Термин «синестезия» (от «син-эстетис») расшифровывался обычно как «со-ощущение». Он вошел в научный обиход более века назад, однако до последнего времени, наряду с основным значением как проявлением «межчувственных связей в психике» имелся ряд других определений в других областях искусства. Б.Галеев выступил противником толкования синестезии как аномалии или даже болезни, или как некоего «шестого чувства». Он считает, что синестезия – это не «со-ощущение», а «со-представление», «со-чувствование», *это межчувственная ассоциация*, которая может быть пассивной (обывательской) либо активной (творческой).

Рассматривая синестезию как «ассоциацию по сходству», в чем-то родственную обычной метафоре, Б.Галеев имеет в виду, в первую очередь, эмоциональное подобие, эмоциональное сходство, наиболее присущее искусству и осуществляемое обычно на подсознательном уровне. При этом, чисто внешне, формально осуществляется «сравнение несравнимых вещей», тем не менее, всем понятное, как то: «черный ужас», «зеленая тоска», «холодный взгляд» и т.п. (Впрочем, наверное, наименее «всем понятно» выше упомянутое звуко-цветовое

Ирина Леонидовна Ванечкина
(1940–2013).

определение, данное К.К.Сараджевым художнику А.П.Васильеву – «Ре-диез мажор оранжевого цвета» (Ванечкина, 2000), но это уже надо отнести к исключительности, уникальности личности Константина Константиновича).

«В связи с этим, – пишет Б.М.Галеев (2002), – синестезию следует отнести к области невербального (здесь – чувственного, образного) мышления, наряду с визуальным, музыкальным мышлением. А точнее, если речь идет о слухо-зрительной синестезии, она как раз и является связующим компонентом визуального и музыкального мышления!» (с. 270). Будучи специфической формой взаимодействия в целостной системе чувственного отражения, синестезия есть «проявление сущностных сил человека», а не «аномалия мозга». Как сущностное свойство художественного мышления, синестезия содействует выполнению «компенсаторных функций по опосредованному возмещению неполноты самой чувственности в моносенсорных искусствах» (с. 272). Таким образом, светомузыка не заменяет традиционные музыку и живопись, а выполняя компенсаторную функцию, дополняет и то, и другое. В то же время, в стремлении приблизиться к музыке живопись у М.К.Чюрлениса и В.В.Кандинского «перестает быть

изобразительной» (Галеев, 2002. С. 468).

«Межчувственная ассоциация, – пишет далее Б.М.Галеев (2002), – это есть способность именно ментально, в воображаемом сопоставлении “видеть” пластику мелодии, колорит тональности и, наоборот, “слышать” звучание цветов и т.д. Синестезия – общезначимое свойство человеческой психики, ведь каждый из нас понимает синестетические переносы в поэтической и обыденной речи (“яркий звук”, “матовый тембр” и т.д.). Часто словесные характеристики музыкальных звучаний используются из словарей иных ощущений, прежде всего, зрения и осязания: «бархатный, теплый голос гобоя», «мелкие трели рояля», «акварельно-прозрачные звучания флейты», «хроматические цепочки трезвучий», «многоцветная оркестровая ткань» и т.д. Когда в зрительных впечатлениях акцент делается на цвете, то вместо синестезии используется, как ее частный случай, другой термин, известный и интенсивно обсуждаемый еще в XIX веке, – «цветной слух».

Воображение, «тяга к синестезии» наиболее развита у детей, у взрослых она уже постепенно гасится. В подтверждение этому Б.М.Галеев (2002. С. 317) цитирует казанскую поэтессу Г.Романову:

Пытливо глазёнки на рощу глядят:
Деревья стоят, а кусты, что – сидят?
Мороз белым инеем улицы пудрит,
Заметно дыханье. – Ай! Лошади курят,

Но многим вопросам не сыщешь ответа:
Зачем имя Леночка желтого цвета?
А имячко Света белого цвета?
Все дети – Сократы, все дети – поэты,
Не забывайте, люди, об этом!

В свои неполные три года я, по-видимому, еще не догадывался о феномене синестезии, но когда на свет появился мой брат Александр, то, со слов мамы, я прокомментировал это событие предельно коротко (хотя к тому времени русский язык уже худо-бедно освоил): «Вова – Уууу, а Саша – Ииии!» – видимо, самое сильное первое впечатление произвела колоссальная разница в наших «весовых категориях».

Дети находят возможным и разумным «рисовать людей выше домов», передавать карандашом свои ощущения. Поэтому в СКБ «Прометей» на основании экспериментов с детьми по «рисованию музыки» была разработана специальная методика обучения детей, их художественного воспитания. И.Ванечкина и Б.Галеев пишут (2002): «Мы поняли, что синестетичность описаний как специфическое проявление метафоричности может служить своего рода индикатором глубины эмоционального проникновения в суть произведения и что, в свою очередь, сама синестезия может стать одним из инструментов музыкального воспитания». Как считает Т.Черниговская, абстрактная живопись лучше воспринимается детьми, причем это происходит в глубинах сознания. Возможно, феномен имеет филогенетические корни: известно, что в утробном развитии ребенок проходит все стадии развития, начиная от низших животных, и может быть, неслучайно некоторые животные активно реагируют на абстрактную живопись.

По мере накопления проявлений синестезии в синтезе искусств формируется «психологическая установка на наиболее ожидаемые, т.е. банальные сопоставления зримого и слышимого». Всем понятной становится «постоянная синхронность в движениях музыки и сложных визуальных образов». Но слухо-зрительным «унисоном» не ис-

черпываются возможности аудиовизуального синтеза. А.Скрябин показал, «какие великие возможности кроются в приемах слухозрительной “полифонии”, когда наряду с моментами слухозрительного “унисона” используются моменты преднамеренного, сознательного отступления от “унисона”. Речь идет о моментах “слухозрительного контрапункта”, когда “аудио” и “видео” входят в осмысленное противоречие» (Галеев, 2002. С. 308). В оригинальных слухо-зрительных произведениях психологическая установка на «унисон», на «подсказки» синестезии «может и должна преодолевать эстетической установкой, обусловленной конкретным художественным замыслом. И именно слухо-зрительный контрапункт, слухо-зрительная полифония обеспечивают образное единство и органическую целостность разнородных средств при их синтезе» (там же. С. 272).

Б.М.Галеев пишет далее: «Гениальность Кандинского заключается в том, что он пошел дальше, открыв более глубокие закономерности синтеза, обратив внимание на феномен так называемого “внутреннего контрапункта”, на основе чего, в развитие его идей, нами были исследованы принципы так называемой “внутренней полифонии”» (там же. С. 309). Речь идет о существовании, наряду с интермодальными, интрамодальными синестезиями, т.е. «о психологических ассоциациях между отдельными компонентами внутри одного сенсорного материала». Согласно представлениям В.Кандинского, «активный желтый цвет близок по эмоциональному воздействию к активной, острой фигуре треугольника, спокойный синий цвет близок к спокойному кругу, а монолитный квадрат близок по воздействию к красному цвету». И он в своих картинах пользуется всем диапазоном контрастов: «от нулевого при внутреннем унисоне (красный квадрат, синий круг) до самых резких контрастов (желтый круг, зеленый квадрат) и т.д. Всё это и позволяет воспринимать его абстрактные картины как подлинную симфонию».

ческую «музыку для глаз» (Галеев, 2002. С. 310).

Б.М.Галеев приводит примеры внутреннего контрапункта в разных искусствах. Так, в архитектуре вид египетских пирамид согласуется с ощущением «весомости» камня (внутренний унисон), а облик «пламенеющей» готики антагоничен используемому материалу (внутренний контрапункт), что и определяет эстетическое своеобразие ее стиля. В поэзии именно полифоническим содержанием определяется «музыка стиха», она состоит, как писал Б.Пастернак, «не в благозвучии гласных и согласных, отдельно взятых, а в соотношении значения речи и ее звучания». Наконец, в музыке «внутренние голоса» могут быть параллельными, т.е. следовать «подсказкам» внутренней синестезии или находиться в противофазе. Б.М.Галеев, анализируя музыку разных эпох (Бах, Бетховен, Скрябин), увидел постепенный переход от использования приемов «внутреннего унисона» к более широкому обращению к приемам «внутреннего контрапункта».

Согласно Б.М.Галееву, светомузыка тесно связана и с музыкой, и с живописью, и с хореографией, и с кинематографом, но эти отношения «могут быть объяснены лишь диалектикой части и целого, лишь при понимании светомузыки как органически целостной художественной системы». Человек и раньше имел возможность «видеть» музыку при восприятии танца, балета, – танец еще с античных времен называли «музыкой для глаз». Сущность же светомузыки Булат Махмудович раскрывает в условной характеристике ее как искусства «инструментальной световой хореографии» (с. 21, 445).

Обращаясь в наш компьютерный век, Б.М.Галеев развенчивает некоторые сложившиеся мифы и стереотипы, связанные с внедрением ЭВМ в искусство. В частности, он опровергает мнение, что «компьютерам будет доступно моделирование художественной деятельности», считая что «компьютер – это просто новый инструмент, пусть и со своими (великими)

особенностями», что «в настоящих произведениях искусства всегда должно присутствовать творческое “Я” активного художника» (с. 486, 488), что полная формализация, алгоритмизация художественного творчества в принципе невозможна. «С помощью машины, – пишет Б.Егоров (1968), – как бы имитируется человеческая посредственность. Мы как бы получаем точную математическую формулировку того, что уже стало стандартом, трафаретом, по которому работают ремесленники» (с. 238).

Комментируя еще один миф о том, что «компьютерные средства вытеснят все предыдущие, включая кино-, фото-, теле-, видеотехнологии», Б.М.Галеев (2002) пишет: «Подобно тому, как бананы не заменяют яблоко или картофель, компьютерная “палитра” должна функционировать в культуре не “вместо”, а “вместе”, обладая своими специфическими особенностями в системе художественной коммуникации, формирующими свой, новый язык художественного мышления» (с. 488). Точно так же Б.М.Галеев противостоит мнению, что «художник будет создавать уже не новые произведения, а новые виды искусства, что потребность в прежних видах художественного творчества исчезнет». Он утверждает: «В науке, технике любое новое открытие покрывает, включает в себя прежнее. В искусстве же создание картин К.Моне не лишает значимости пейзажей Ф.Васильева, рождение музыки Шостаковича никак не сказывается на месте в культуре произведения Моцарта», «шедевры Репина и Кандинского не подминают и не подменяют Джотто и Рафаэля», светомузыка никак не заменяет традиционной живописи и музыки. «Вселенная искусства расширяется, но при этом не рассыпается на беспризорные и изолированные художественные акции, ибо сохраняет свою целостность, их растущее системное множество, прежде всего, за счет взаимодействия друг с другом» (с. 475, 495, 499). Возвращаясь к ожидаемому Вагнером и Скрябиным «всеискусству», Булат

Галеев (2002) констатирует: «Художественная Вселенная оказалась сложнее, многообразнее. И в ней, судя по всему, не исчезнет никогда борьба тенденций видového разделения и синтеза искусств, которая и составляет системное бытие искусств» (с. 480).

Книгу «Искусство космического века» Б.Галеев завершает своим видением будущего в искусстве, последствий расширения «Вселенной искусств» (2002. С. 499–500): «В этом количественном росте системы, обеспечиваемом и за счет компьютеров, вероятно, заключен единственно достоверный показатель прогресса в искусстве. Ибо расширяется контингент тех, кто может испытать и проявить себя в художественном творчестве, имея возможность реализовать свой недовостребованный творческий потенциал... Новые художники говорят на новом языке, используя новый инструментарий, рождаемый в ходе развития единой культуры, единой человеческой цивилизации, формирующей диалектическое двуединство процессов становления эстетических потребностей и способностей их реализации».

Так искусство русских космистов Серебряного века в своем восходящем развитии сомкнулось с «Искусством космического века» Б.М.Галеева в нашем, XXI столетии.

Список использованной литературы:

- Абрамович В. Виктор Черноволенко – рыцарь Света // Дельфис. 2009. № 2(58). С. 41–44.
- Бакушинский А.В. На пути к великому искусству // Жизнь. Литературно-художественный журнал. М., 1922. № 3. С. 132–134.
- Блок А.А. Записные книжки (1901–1920). М.: «Художественная литература», 1965. 663 с.
- Блок А.А. Всё – музыка и свет. Избранная лирика. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 64 с.
- Брюсов В.Я. О искусстве. М: Товарищество Типографии А.И.Мамонтова, 1899. 30 с.
- Булгаков С.Н. Сны Геи // Критические отзывы. В книге: Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи. М.: Астрель, 2007. 1137 с.

Ванечкина И.Л. Скрябин и Чюрленис: музыка и живопись на пути к синтезу // Вестник Казанского ГТУ. 1999. № 1. С. 68–73.

Ванечкина И.Л. О «цветном слухе» К.Сараджева // Матер. междунар. конфер. «Прометей-2000». Казань: «Фэн», 2000. С. 101–104.

Ванечкина И.Л., Галеев Б.М. «Поэма огня»: Концепция светомузыкального синтеза А.Н.Скрябина. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981. 168 с.

Ванечкина И.Л., Галеев Б.М., Реальные истоки скрябинского замысла «световой симфонии» // Новые технологии в культуре и искусстве / Тез. докл. Казань: НИИ «Прометей», 1995. С. 5–7.

Ванечкина И.Л., Галеев Б.М. Кандинский и Скрябин: мифы и реальность // Многогранный мир Кандинского / сб. статей. М.: Наука, 1998. С. 131–143.

Ванечкина И.Л., Галеев Б.М. Синестетические эксперименты в музыкальном образовании // Человек. 2002. № 2. С. 89–99.

Введенская Е.В. Утопические идеи в философии русского космизма (Н.Ф.Фёдоров, К.Э.Циолковский, В.И.Вернадский): Дис. ...канд. философ. наук: 09.00.03. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007. 155 с. (Фонды РГБ).

Галеев Б.М. Скрябин и развитие идеи видимой музыки // Музыка и современность. Вып. 6. М.: Музыка, 1969. С. 77–141.

Галеев Б.М. Советский Фауст: Лев Термен – пионер электронного искусства. Казань, 1995. 96 с. (Приложение к журналу «Казань»).

Галеев Б.М. Искусство космического века. Избранные статьи. Казань: «Фэн», 2002. 572 с.

Горский А.К. (Остромиров А.). Николай Федорович Фёдоров и современность. Очерки. Вып. 1: Николай Федорович Фёдоров. 1828–1903–1928. Биография. Харбин, 1928; Вып. 2: Проективизм и борьба со смертью. Богословие общего дела. Харбин, 1928; Вып. 3: Организация мировоздействия. Харбин, 1932; Вып. 4: Острие мирового кризиса. Харбин, 1933.

Горский А.К. Николай Федорович Фёдоров и современность // Н.Ф.Фёдоров: pro et contra. В 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 518–658. (Русский путь).

Егоров Б. Литературоведение и математические методы // Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968. С. 85–93.

Жаравина Л.В. Художественные формы выражения религиозной догматики в русском искусстве // Горизонты цивилизации: Сб. статей участ-

ников Междунар. науч. конф. (Аркаим, 26–28 мая 2010 г.). Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010. С. 74–85.

Зорин С.М., Книжник Т. Вестники дальних миров // Каталог выставки произведений художников группы «Амаравелла». М.: Международный центр Рерихов; Мастер-банк, 2000 (<http://www.optical-teatr.ru/library/files/009/pdf>).

Иванов Вяч. И. По звездам. Борозды и межи. М.: «Астрель», 2007. 1137 с.

Каган М.С. От отечественного коллеги // Предисловие к книге: Галеев Б.М. Искусство космического века. Избранные статьи. Казань: «Фэн», 2002. С. 12–15.

Казанцева С.А. Тайна духовной пирамиды // Антропос и поэсис. Вып. 1. М.: Ин-т философии РАН, 1998 (http://philosophy.ru/iphras/library/a_p/kazan.html).

Кандинский В.В. О «Великой Утопии» // Художественная жизнь. 1920. № 3. С. 2–4.

Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М.: «Архимед», 1992. 110 с.

Клёнов В. «Амаравелла» // Техника молодежи. 1990. № 3. С. 34–35.

Куракина О.Д. Поэсис русского космизма: космическая драма отвлеченных начал // Антропос и поэсис. Вып. 1. М.: Ин-т философии РАН, 1998 (http://philosophy.ru/iphras/library/a_p/kyrakina.html).

Линник Ю.В. Жемчужница. Петрозаводск: Изд-во «Святой остров», 1995. 58 с.

Линник Ю.В. Скрябин. Петрозаводск: «Полимусейдон», 2008а. 16 с.

Линник Ю.В. Амаравелла. Петрозаводск: «Полимусейдон», 2008б. 32 с.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 25.

Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта: Опыт теоретические и исторические. Изд. 2-е. М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. 416 с.

Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: Издание автора, 1924. С. 109.

Овечкина И.С. Космизм и русское искусство первой трети XX века: Автореф. дис... канд. культурологии: 24.00.02. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 1999. 18 с.

Розинер Ф.Я. Гимн Солнцу (Чюрленис). М.: Молодая гвардия, 1974. 190 с.

Рубцова В.В. Александр Николаевич Скрябин. М.: Музыка, 1989. 447 с.

Сабанеев А. Воспоминания о Скрябине. М.: Музсектор Госиздата, 1925. 318 с.

Савельева И.П. Идеи космизма в музыкальной культуре Серебряного века: Дис... канд. культурологии: 24.00.01. Нижневартовск: Нижневар-

товский гос. пед. ин-т, 2004. 148 с. (Фонды РГБ).

Семенова С.Г., Гачева А.Г. Философ будущего века (личность, учение, судьба идей) // Н.Ф.Фёдоров: pro et contra. В 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 5–92. (Русский путь).

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., Харьков: АСТ; Фолио, 2000. 651 с.

Усольцев В.А. Русский космизм и современность. 3-е изд. Екатеринбург: УГЛТУ, 2010. 568 с. (<http://elar.usfeu.ru/handle/123456789/2605>).

Усольцев В.А. Русь изначальная, русский космизм и столетие падения России. Екатеринбург: УГЛТУ, 2012. 600 с. (<http://elar.usfeu.ru/handle/123456789/2602>).

Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. М.: Прогресс, 1995. 544 с.

Цветаева А.И., Сараджев Н.К. Мастер волшебного звона. 2-е изд. М.: Музыка, 1988. 109 с.

Чекрыгин В.Н. О Соборе Воскрешающего музея. М., 1921 (<http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/157/94/>).

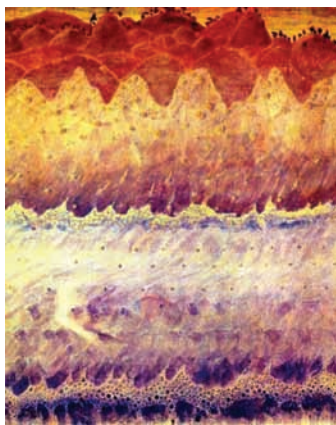
Шапошникова Л.В. Жизнь и гибель «Амаравеллы» // Тернистый путь Красоты. М.: МЦР; Мастер-банк, 2001. С. 262–273.

Яблонский Э.Г. Космизм как феномен русской культуры // Журнал «Самиздат». 2010. 6 апреля (http://zhurnal.lib.ru/j/jablonskij_eduard_genrihowich/ed567.shtml).

Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века. Вступительная статья // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. 95 миллионов жертв. 2-е изд. М.: Изд-во «Три века истории», 2001. 766 с. (<http://www.agitclub.ru/gorby/ussr/blackbook1.htm>).

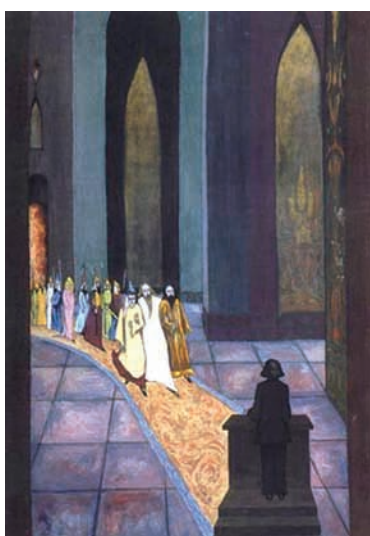

«Соната моря. Аллегро».
Худ. М.К.Чюрлёнис.

«Застывшие аккорды музыки цвета»: «Осенний пейзаж» и «Амазонка».
Худ. В.В.Кандинский.

Шествие. Худ. П.П.Фатеев.

НЛО над озером.
Худ. Б.А.Смирнов-Русецкий.

В высь. Худ. А.П.Сардан.

Портрет Сардана (Тар). 1928.
Худ. В.Н.Пшесецкая (Руна).

Небо и Земля. Прошлое.
Худ. С.В.Шиголов.

Звучание дальних миров.
Худ. В.Т.Черноволенко.

Зал светомузыки в Молодежном центре Казани. Разработка СКБ «Прометей» (Галеев, 2002).

Светомузыкальный спектакль «Прометей» (Скрябин+Кандинский). Постановка Б.Галеева и И.Ванечкиной (Галеев, 2002).

«Малиновый звон» на Спасской башне Казанского Кремля. Автор проекта Б.Галеев (Галеев, 2002).

Светодинамическое освещение современной архитектуры. Автор проекта Б.Галеев (Галеев, 2002).

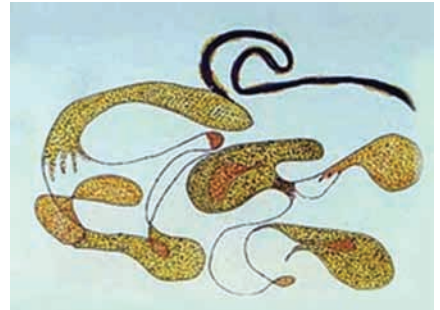
«Марш» из музыки Г.Свиридова к повести Пушкина «Метель». Рисунок В.Ганачевского, 12 лет (Ванечкина, Галеев, 2002).

40-я симфония (часть 1) В.-А.Моцарта. Рисунок Л.Шевелевой, 13 лет (Ванечкина, Галеев, 2002).

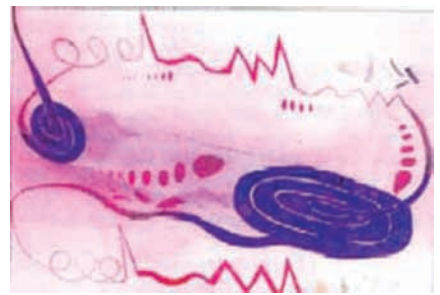
«Романс» из музыки Г.Свиридова к повести Пушкина «Метель». Рисунок Л.Шевелевой, 12 лет (Ванечкина, Галеев, 2002).

Из цикла «К детям» Б.Бартока. Рисунок Р.Садыковой, 12 лет (Ванечкина, Галеев, 2002).

«Скерцо» М.Мусоргский. Рисунок И.Валева, 12 лет (Ванечкина, Галеев, 2002).

«Темное пламя» А.Скрябина. Рисунок И.Солдатовой, 17 лет (Ванечкина, Галеев, 2002).

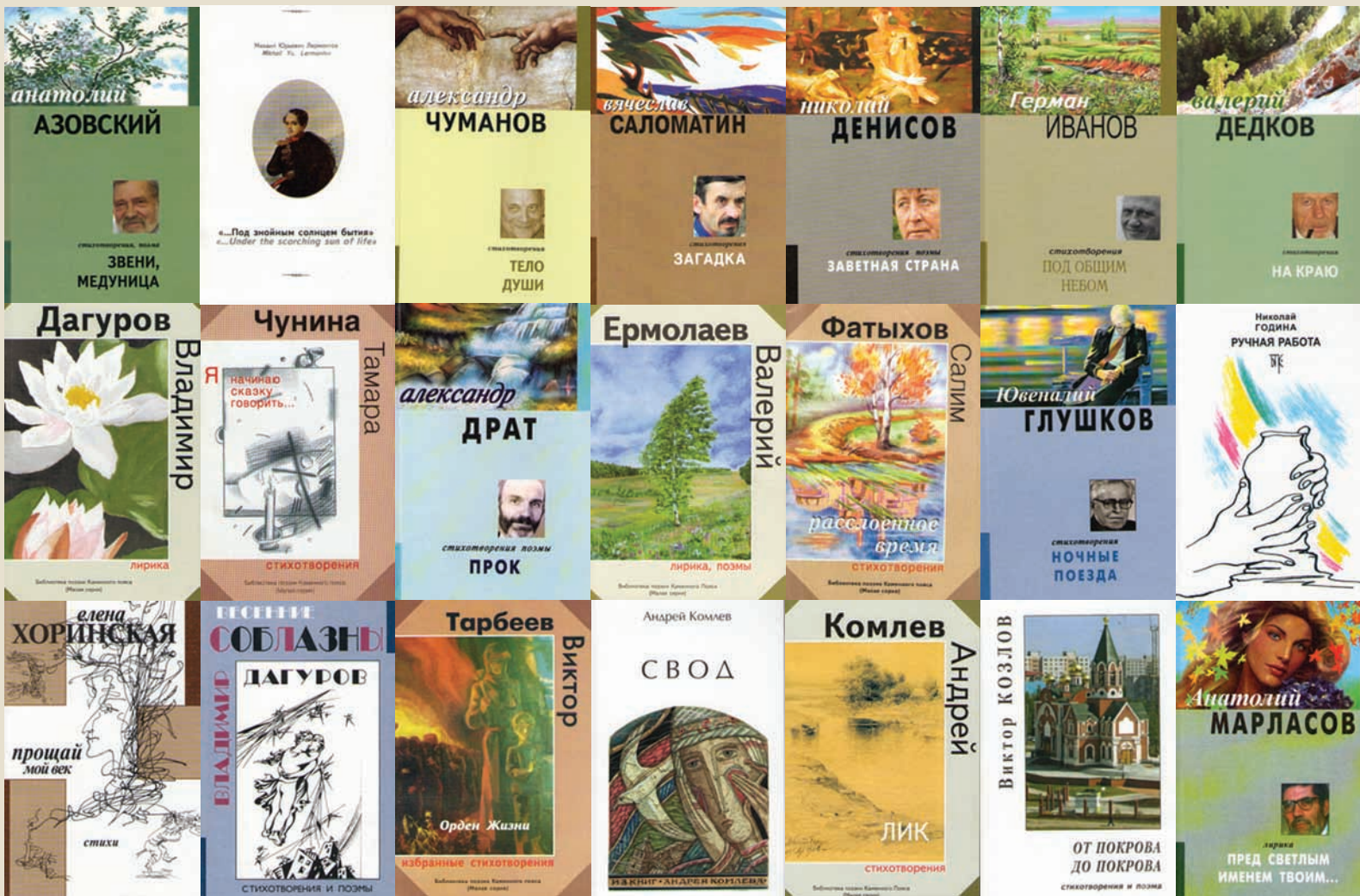

Цвето-музыкальный фонтан в Екатеринбурге.

Поющие фонтаны: в Екатеринбурге (слева сверху); в Сочи (справа сверху); в Барселоне (слева внизу); в Марианске Лазне, Чехия (справа внизу).

БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ КАМЕННОГО ПОЯСА

ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗДАТЕЛЬСТВО «БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ».

